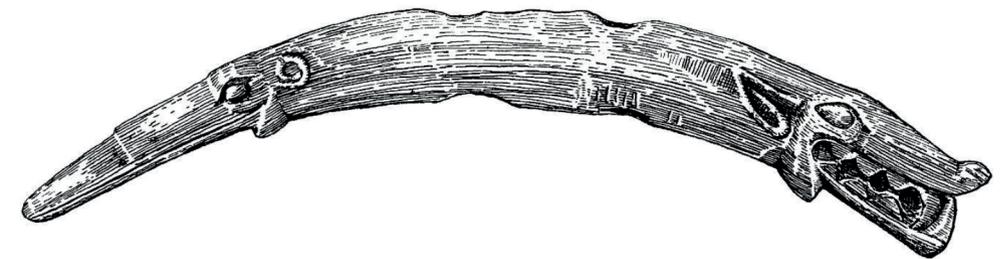

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

NATIONS AND RELIGIONS
OF EURASIA

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсино, доктор гуманитарных наук
(Япония, Токио)

Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук
(Россия, Благовещенск)

А. В. Поляков, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук
(Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук
(Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук
(Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

А. В. Бауло, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

И. И. Юрганова, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

Журнал утверждён научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационный номер ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Vol. 28, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2023

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),
A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)
N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)
Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)
E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)
Kh. Omarkhali, doctor of philosophy
(Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)
A. V. Polyakov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

The journal was approved by the Scientific and Technical Council of Altai State University and registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadkhor). Registration number PI No. FS 77-78911 dated 07.08.2020. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911. Registration date 07.08.2020 z.

Editorial office address: 656049, Altai region, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)
E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

I. I. Yurganova, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Дашковский П. К.* Археолог, педагог, наставник: к 60-летию юбилею
Алексея Алексеевича Тишкина 7
- Киреев С. М., Радовский С. С.* Сосуды с «трубчатым носиком-сливом»
в материалах Быстрянской и синхронных культур раннего железного века
Алтая.....42
- Мандрыка П. В., Юрьева В. В.* Образ хищной птицы в металлопластике культур
раннего железного века лесостепных и южно-таежных районов
Средней Сибири 62
- Советова О. С., Сирюкин И. В.* Новое скальное захоронение на Тепсее 82
- Шульга П. И.* Поясные бляшки Староалейской культуры: происхождение
и использование 99
- Солодовников К. Н., Дашковский П. К., Эрдэнэ М., Нечвалода А. И., Тур С. С.,
Кравченко Г. Г.* Краниологические материалы энеолита — ранней бронзы
северо-западной и юго-восточной периферии ареала афанасьевской общности:
к вопросам о территориально отдаленных родственных связях и о выделении
куротинского типа памятников 120

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.* «Деревянный» огонь у чукчей 151
- Скрынникова Т. Д.* Титул «хаган» — маркер верховной власти в монгольской
летописной традиции 184

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Марсадолов Л. С.* Сакральные образы древа, животных, богини и близнецов
у древних кочевников Евразии.....194
- Дашковский П. К., Ожиганов А. Н.* Советская государственно-
конфессиональная политика в отношении религиозных общин Хакасской
автономной области во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг..... 218

- ДЛЯ АВТОРОВ** 237

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Dashkovskiy P. K.</i> , Archaeologist, teacher, mentor: on the 60th anniversary of Alexey Alekseevich Tishkin	7
<i>Kireev S. M., Radovskiy S. S.</i> Vessels with a “tubular spout-drain” in the materials of the Bystryanskaya and Synchronous cultures early iron age Altai.....	42
<i>Mandryka P. V., Yurieva V. V.</i> The image of a bird of prey in the metal — plastic cultures of the early iron age of the forest-steppe and south taiga regions of Central Siberia.....	62
<i>Sovetova O. S., Siryukin I. V.</i> A new rock burial on Tepsey	82
<i>Shulga P. I.</i> Belt plaques of Staroaley culture: origin and usage.....	99
<i>Solodovnikov K. N., Dashkovskiy P. K., Erdene M., Nechvaloda A. I., Tur S. S., Kravchenko G. G.</i> Craniological materials of the eneolithic-early bronze age of the north-western and south-eastern periphery of the afanasiev community area: on the questions of territorially distant family relations and the identification of the kurotin type of sites.....	120

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Ozheredov Y. I., Yarzutkina A. A.</i> “Wooden” fire at the people of the chukchi	151
<i>Skrynnikova T. D.</i> The “khagan” title as a marker of supreme power in the Mongolian chronicle tradition.....	184

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Marsadolov L. S.</i> 05Sacred images of the Tree, Animals, Goddesses and Gemini at the ancient nomads of Eurasia	194
<i>Dashkovskiy P. K., Ozhiganov A. N.</i> Soviet state-confessional policy in relation to the religious communities of the Khakass autonomous region in the second half of the 1970s — the first half of the 1980s	218

FOR AUTHORS	237
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902

DOI: 10.14258/nreur(2023)3-01

П. К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

АРХЕОЛОГ, ПЕДАГОГ, НАСТАВНИК: К 60-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ТИШКИНА

Статья подготовлена к шестидесятилетнему юбилею доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета Алексея Алексеевича Тишкина. В работе представлены некоторые воспоминания доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Петра Константиновича Дашковского о педагогической и научной деятельности Алексея Алексеевича Тишкина. Особое внимание уделяется освещению экспедиционной деятельности и основным положениям культурно-исторической концепции развития кочевых культур Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья. Обращается внимание на то, что А. А. Тишкиным было рассмотрено развитие бийкенской, майэмирской, пазырыкской, булан-кобинской, тюркской, кыргызской культур, а также культуры монгольского времени. На основе систематизации и анализа инвентаря из погребальных комплексов, содержащих наиболее массовый и представительный материал, для каждой культуры были выделены этапы формирования и развития. Изучение особенностей погребального обряда позволило выявить этнокультурные компоненты у населения, проживающего на территории Алтая в разные периоды. А. А. Тишкин также соотнес выделенные хронологические периоды с известными историческими событиями, отраженными в письменных источниках, которые происходили в Евразии и в большей или меньшей степени повлияли на историю народов, проживавших на Алтае.

Ключевые слова: археология, биография, научная школа, кочевники, Внутренняя Азия, Алтай.

Цитирование статьи:

Дашковский П. К. Ученый, педагог, наставник: к 60-летию юбилею Алексея Алексеевича Тишкина // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 7–41.

DOI: 10.14258/nreur(2023)3–01

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

ARCHAEOLOGIST, TEACHER, MENTOR: ON THE 60TH ANNIVERSARY OF ALEXEY ALEKSEEVICH TISHKIN

The article was prepared for the sixtieth anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of the Altai State University Alexei Alekseevich Tishkin. The paper presents some memoirs of the Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations Petr Konstantinovich Dashkovskiy about the pedagogical and scientific activities of Alexei Alekseevich Tishkin. Particular attention is paid to the coverage of expeditionary activities and the main provisions of the cultural and historical concept of the development of the nomadic cultures of Altai in the era of late antiquity and the early Middle Ages. Attention is drawn to the fact that A. A., Tishkin considered the development of the Biiken, Mayemir, Pazyryk, Bulan-Koba, Turkic, Kyrgyz cultures, as well as the culture of the Mongolian time. Based on the systematization and analysis of grave goods from the burial complexes, which contained the most massive and representative material, the stages of formation and development were identified for each culture. The study of the features of the funeral rite made it possible to identify the ethno-cultural components of the population living in the territory of Altai in different periods. A. A. Tishkin also correlated the selected chronological periods with well-known historical events reflected in written sources that took place in Eurasia and to a greater or lesser extent influenced the history of the peoples living in Altai.

Keywords: archeology, biography, scientific school, nomads, Inner Asia, Altai

---

For citation:

Dashkovskiy P. K. Archaeologist, teacher, mentor: on the 60th anniversary of Alexey Alekseevich Tishkin. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. vol. 28, No. 3. P. 7–41.

DOI: 10.14258/nreur(2023)3–01

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфес-

---

сиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru; ORCID 0000-0002-4933-8809.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; ORCID 0000-0002-4933-8809.

Введение

5 сентября 2023 г. исполнилось 60 лет А. А. Тишкину, доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского госуниверситета, известному археологу, авторитетному специалисту в области истории древних и средневековых народов Центральной Азии (рис. 1).

Рис. 1. Алексей Алексеевич Тишкин

Fig. 1. Alexey Alekseevich Tishkin

Алексей Алексеевич родился 5 сентября 1963 г. в с. Ново-Склюихе Рубцовского района Алтайского края. В 1982 г. окончил Рубцовское педагогическое училище по специальности «Преподавание в начальных классах общеобразовательной школы», а в 1989 г. — Алтайский государственный университет по специальности «История. Преподаватель истории». С 1983 по 1985 г. проходил службу в рядах Советской армии. После окончания Алтайского госуниверситета работал в разных его структурных подразделениях: лаборатория археологии, этнографии и истории Алтая, научно-исследовательский сектор, кафедра археологии, этнографии и музеологии. Прошел путь от старшего ла-

боранта до проректора по научному и инновационному развитию. С 2014 г. возглавляет кафедру археологии, этнографии и музеологии, которой руководит до настоящего времени [Доктор исторических наук..., 2014].

Педагог и наставник

Мое знакомство с Алексеем Алексеевичем состоялось 15 сентября 1992 г. Я очень хорошо запомнил эту дату. Связано это с тем, что еще в детстве я хотел заняться археологией и в седьмом классе, когда мы писали сочинение о моей будущей профессии, то я написал, что хочу стать археологом. В 1992 г., когда я окончил 9-й класс средней школы № 9 в Новоалтайске, моя мама Лидия Александровна Дашковская узнала, что в Барнауле на базе школы № 86 открыт лицей при Алтайском государственном университете, в котором есть специализированный исторический класс. В начале 1990-х гг. создание профильных лицеев и гимназий при активном участии вузов было инновационным, но очень позитивным и дальновидным решением. Пройдя успешно собеседование, которое, к моему большому удивлению, оказалось полноценным вступительным экзаменом, я поступил в исторический класс школы-лицея № 86 и с нетерпением ждал занятий по археологии и встречи с первым реальным археологом. И вот 15 сентября Алексей Алексеевич, которому тогда было 29 лет, вошел в аудиторию лицея для преподавания спецкурса «Основы археологии». Он сразу произвел впечатление харизматичного, активного, целеустремленного человека, с определенным чувством юмора и хорошо знающим проблематику, о которой рассказывал. Кроме спецкурса «Основы археологии», он еще преподавал курс по истории восточной философии. На протяжении всей жизни мне всегда везло на важных этапах общения с людьми, и я иногда при первой встрече интуитивно чувствовал, что с этим человеком меня будет связывать жизнь на протяжении долгого времени. Так получилось и в этот раз. Я понял, что с Алексеем Алексеевичем наша знакомство не ограничится только периодом занятий по спецкурсу.

Одним из качеств, которым обладает Алексей Алексеевич, является его умение разбираться в людях. Вероятно, он сразу обратил внимание на целеустремленного заинтересованного молодого человека, который проявляет неподдельный интерес к занятию археологией. Во всяком случае, я всячески старался это обозначить, и он предложил мне подключиться к работе археологического кружка в университете, который просуществовал, правда, не очень долго. Но в тот период в Алтайском государственном университете существовала археологическая лаборатория, и я предложил Алексею Алексеевичу помогать ему в лаборатории на безвозмездной основе: разбирать, мыть, шифровать археологические находки, т. е. проводить камеральную обработку. И вот на протяжении двух лет обучения в лицее, а затем еще пару лет обучения в университете я раз в неделю, как правило, в субботу, приходил в лабораторию и с большим удовольствием занимался камеральной обработкой, общался с сотрудниками лаборатории. Алексей Алексеевич регулярно приносил мне различные книги по археологии. Причем тематика книг была очень широкой — от научно-популярных изданий Э. Церена «Библейские холмы» до работ по археологии Сибири, металлургии древних народов и др. Такой широкий диапазон книг, я думаю, был обусловлен тем, чтобы показать все многообразие археологической науки.

В период обучения в лицее и посещения лаборатории я познакомился с некоторыми ее сотрудниками и преподавателями кафедры археологии, этнографии и источниковедения, с которыми в разной степени я взаимодействовал во время обучения на специалитете, в аспирантуре и после защиты кандидатской и докторской диссертаций — кандидатами исторических наук Артуром Леонидовичем Кунгуровым, Александром Борисовичем Шамшиным, Юрием Топасовичем Мамадаковым, Сергеем Васильевичем Неверовым, Надеждой Федоровной Степановой, докторами исторических наук Сергеем Васильевичем Цыбом, Владимиром Николаевичем Владимировым, Анатолием Гальченко и другими.

В июне 1993 г. состоялась моя первая поездка в археологическую экспедицию в рамках учебной практики под руководством Алексея Алексеевича. Экспедиция под руководством кандидата исторических наук Александра Альбертовича Казакова работала недалеко от санатория «Обские плесы» на памятнике Малого Гоньбинского кордона. Это была по-настоящему захватывающая поездка, полная положительных эмоций не только от первого знакомства с полевой археологией, общением с одноклассниками-лицеистами, но и сопровождаемая некоторыми приключениями. Достаточно привести пример, что лагерь, который был изначально расположен в пойме Оби, через несколько дней оказался затопленным, и нам пришлось по пояс в воде переносить все вещи на более высокое место.

Тогда же, обучаясь в лицее, я впервые узнал о докторе исторических наук Юрии Федоровиче Кирюшине, который сыграл значимую роль в моей научной деятельности [Дашковский, 2002; 2010]. Из рассказов Алексея Алексеевича было ясно, что все связанное с археологическими исследованиями на Алтае в тот период имело самое прямое отношение к научно-организационной деятельности Юрия Федоровича [Дашковский, 2015]. Потом я несколько раз в течение года видел Юрия Федоровича в коридорах университета, однако только летом 1993 г. состоялось мое непосредственное знакомство с ним. Это произошло во время экспедиции на знаменитый комплекс археологических памятников Тыткескень, работами на котором руководил Юрий Федорович [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003]. Благодаря опять же Алексею Алексеевичу мне в тот год единственному школьнику удалось попасть в состав этой масштабной экспедиции. В той же экспедиции я впервые познакомился и с деканом исторического факультета университета Владимиром Николаевичем Владимировым. Конечно, на школьника даже короткие беседы о научных исследованиях, о социально-политических процессах в стране (а в это время как раз произошел распад СССР со всеми вытекающими последствиями) с известными учеными и руководителями произвели большое впечатление.

В последующий период я много раз участвовал в различных экспедициях и разведках, организованных Алексеем Алексеевичем на территории Алтайского края, Республики Алтай, в Восточном Казахстане, Западной Монголии. Во время таких экспедиций Алексей Алексеевич обучал своих первых учеников не только основам археологической науки, но и делился жизненным опытом, который имел важное значение для становления личности, формирования характера. Профессия археолога мне все более и более нравилась не только из-за научной составляющей, открытия чего-то неизведанного, но и потому, что, как я в шутку всегда говорю, «археолог — это одна из самых

универсальных профессий». Это связано с тем, что археолог должен быть всесторонне развит, уметь не только копать и писать статьи, но и варить еду, водить машину, рисовать, иметь минимум медицинских знаний, быть спортивным человеком, уметь найти общий язык с разными людьми, как с участниками экспедиции, так и с представителями органов власти, местными жителями и др. В общем, археолог должен быть настоящим мужиком во всех смыслах. Разносторонняя деятельность археолога мне, безусловно, очень импонировала. Конечно, профессия современного археолога отличается от киношных вариантов изучения древностей в стиле Индианы Джонса, но в целом она не менее увлекательна, чем исследования полных приключений Г. Шлимана по поиску Трои или Г. Картера по раскопкам гробницы Тутанхамона... (рис. 1–9).

*Рис. 2. Археологическая разведка в Алтайском крае. Колыванское озеро. 1996 г.
Слева на право: А. К. Блохин, П. К. Дашковский, А. А. Тишкин, С. П. Грушин, В. П. Семибратов*
*Fig. 2. Archaeological exploration in the Altai Territory. Kolyvan lake. 1996 Left to right:
A. K. Blokhin, P. K. Dashkovskiy, A. A. Tishkin, S. P. Grushin, V. P. Semibratov*

Рис. 3. Бийкенский археологический микрорайона на Алтае. В центре А. А. Тишкин, далее справа: В. П. Семibrатов, С. П. Грушин, П. К. Дашковский. Август 1996 г.
Fig. 3. Biykensky archaeological microdistrict in Altai. In the center is A. A., Tishkin, further to the right: V. P. Semibratov, S. P. Grushin, P. K. Dashkovskiy. August 1996

Рис. 4. Бийкенский археологический микрорайона на Алтае. А. А. Тишкин и П. К. Дашковский на насыпи средневекового кургана. Август 1996 г.
Fig. 4. Biykensky archaeological microdistrict in Altai. A. A. Tishkin and P. K. Dashkovskiy on the mound of a medieval barrow. August 1996

Рис. 5. П. К. Дашковский и А. А. Тишкин. Исследование могильника Телеутский Взвоз-1 в Павловском районе Алтайского края. Июль 1997 г.

Fig. 5. P.K. Dashkovskiy, A. A. Tishkin. Exploration of the Teleutsky Vzvoz-1 burial ground in the Pavlovsky district of the Altai Territory. July 1997

Рис. 6. Экспедиция в Бийкенском археологическом микрорайоне на Алтае. Слева направо (в первом ряду): П. К. Дашковский, В. В. Горбунов, Т. Г. Гребенникова, неизвестная участница экспедиции, С. П. Грушин; (во втором ряду) А. В. Кондрашов, А. А. Тишкин, М. Бабенков. Август 1998 г.

Fig. 6. Expedition in the Biykensky archaeological microdistrict in Altai. From left to right (front row): P.K. Dashkovskiy, V.V. Gorbunov, T.G. Grebennikova, S.P. Grushin; (in the second row) A. V. Kondrashov, A. A. Tishkin, M. Babenkov. August 1998

Рис. 7. Исследование кургана сrostкинской культуры на могильнике Филин-I в Алтайском крае. Слева направо: В. В. Горбунов, Т. Г. Гребенникова, П. К. Дашковский, С. С. Матренин, А. А. Тишкин, А. В. Кондрашов (сидит). Июнь 2000 г.

Fig. 7. Study of the barrow of the Srostka culture at the Filin-I burial ground in the Altai Territory. From left to right: V. V. Gorbunov, T. G. Grebennikova, P. K. Dashkovskiy, S. S. Matrenin, A. A. Tishkin, A. V., Kondrashov (sitting). June 2000

Рис. 8. Сентелекский археологический микрорайон в Чарышском районе Алтайского края. Музеефикация элитного памятника скифской эпохи Урочище Балчиково 3.

Слева направо: А. В. Гончаров, М. М. Маркин, А. А. Тишкин, С. С. Матренин, П. К. Дашковский, Я. В. Фролов. Август 2000 г.

Fig. 8. Senteleksky archaeological microdistrict in the Charyshsky district of the Altai Territory. Museumification of an elite monument of the Scythian era Balchikovo tract 3.

From left to right: A. V. Goncharov, M. M. Markin, A. A., Tishkin, S. S. Matrenin, P. K., Dashkovskiy, Ya. V. Frolov. August 2000

Рис. 9. Исследования в Онгудайском районе Республики Алтай.

Слева направо: Е. Маслов, А. В. Кондрашов, А. А., Тишкин, С. С. Матренин, П. К. Дашковский, А. Т. Сингаевский. Август 2002 г.

Fig. 9. Research in the Ongudai region of the Altai Republic. From left to right: E. Maslov, A. V., Kondrashov, A. A., Tishkin, S. S. Matrenin, P.K. Dashkovskiy, A. T. Singaevsky. August 2002

Работа с учениками

Алексей Алексеевич с самого начала своей педагогической деятельности старался подбирать талантливых, любознательных ребят, которые хотят заниматься исследованиями. Я принадлежу к числу его первых учеников, которые стали профессионально заниматься археологическими исследованиями. К кругу первых учеников относится и доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета Сергей Петрович Грушин, с которым мы вместе учились в лицее и университете, проводили первые совместные разведки, участвовали в конференциях и публиковали статьи. С Сергеем Петровичем мы в один день 5 июня 2002 г. с разницей в два часа защитили кандидатские диссертации (моя защита была в 10 часов, у С.П. Грушина — в 12) под руководством Алексея Алексеевича, став первыми «остепененными» его учениками.

После поступления в университет нужно было определить тематику научных исследований. Алексей Алексеевич умел найти перспективные темы для разного уровня исследований. Он предложил нам на выбор несколько тем. С.П. Грушин выбрал тему, связанную с изучением такого феномена, как кенотафы, по итогам изучения которой он публиковал серию статей [Тишкин, Грушин, 1997а, б].

Рис. 10. Второй Всероссийский археологический съезд в Суздале. Владимир, октябрь 2008 г.

Слева направо: С. П. Грушин, А. А. Тишкин, П. К. Дашковский

Fig. 10. Second All-Russian Archaeological Congress in Suzdal. Vladimir, October 2008

From left to right: S. P. Grushin, A. A. Tishkin, P. K. Dashkovskiy

Спустя два года он опять же по инициативе Алексея Алексеевича переориентировался на проблематику, связанную с изучением эпохи ранней бронзы, что нашло отражение при подготовке его кандидатской и докторской диссертаций [Грушин, 2002; 2013]. Я хотел заниматься проблематикой, связанной со скифской эпохой Алтая, изучать знаменитую пазырыкскую культуру. Поэтому мне досталась на первом курсе тема, связанная с изучением бальзамирования у кочевников-пазырыкцев [Дашковский, 1996]. Со второго курса мы с Алексеем Алексеевичем расширили тематику исследований, и я стал заниматься изучением погребального обряда пазырыкской культуры по таким основным признакам, как ориентация и положение умерших в могиле, особенности погребальных сооружений и сопроводительные захоронения лошадей. В конечном итоге, удалось провести достаточно успешное исследование, опубликовать серию совместных с Алексеем Алексеевичем статей [Тишкин, Дашковский, 1997 а, б; 1998 а, б, в, г].

За период работы на кафедре под руководством Алексея Алексеевича были защищены десятки дипломных работ, магистерских диссертаций, он подготовил 16 кандидатов и одного доктора наук. Он всегда умело определял приоритетные направления для научного исследования студента, магистранта, аспиранта, увлекая в мир научных открытий своим примером. Но и при этом Алексей Алексеевич проявляет требовательность к исследованию с необходимостью серьезной проработки проблемы, аргументации выводов и корректного отношения к результатам, достигнутым предшествующим

щими исследователями. Многие его ученики продолжили работать по профессии историка или археолога как в Алтайском государственном университете, так и за его пределами. В их числе доктор исторических наук Н. Н. Серегин, кандидаты исторических наук С. С. Матренин, Е. В. Шелепова, А. В. Кондрашов, И. А. Усова, Т. Г. Гребенникова, Е. А. Артюх и др. В круг учеников Алексея Алексеевича входят не только исследователи из России, но и из Монголии, Китая, Казахстана, Таджикистана и других стран.

А. А. Тишкин являлся одним из инициаторов открытия образовательных программ по таким направлениям, как «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», «Антропология и этнология», «Археология». Алексеем Алексеевичем подготовлены различные учебные пособия, научно-популярные работы, документальные фильмы, в которых в увлекательной форме рассказывается об уникальных находках, истории кочевых империй и разных открытиях в области археологии. Он почетный работник высшего образования РФ и почетный доктор Ховдского государственного университета (Монголия).

Рис. 11. Во время поездки делегации Алтайского государственного университета в Ховдский государственный университет (Монголия). Семинский перевал. Слева направо: водитель, Ю. Ф. Кирюшин, В. В. Невинский, Н. И. Быков, водитель, А. А. Тишкин, П. К. Дашковский. Май 2006 г.
Fig. 11. During the trip of the delegation of the Altai State University in Khovd State University (Mongolia). Seminsky pass. From left to right: the driver, Yu. F. Kiryushin, V. V. Nevinsky, N. I. Bykov, driver, A. A. Tishkin, P. K. Dashkovskiy. May 2006

Экспедиционные исследования и приоритетные научные направления исследования

Экспедиционные исследования являются важной частью научной деятельности Алексея Алексеевича. Начиная с 1983 г. он ежегодно (с перерывом только на период службы в армии) принимал участие в раскопках и обследованиях. С 1988 г. он проводит самостоятельные археологические исследования на территории Алтая и в Верхнем Приобье. В последующие годы круг изучаемых археологических объектов существенно расширился за счет работы в Восточном Казахстане, Монголии, Китае, Таджикистане, Туркменистане и Туве. Стоит выделить многолетнее изучение Бийкенского, Яломанского, Тыткескенского археологических микрорайонов, поселения Березовая Лука, могильника Бугры, а также памятников в Западной, Северной и Центральной Монголии (рис. 11–16).

Рис. 12. Во время поездки делегации Алтайского государственного университета в Ховдский государственный университет (Монголия). Баян-Ульги. Слева направо: П. К. Дашковский, А. А. Тишкин, Ю. Ф. Кирюшин, монгольский коллега, Н. И. Быков. Май 2006 г.

Fig. 12. During the trip of the delegation of the Altai State University in Khovd State University (Mongolia). Bayan-Ulgi. From left to right: P.K. Dashkovskiy, A. A., Tishkin, Yu. F., Kiryushin, Mongolian colleague, N. I. Bykov. May 2006

Рис. 13. А. А. Тишкин, П. К. Дашковский. Копирование изображений на оленем камне в Западной Монголии. Май 2006 г.

Fig. 13. A. A. Tishkin, P. K. Dashkovskiy. Copying images on a deer stone in Western Mongolia. May 2006

Рис. 14. Башня на городище Бурана. Кыргызская Республика. Слева направо: В. А. Колченко, А. А. Тишкин, П. К. Дашковский. Июнь 2023 г.

Fig. 14. Tower on the settlement of Burana. Republic of Kyrgyzstan. From left to right: V. A. Kolchenko, A. A. Tishkin, P. K. Dashkovskiy. June 2023

*Рис. 15. П. К. Дашковский и А. А. Тишкин на Городище Ак-Бешим (Суяб).
Кыргызская Республика. Июнь 2023 г.
Fig. 15. P.K. Dashkovskiy, A. A. Tishkin. Settlement Ak-Beshim (Suyab).
Republic of Kyrgyzstan. June 2023*

*Рис. 16. П. К. Дашковский
и А. А. Тишкин у буддийского
комплекса на городище
Красная речка (Невакет).
Кыргызская Республика.
Июнь 2023 г.
Fig. 16. P.K. Dashkovskiy and
A. A. Tishkin at the Buddhist
complex on the site
of Krasnaya Rechka (Nevaket).
Republic of Kyrgyzstan. June 2023*

В течение нескольких лет Алексей Алексеевич принимал участие в работе Краснощековской археологической экспедиции, которая с 2001 г. и по настоящее время проводит изучение разновременных памятников Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края [Дашковский, 2023]. На начальном этапе изучения этого уникального микрорайона Алексей Алексеевич оказал мне серьезную методическую помощь и финансовую поддержку в рамках грантов РГНФ и РФФИ, участниками которых мы являлись (рис. 17–20).

Отдельное направление полевых исследований связано с изучением наскального искусства и так называемых оленных камней. Результаты раскопок вводятся им в научный оборот, что дает возможность вносить дополнения в культурно-хронологическую концепцию развития и взаимодействия народов Алтая и Центральной Азии в древности и Средневековье.

Рис. 17. Чинетинский археологический микрорайон в Краснощековском районе Алтайского края. Исследование кургана № 2 на могильнике Ханхаринский дол. Слева направо: А. В. Кондрашов, А. А. Тишкин, А. Л. Кунгуров, Т. Г. Гребенникова. Июнь 2002 г.

Fig. 17. Chinetinsky archaeological microdistrict in the Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory. Examination of barrow No. 2 at the burial ground of Khankharinskiy Dol. From left to right: A. V. Kondrashov, A. A. Tishkin, A. L. Kungurov, T. G. Grebennikov. June 2002

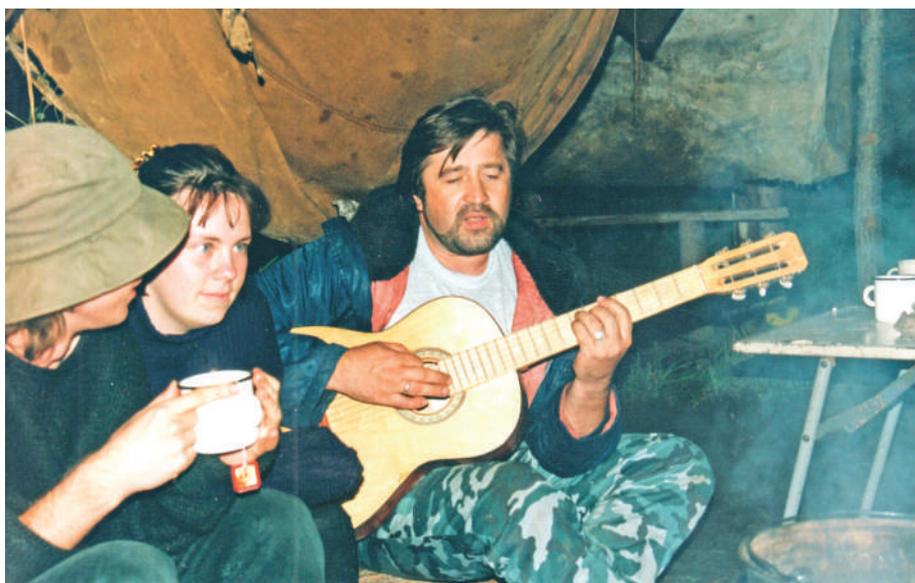

Рис. 18. Чинетинский археологический микрорайон в Краснощековском районе Алтайского края. Песни под гитару. А. А. Тишкин. Июнь 2004 г.

Fig. 18. Chinetinsky archaeological microdistrict in the Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory. Guitar songs. A. A. Tishkin. June 2004

Рис. 19. Разведка на участке от с. Чинета до с. Тигирек в Краснощековском районе Алтайского края. На Тигирекском хребте. Слева направо: С. Ведянин, В. П. Семибратов, А. А. Тишкин, П. К. Дашковский. Июнь 2002 г.

Fig. 19. Reconnaissance on sites from with. Chineta to s. Tigirek in the Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory. On the Tigirek Ridge. From left to right: S. Vedyanin, V.P. Semibratov, A. A. Tishkin, P.K. Dashkovskiy. June 2002

Рис. 20. Чинетиский археологический микрорайон в Краснощековском районе Алтайского края. А. А. Тишкин и П. К. Дашковский. 23 июля 2023 г.

Fig. 20. Chinetisky archaeological microdistrict in the Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory. A. A. Tishkin and P. K. Dashkovskiy. July 23, 2023

Научная деятельность всегда находится у Алексея Алексеевича на приоритетном месте. А. А. Тишкин — автор и соавтор более 950 научных работ, в том числе 26 монографий, а также целого ряда учебных пособий и научно-популярных изданий. После очной аспирантуры под руководством Ю. Ф. Кирюшина в 1996 г. им была защищена кандидатская диссертация «Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время» [Тишкин, 1996]. В этой работе впервые на археологических материалах, в том числе полученных самим автором при исследовании древних памятников, охарактеризованы особенности культуры ранних кочевников (конец IX — вторая-третья четверть VI в. до н. э.). При этом им был представлен комплексный анализ погребального обряда и обнаруженного предметного комплекса, отражены особенности хозяйственной деятельности, а также доказано отсутствие прямой преемственности между культурой населения Алтая раннескифского времени и пазырыкской общностью. Позднее А. А. Тишкиным представлено обоснование для выделения бийкенской культуры на территории Северного, Центрального и Юго-Восточного Алтая. Итоги работы в этом направлении были отражены в совместной с Ю. Ф. Кирюшиным монографии [Кирюшин, Тишкин, 1997].

В последующие годы были продолжены интенсивные археологические исследования не только на Алтае, но и на территории юга Западной Сибири, в Восточном Казахстане. В 2006 г. Алексей Алексеевич защитил докторскую диссертацию «Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические кон-

цепции и этнокультурная история)» [Тишкин, 2006] (научный консультант — Ю. Ф. Кирюшин). В этом обширном научном труде впервые была представлена концепция изучения древних и средневековых народов Алтая от раннескифского до монгольского времени. Им было рассмотрено развитие бийкенской, майэмирской, пазырыкской, булан-кобинской, тюркской, кыргызской культур, а также культуры монгольского времени. На основе систематизации и анализа инвентаря из погребальных комплексов, содержащих наиболее массовый и представительный материал, для каждой культуры были выделены этапы формирования и развития. Изучение особенностей погребального обряда позволило выявить этнокультурные компоненты у населения, проживающего на территории Алтая в разные периоды. А. А. Тишкин также соотнес выделенные хронологические периоды с известными историческими событиями, отраженными в письменных источниках, которые происходили в Евразии и в большей или меньшей степени повлияли на историю народов, проживавших на Алтае [Тишкин, 2007].

Кроме изучения этнокультурных процессов, Алексей Алексеевич уделяет важное внимание с начала XXI в. уделяет социальным реконструкциям на основе изучения археологических источников. Под его руководством целая группа учеников (П. К. Дашковский [2002; 2010], А. В. Кондрашов [2004], С. С. Матренин [2005], Н. Н. Серегин [2011; 2019]) защитила кандидатские и докторские диссертации, в которых на основе анализа погребальных памятников и инвентаря предложены реконструкции различных обществ скифо-сакского, хуннуско-сяньбийско-жужанского и тюркского времени. Впервые это направление мы стали с ним активно разрабатывать в рамках подготовки моей кандидатской диссертации «Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени» [Дашковский, 2002], которая затем была опубликована как совместная монография [Тишкин, Дашковский, 2003] в рамках реализации одноименного гранта РГНФ.

А. А. Тишкин активно занимается внедрением естественно-научных методов в археологические исследования. Особое внимание им уделяется радиоуглеродному, дендрохронологическому, рентгенофлуоресцентному, палеогенетическому и другим современным методам анализа полученных материалов.

Ежегодно под руководством А. А. Тишкина на базе Алтайского государственного университета проводятся научные форумы, на которых обсуждаются пути решения актуальных проблем евразийской археологии. Этому способствует плодотворное сотрудничество со специалистами из разных областей знаний, работающими в России и за рубежом. Совместные исследования проводятся с учеными из Монголии, Китая, Казахстана, Франции, Германии, США и других стран. Актуальность и своевременность подобных работ подтверждает поддержка исследований юбилейра грантами различных научных фондов и программ.

В 2017 г. на базе Алтайского государственного университета совместно с ведущими академическими институтами России проведен V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Успешная организация такого масштабного мероприятия (свыше 550 участников) стала возможной благодаря эффективной работе коллектива кафедры археологии, этнографии и музеологии, деятельность которой известна далеко за пределами Алтайского края (рис. 21–37).

*Рис. 21. А. А. Тишкин
и П. К. Дашковский
на конференции «Социогенез
в Северной Азии». Иркутск.
Ноябрь 2003 г.*

*Fig. 21. A. A. Tishkin and
P. K. Dashkovskiy at the conference
“Sociogenesis in North Asia”.
Irkutsk.
November 2003*

*Рис. 22. А. В. Харинский, А. А. Тишкин и П. К. Дашковский на выездном заседании
конференции «Социогенез в Северной Азии» на озере Байкал. Ноябрь 2003 г.*

*Fig. 22. A. V. Kharinskiy, A. A. Tishkin and P. K. Dashkovskiy at the visiting session of the conference
“Sociogenesis in North Asia” on Lake Baikal. November 2003*

Рис. 23. А. А. Тишкин в Музее истории, культуры и литературы Алтая во время доклада на международной конференции. Барнаул, 2004 г.

Fig. 23. A. A. Tishkin at the Museum of History, Culture and Literature of Altai during a report at an international conference. Barnaul, 2004

Рис. 24. Выставка наскального искусства в Алтайском государственном университете. Слева направо: О. Ф. Кунгурова, А. Л. Кунгуров, Т. М. Степанская, А. А. Тишкин, Е. А. Миклашевич. Барнаул, 2004 г.

Fig. 24. Exhibition of rock art at the Altai State University. From left to right: O. F. Kungurov, A. L. Kungurov, T. M., Stepankaya, A. A. Tishkin, E. A. Miklashevich. Barnaul, 2004

Рис. 25. П. К. Дашковский и А. А. Тишкин в Национальном музее Республики Казахстан. Алма-Ата, 2004 г.

Fig. 25. P.K. Dashkovskiy and A.A. Tishkin in the National Museum of the Republic of Kazakhstan. Alma-Ata, 2004

Рис. 26. А. А. Тишкин и П. К. Дашковский на Международном симпозиуме «Интеграция археологических и этнографических исследований». Алма-Ата (Казахстан), 2004 г.

Fig. 26. P.K. Dashkovskiy and A.A. Tishkin at the International Symposium "Integration of Archaeological and Ethnographic Research". Alma-Ata (Kazakhstan), 2004

Рис. 27. П. К. Дашковский, Е. А. Бельгибаев и А. А. Тишкин на Международном симпозиуме «Интеграция археологических и этнографических исследований». Алма-Ата (Казахстан), 2004 г.

Fig. 27. P.K. Dashkovskiy, E. A. Belgibaev, A. A. Tishkin at the International Symposium "Integration of Archaeological and Ethnographic Research". Alma-Ata (Kazakhstan), 2004

Рис. 28. А. А. Тишкин, С. Н. Корусенко, Е. А. Бельгибаев на Международном симпозиуме «Интеграция археологических и этнографических исследований». Алма-Ата (Казахстан), 2004 г.

Fig. 28. A. A. Tishkin, S. N. Korusenko, E. A. Belgibaev at the International Symposium "Integration of Archaeological and Ethnographic Research". Alma-Ata (Kazakhstan), 2004

Рис. 29. П. К. Дашковский, А. А. Тишкин и Н. Н. Крадин на международной конференции «Иерархия и власть». Москва, июнь 2005 г.

Fig. 29. P.K. Dashkovskiy, A. A. Tishkin and N. N. Kradin at the international conference "Hierarchy and power". Moscow, June 2005

Рис. 30. А. А. Тишкин, П. К. Дашковский и Л. С. Марсадолов на выездном заседании Международной конференции «Социогенез в Северной Азии» на озере Байкал. 2005 г.

Fig. 30. A. A. Tishkin, P.K. Dashkovskiy and L. S. Marsadolov at the visiting session of the International Conference "Sociogenesis in North Asia" on Lake Baikal. 2005

Рис. 31. А. А. Тишкин, Ю. И. Ожередов, П. К. Дашковский на выездном заседании Международной конференции «Социогенез в Северной Азии» на озере Байкал. 2005 г.
Fig. 31. A. A. Tishkin, Yu. I. Ozheredov P.K. Dashkovskiy, at the visiting session of the International Conference "Sociogenesis in North Asia" on Lake Baikal. 2005

Рис. 32. Исторический музей-заповедник Тальцы в Иркутской области.
Слева направо: А. А. Тишкин (в центре), П. К. Дашковский (справо). 2005 г.
Fig. 32. Historical museum-reserve Taltsy in the Irkutsk region.
From left to right: A. A. Tishkin, P.K. Dashkovskiy. 2005

Рис. 33. А. А. Тишкин (в центре), П. К. Дашковский (справа) на международной конференции в Пекине (Китай). Октябрь 2019 г.

Fig. 33. A. A. Tishkin, P. K. Dashkovskiy at an international conference in Beijing (China). October 2019

Рис. 34. Международная конференция в Чань-Чуне (Китай). Сентябрь 2017 г. Слева направо: А. Д. Цыбиктаров, Н. Н. Серегин, А. А. Тишкин, П. К. Дашковский, А. В. Харинский

Fig. 34. International conference in Chan-Chun (China). September 2017
From left to right: A. D. Tsybiktarov, N. N. Seregin, A. A. Tishkin, P. K. Dashkovskiy, A. V. Kharinskiy

Рис. 35. А. А. Тишкин, Н. Н. Серегин, П. К. Дашковский. Научная конференция во Владивостоке. Май 2017 г.

Fig. 35. A. A. Tishkin, N. N. Seregin, P.K. Dashkovskiy. Scientific conference in Vladivostok. May 2017

Рис. 36. П. К. Дашковский и А. А. Тишкин на конференции в Чань-Чуне (Китай). Сентябрь 2017 г.

Fig. 36. P.K. Dashkovskiy, A. A. Tishkin at a conference in Chan-Chun (China). September 2017

Рис. 37. П. К. Дашковский, К. Ш. Табалдиев, А. А. Тишкин. Национальный музей Кыргызской Республики. Бишкек. Июнь 2023 г.

Fig. 37. P.K. Dashkovskiy, K. Sh. Tabaldiev, A. A., Tishkin. National Museum of the Kyrgyz Republic. Bishkek. June 2023

Заключение

Алексей Алексеевич Тишкин пользуется заслуженным уважением коллег за свою работоспособность, активное участие в жизни университета. Многие годы он является членом Ученого совета Алтайского госуниверситета, членом редколлегий престижных научных журналов — «Российская археология», «Археология, этнография и антропология Евразии», «Народы и религии Евразии». Он является главным редактором журнала «Теория и практика археологических исследований», который пользуется большой популярностью в научном сообществе как авторитетное научное издание. Он также выступал в качестве члена экспертной комиссии ВАК по истории. С 2008 г. А. А. Тишкин являлся членом, а с 2022 г. председателем диссертационного совета по историческим наукам и археологии при АлтГУ. Алексей Алексеевич имеет награды за различные достижения, в том числе он является четырежды лауреатом Премии Алтайского края в области науки и техники (2006, 2011, 2015, 2021 гг.), имеет медаль «За заслуги в труде» по указу губернатора Алтайского края (2013 г.), является лауреатом общенациональной премии «Профессор года» — 2022 в номинации «Исторические науки» (премия Российского профессорского собрания) (рис. 38–40).

Рис. 38. А. А. Тишкину присвоено звание Почетный профессор Ховдского государственного университета (Монголия). Сентябрь 2009 г.

Fig. 38. A. A. Tishkin was awarded the honorary title of Honorary Professor of the Khovd State University (Mongolia). September 2009

Рис. 39. А. А. Тишкин и П. К. Дашковский среди победителей конкурса «Интеллектуальный капитал Алтая». 2018 г.

Fig. 39. A. A. Tishkin and P. K. Dashkovskiy among the winners of the competition "Intellectual Capital of Altai". 2018

Рис. 40. П. К. Дашковский, А. А. Тишкин на награждении у губернатора Алтайского края за победу в конкурсе «Интеллектуальный капитал Алтая» в номинациях «Ученый года» и «Профессор года». 2018 г.

Fig. 40. P.K. Dashkovskiy, A. A. Tishkin at the award ceremony by the Governor of the Altai Territory for winning the Altai Intellectual Capital competition in the Scientist of the Year and Professor of the Year nominations. 2018

Алексею Алексеевичу свойственна особая харизма, которая базируется на жизнерадостности, юморе, целеустремленности и настойчивости в достижении целей. В юбилейный для Алексея Алексеевича год мне хочется выразить ему огромную благодарность за то, что он не только посвятил меня во все тонкости археологической науки и выступал как научный руководитель, но и за поддержку, которую оказывал в трудные этапы жизни как наставник. В этом номере представлены преимущественно статьи коллег, которые захотели выразить Алексею Алексеевичу особую признательность и поздравить его с юбилеем. Хочется пожелать Алексею Алексеевичу крепкого здоровья, талантливых учеников, новых научных проектов, экспедиций и открытий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Грушин С. П. Культура населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.

Грушин С. П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III — первой четверти II тыс. до н. э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.

Дашковский П. К. Обряд бальзамирования тел умерших людей в скифскую эпоху в Горном Алтае // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов к XXXVI РАЭСК. Иркутск : ИГУ, 1996. Ч. 2. С. 56–60.

Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.

Дашковский П. К. Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2010. 42 с.

Дашковский П. К. Слово о научном руководителе // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований : сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 19–21.

Дашковский П. К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. 72 с. (Этнокультурные и религиозно-этические исследования в Евразии. Вып. 6).

Доктор исторических наук, профессор Алексей Алексеевич Тишкин: биобиблиография / сост. А. Л. Кунгуров, Т. В. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 172 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Кондрашов А. В. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сrostкинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII–XII вв. н. э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 24 с.

Матренин С. С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н. э. — V в. н. э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Серегин Н. Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V–XI в. н. э.): системный анализ и социальная интерпретация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 24 с.

Серегин Н. Н.. Тюрки Центральной Азии: социогенез и этнокультурная история (по материалам погребальных и поминальных комплексов второй половины V–XI вв. н. э.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2019. 54 с.

Тишкин А. А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 28 с.

Тишкин, А. А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.

Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А. А., Грушин А. А. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. № 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 24–28.

Тишкин А. А., Грушин С. П. К вопросу о комплексном подходе в изучении кенотафов // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы науч. семинара. Омск; Уфа, 1997. С. 145–150.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Захоронения человека с конем как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997а. С. 114–117.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997б. № 2. С. 19–24.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий : мат. междунар. симпозиума. Новосибирск, 1998а. Т. 1. С. 581–591.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Место коня в погребальной традиции пазырыкцев // Интеграция археологических и этнографических исследований : мат. междунар. науч. семинара. Омск ; СПб., 1998б. Ч. II. С. 103–105.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. № 3. Горно-Алтайск, 1998 в. С. 77–83.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Погребения человека с конем в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. Горно-Алтайск, 1998 г. С. 16–19.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

REVERENCE

Grushin S. P. Kul'tura naseleniya epohi rannej bronzy lesostepnogo Altaya [The culture of the population of the Early Bronze Age in the forest-steppe Alta]. Avtoreferat dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Barnaul, 2002. 24 s.

Grushin S. P. Kul'tura zhizneobespecheniya i proizvodstva naseleniya stepnogo i lesostepnogo Ob' — Irtysh'ya vo vtoroj polovine III — pervoj chetverti II tys. do n. e. [The culture of life support and production of the population of the steppe and forest-steppe Ob-Irtysh region in the second half of the 3rd — first quarter of the 2nd millennium BC.]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Barnaul, 2013. 54 s.

Dashkovskiy P. K. Obryad bal'zamirovaniya tel umershih lyudej v skifskuyu epohu v Gornom Altae [The rite of embalming the bodies of dead people in the Scythian era in the Altai Mountains]. *Arheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Archeology, paleoecology and ethnology of Siberia and the Far East]. Tezisy докладov k XXXVI RAESK. Irkutsk: IGU, 1996. CHast' 2. S. 56–60.

Dashkovskiy P. K. Social'naya struktura i sistema mirovozzrenij naseleniya Gornogo Altaya skifskogo vremeni [Social structure and system of worldviews of the population of Gorny Altai in the Scythian time]. Avtoreferat dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Barnaul, 2002. 24 s.

Dashkovskiy P. K. Mirovozzrenie i social'no-politicheskaya organizaciya kochevnikov Sayano-Altaya pozdnej drevnosti i rannego srednevekov'ya v otechestvennoj istoriografii vtoroj poloviny XIX — nachala XXI v. [Worldview and socio-political organization of the Sayano-Altai nomads of late antiquity and the early Middle Ages in Russian historiography of the second half of the 19th — early 21st centuries]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Barnaul, 2010. 42 s.

Dashkovskiy P. K. Slovo o nauchnom rukovoditel [A word about the supervisor]. *Arheologiya Zapadnoj Sibiri i Altaya: opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij. sbornik statej, posvyashchennyj 70-letiyu professora YU. F. Kiryushina* [Archeology of Western Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research. collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Professor Yu. F. Kiryushin]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. S. 19–21.

Dashkovskiy P. K. Chinetinskij arheologicheskij mikrorajon na Altae: kratkij putevoditel' [Chinetinsky archaeological microdistrict in Altai: a short guide]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2023. 72 s. (Etnokul'turnye i religiovedcheskie issledovaniya v Evrazii [Этнокультурные и религиозно-ведческие исследования в Евразии]. Выпуск 6).

Doktor istoricheskikh nauk, professor Aleksej Alekseevich Tishkin: biobibliografiya [Doctor of Historical Sciences, Professor Aleksey Alekseevich Tishkin: bio-bibliography] / sost. A. L. Kungurov, T. V. Tishkina. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014. 172 s.

Kiryushin YU. F., Tishkin A. A. Skifskaya epoha Gornogo Altaya. CH. I: Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya [Scythian era of Gorny Altai. Part I: Culture of the population in the early Scythian time]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 s.

Kiryushin YU. F., Stepanova N. F., Tishkin A. A. Skifskaya epoha Gornogo Altaya. CH. II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoj kul'tury [Scythian era of Gorny Altai. Part II: Funeral and memorial complexes of the Pazyryk culture]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 234 s.

Kondrashov Aleksandr Viktorovich. Izuchenie pogrebal'nogo obryada i social'noj organizacii naseleniya srostkinskoj kul'tury (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov yuga Zapadnoj Sibiri serediny VIII–XII vv. n. e.) [The study of the funeral rite and social organization of the population of the Srostka culture (based on materials from archaeological sites in the south of Western Siberia in the middle of the 8th-12th centuries AD)]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Barnaul, 2004. 24 s.

Matrenin S. S. Social'naya struktura naseleniya Gornogo Altaya hunno-syan'bij'skogo vremeni (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov bulan-kobinskoj kul'tury II v. do n. e. — V v. n. e.) [The social structure of the population of Gorny Altai in the Xiongnu-Xianbei period (based on the materials of the burial monuments of the Bulan-Koba culture of the 2nd century BC – 5th century AD)]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata

istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Barnaul, 2005. 24 s.

Seregin N. N. Pogrebal'nye komplekсы tyurkskoj kul'tury Sayano-Altaya (2-ya polovina V–XI v. n. e.): sistemnyj analiz i social'naya interpretaciya [Burial complexes of the Turkic culture of the Sayano-Altai (2nd half of the 5th — 11th centuries AD): system analysis and social interpretation]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Barnaul, 2011. 24 s.

Seregin N. N. Tyurki Central'noj Azii: sociogenez i etnokul'turnaya istoriya (po materialam pogrebal'nyh i pominal'nyh kompleksov vtoroj poloviny V–XI vv. n. e.) [The Turks of Central Asia: sociogenesis and ethnocultural history (based on materials from burial and memorial complexes of the second half of the 5th — 11th centuries AD)]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Barnaul, 2019. 54 s.

Tishkin A. A. Kul'tura naseleniya Central'nogo i Severo-Zapadnogo Altaya v ranneskifskoe vremya [Culture of the population of the Central and North-Western Altai in the early Scythian time]. [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Barnaul, 1996. 28 s.

Tishkin A. A. Altaj v epohu pozdnej drevnosti, rannego i razvitogo srednevekov'ya (kul'turno-hronologicheskie koncepcii i etnokul'turnaya istoriya) [Altai in the era of late antiquity, early and developed Middle Ages (cultural and chronological concepts and ethnocultural history)]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Barnaul, 2006. 54 s.

Tishkin A. A. Sozdanie periodizacionnyh i kul'turno-hronologicheskikh skhem: istoricheskij opyt i sovremennaya koncepciya izucheniya drevnih i srednevekovykh narodov Altaya [Creation of periodization and cultural-chronological schemes: historical experience and the modern concept of studying the ancient and medieval peoples of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 356 s.

Tishkin A. A., Grushin A. A. CHto takoe kenotaf? [What is a cenotaph?]. *Izvestiya laboratorii arheologii* [Proceedings of the laboratory of archeology]. Gorno-Altajsk, 1997. № 2. S. 24–28.

Tishkin A. A., Grushin S. P. K voprosu o kompleksnom podhode v izuchenii kenotafov [On the question of an integrated approach to the study of cenotaphs]. *Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij: mat. nauch. Seminara* [Integration of archaeological and ethnographic studies: mat. scientific seminar]. Omsk; Ufa, 1997. S. 145–150.

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. Zahoroneniya cheloveka s konem kak otrazhenie nekotoryh storon social'no-ekonomicheskoi struktury naseleniya Gornogo Altaya skifskoj epohi [Burials of a man with a horse as a reflection of some aspects of the socio-economic structure of the population of the Altai Mountains of the Scythian era]. *Social'no-ekonomicheskie struktury drevnih obshchestv Zapadnoj Sibiri* [Socio-economic structures of ancient societies of Western Siberia]. Barnaul, 1997a. S. 114–117.

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. Klassifikaciya pogrebal'nyh sooruzhenij skifskoj epohi Gornogo Altaya [The value of the horse in the culture of the population of the Altai Mountains

of the Scythian era]. *Izvestiya laboratorii arheologii* [Siberia in the panorama of millennia: mat. intl. symposium]. Gorno-Altajsk, 1997b. № 2. S. 19–24.

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. Znachenie loshadi v kul'ture naseleniya Gornogo Altaya skifskoj epohi [The place of the horse in the funeral tradition of the Pazyryks]. *Sibir' v panorame tysyacheletij: mat. mezhdunar. Simpoziuma* [Integration of archaeological and ethnographic studies]. Novosibirsk, 1998a. T. 1. S. 581–591.

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. Mesto konya v pogrebal'noj tradicii pazyrykcev [Orientation and position of buried people in the burial mounds of the Scythian era of Gorny Altai]. *Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij: mat. mezhdunar. nauch. Seminara* [Antiquities of Altai: Izvestia of the laboratory of archeology]. Omsk; SPb., 1998b. CH. II. S. 103–105.

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. Orientaciya i polozhenie pogrebennyh lyudej v kurganah skifskoj epohi Gornogo Altaya [Orientation and position of buried people in the burial mounds of the Scythian era of Gorny Altai]. *Drevnosti Altaya: Izvestiya laboratorii arheologii* [Antiquities of Altai: Izvestia of the laboratory of archeology]. Gorno-Altajsk, 1998v. № 3. S. 77–83.

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. Pogrebeniya cheloveka s konem v kurganah pazyrykskoj kul'tury Gornogo Altaya [Burials of a man with a horse in the mounds of the Pazyryk culture of Gorny Altai]. *Istoriya i kul'tura narodov Sayano-Altaya: v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [History and culture of the peoples of the Sayano-Altai: in the past, present and future]. Gorno-Altajsk, 1998g. S. 16–19.

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. Social'naya struktura i sistema mirovozzreniya naseleniya Altaya skifskoj epohi [Social structure and worldview system of the population of Altai in the Scythian era]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 430 s.

Статья поступила в редакцию: 09.05.2023

Принята к публикации: 10.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023

УДК 902/904

DOI 10.14258/nreur(2023)3–02

С. М. Киреев

---

*Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, Горно-Алтайск (Россия)***С. С. Радовский**

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

СОСУДЫ С «ТРУБЧАТЫМ НОСИКОМ — СЛИВОМ» В МАТЕРИАЛАХ БЫСТРЯНСКОЙ И СИНХРОННЫХ КУЛЬТУР АЛТАЯ

В статье приводится обобщение и осуществляется анализ известной на Алтае чайникообразной глиняной посуды раннего железного века, так называемых сосудов с трубчатым носиком-сливом. Авторами введены в оборот два новых экземпляра данного типа из памятников быстрянской культуры середины VI–II вв. до н. э.: могильника Майма-VII и поселения Майма-III. В качестве аналогий приведены подобные сосуды из памятников пазырыкской, каменной и староалейской культур раннего железного века горной и лесостепной зон Алтая. Рассмотрены вопросы особенностей оформления, происхождения, распространения, датировки и возможного назначения обозначенной категории глиняной посуды. Отмечаются ее редкость и в то же время достаточно равномерное распределение единичных экземпляров по всей территории Горного Алтая и его северных предгорий. Анализ указанных изделий позволил уточнить датировку объектов быстрянской культуры, содержащих сосуды с носиком-сливом, в рамках IV–III вв. до н. э.

Ключевые слова: Алтай, ранний железный век, скифо-сакское время, быстрянская культура, пазырыкская культура, каменная культура, староалейская культура, Майминский археологический комплекс, керамика, сосуды с носиком-сливом, Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина.

Цитирование статьи:

Киреев С. М., Радовский С. С. Сосуды с «трубчатым носиком-сливом» в материалах Быстрянской и синхронных культур Алтая // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 42–61. DOI 10.14258/nreur(2023)3–02.

S. M. Kireev

---

*National Museum of the Altai Republic. A. V. Anokhin, Gorno-Altai (Russia);***S. S. Radovskiy**

Altai State University, Barnaul (Russia)

VESSELS WITH A “TUBULAR SPOUT-DRAIN” IN THE MATERIALS OF THE BYSTRYANSKAYA AND SYNCHRONOUS CULTURES EARLY IRON AGE ALTAI

The article summarizes and analyzes teapot-shaped earthenware of the early Iron Age known in Altai, the so-called vessels with a “tubular spout-drain”, known in Altai. The authors put into circulation two new specimens of this type from the monuments of the Bystryanskaya culture, Ser. 6th-2nd centuries BC: Maima-VII burial ground and Maima-III settlement. Similar vessels from the sites of the Pazyryk, Kamenka and Staro-Aley cultures of the early Iron Age of the mountainous and forest-steppe zones of Altai are given as analogies. The issues of design features, origin, distribution, dating and possible purpose of the indicated category of pottery are considered. Its rarity is noted, and at the same time, a fairly uniform distribution of single specimens throughout the territory of Gorny Altai and its northern foothills. An analysis of these items made it possible to clarify the dating of objects of the Bystryanka culture containing vessels with a spout-pour, within the framework of the 4th–3rd centuries. BC.

Key words: Altai, Early Iron Age, Scythian-Saka time, Bystryanskaya culture, Pazyryk culture, Kamenskaya culture, Staraya Alei culture, Maiminsky archaeological complex, ceramics, vessels with a spout-pour, National Museum of the Republic of Altai. A. V. Anokhin.

For citation:

Kireev S. M., Radovskiy S. S. Vessels with a “tubular spout-drain” in the materials of the Bystryanskaya and synchronous cultures early iron age Altai. Nations and religions of Eurasia. 2023. T. 28, № 3. P. 42–61. DOI 10.14258/nreur(2023)3–02.

Киреев Сергей Михайлович, старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина, Горно-Алтайск (Россия). **Адрес для контактов:** kireevsm2013@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>.

Радовский Святослав Сергеевич, младший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** radovskiy1996@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>.

Kireev Sergey Mikhailovich, Senior Researcher of National Museum of the Altai Republic. A. V. Anokhin, Gorno-Altai (Russia). **Contact address:** kireevsm2013@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>.

Radovsky Svyatoslav Sergeevich, Junior Researcher of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, postgraduate student of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University; Barnaul city (Russia). **Contact address:** radovskiy1996@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>.

Введение

Древняя глиняная посуда — наиболее массовый объект исследования археологов, для которых она является одним из главных индикаторов географического, этнокультурного и хронологического определения и разграничения. По заключению одного из крупнейших специалистов в области комплексного исследования предметов из глины И. Г. Глушкова: «Керамика, как одна из категорий археологического материала — многоплановый, информативный источник, содержащий сведения не только о гончарстве как социально-экономическом институте первобытности, но и о семейно-брачных отношениях, контактах, идеологических представлениях, уровне развития техники» [Глушков, 1996: 3].

В погребальных и поселенческих комплексах скифской эпохи Алтая отмечается многообразие видов, размеров, технологий изготовления и назначения глиняной посуды. Одним из наиболее оригинальных типов сосудов в традициях гончарного производства культур раннего железного века степного пояса Евразии являются изделия, имеющие по краю венчика или в районе шейки специально изготовленный и оформленный слив. В научной литературе подобные изделия принято именовать «чайникообразные сосуды» или «сосуды с трубчатым носиком-сливом» [Кирюшин, Степанова, 2004: 32; Шульга, 2015: 82]. Несмотря на относительную немногочисленность данной категории предметов в материалах археологических культур скифской эпохи Алтая, оформление указанной глиняной утвари представляет собой определенную весьма устойчивую традицию, заслуживающую отдельного внимания исследователей.

Подобные изделия как достаточно редкие экземпляры всегда обращали на себя внимание археологов [Могильников, 1983: 48, 59–61; Кубарев, 1992: 48; Суразаков, Тишкин, 2007: 97–98]. При этом специальная работа, посвящённая сосудам со «трубчатым» сливом по материалам Алтая, до настоящего времени не осуществлялась. В данной статье введены в научный оборот новые экземпляры обозначенной категории предметов, обнаруженные в памятниках быстринской культуры Майминского археологического комплекса. Особое внимание уделено вопросам датировки, происхождения, а также характеристике указанных изделий в культурах раннего железного века на Алтае в целом.

Характеристика материалов

О наличии в комплексах быстринской культуры сосудов со сливом до настоящего времени имелись лишь косвенные подтверждения [Абдулганеев, 1993:186, рис. 3.-1; Кунгуров, 1997: 225, рис. 3.-9]. Учитывая фрагментарность материала, авторами работ не была дана однозначная культурная интерпретация посуды рассматриваемого типа.

Впервые в материалах некрополей северных предгорий сосуд такого типа был найден в погребении № 135, расположенном в северной части могильника Майма-VII. Некрополь находился в 6 км к северу от с. Майма Республики Алтай и входил в систему

объектов крупного разновременного Майминского археологического комплекса [Киреев и др., 2008: 31–33; Киреев, 2017: 39–43] (рис. 1). Памятник, неоднократно подвергавшийся разрушительному антропогенному воздействию, в настоящее время практически уничтожен. На обширной территории могильника в течение 1983–1995 гг. С. М. Киреевым раскопано более 230 курганов и погребений. Позднее в Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина неоднократно поступали предметы из отдельных разрушенных объектов.

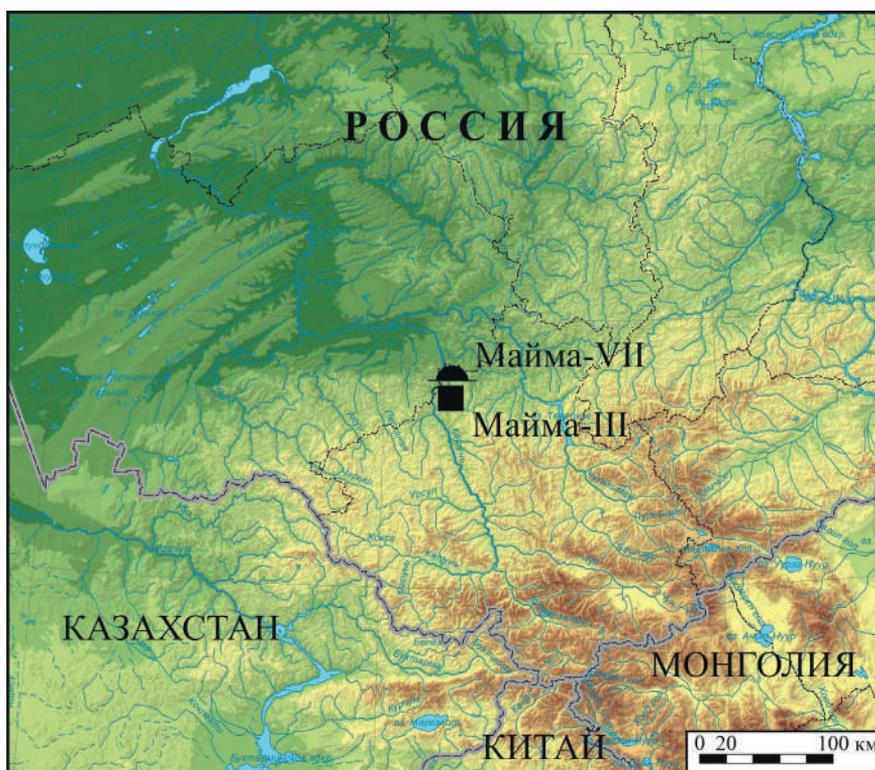

Рис. 1. Место расположения некрополя Майма-VII и поселения Майма-III на карте-схеме Республики Алтай

Fig. 1. Location of the Maima-VII necropolis and Maima-III settlement on the map-scheme of the Republic of Altai

Подавляющее большинство материалов памятника Майма-VII не введено в научный оборот, имеются лишь отдельные публикации некоторых артефактов [Киреев, Чевалков, 2005: 86–91; Киреев, 2020:163–168]. Тем не менее анализ обнаруженных материалов (особенности погребального обряда, керамика, украшения, предметы быта, вооружение) позволил автору раскопок отнести северную группу захоронений к завершающему этапу скифской эпохи Алтая и датировать её в рамках III–II вв. до н. э. [Киреев и др., 2008, рис. 42.-1–5, 11–13]. Помимо этого, на периферии северной части памятника расположено несколько погребений II–V вв. н. э.

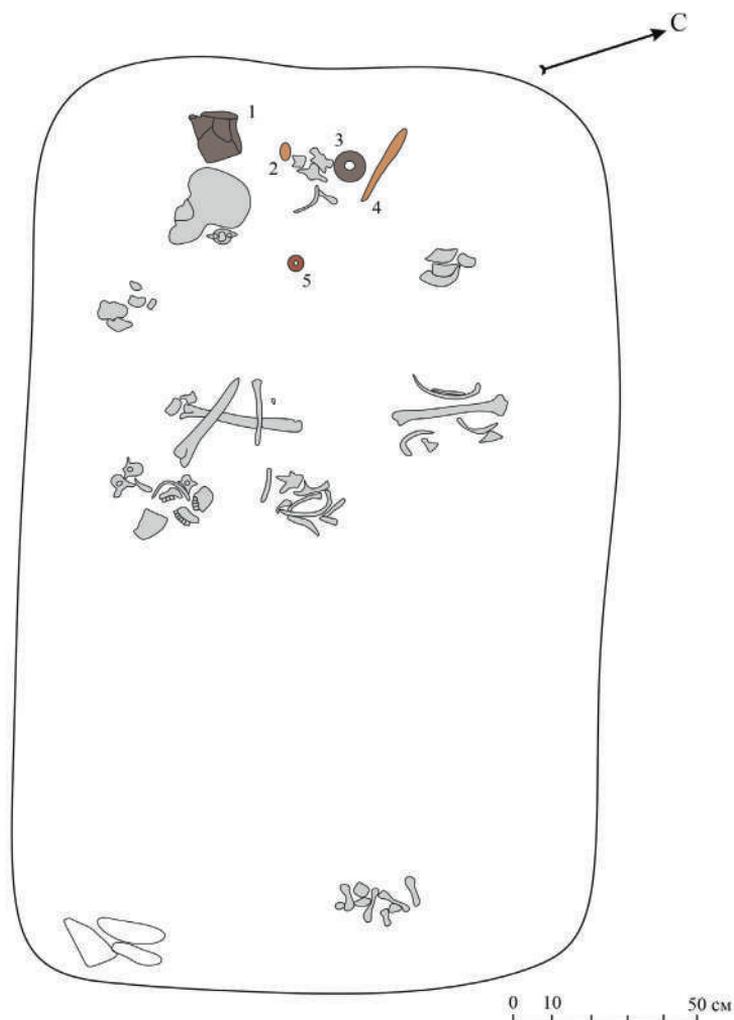

Рис. 2. План погребения № 135 могильника Майма-VII (1 – сосуд с «трубчатым носиком-сливом», 2 – навершие шпильки, 3 – пряслице, 4 – нож, 5 – бусина)

Fig. 2. Plan of burial No. 135 of the Maima-VII burial ground (1 – a vessel with a «tubular spout-spout», 2 – a hairpin top, 3 – a whorl, 4 – a knife, 5 – a bead)

Для обоснования принадлежности погребения № 135 к быстринской культуре необходимо представить его полное описание (рис. 2). Можно предположить, что над могилой изначально имелась разрушенная пашней и карьерными работами каменно-земляная насыпь. Отдельные рваные камни, характерные для курганов данного комплекса, прослеживались в заполнении погребения вплоть до дна. Могильная яма размерами 260x156 см и глубиной 68 см имела прямоугольную форму с закругленными углами и была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Вдоль всей южной стен-

ки фиксировался равномерный узкий слой тлена темно-коричневого цвета шириной 3,5–4,0 см и мощностью 5–8 см, очевидно, от истлевшей доски или жерди. Захоронение в значительной степени разрушено при ограблении, кости человека в беспорядке были разбросаны по всему дну могилы. При этом в восточном углу ямы в анатомическом порядке располагались фаланги пальцев ног. Кости черепа зачищены в западной части ямы и в ее центре. На височной кости обнаружен толстый слой органического тлена (или краски) черного цвета. Развал сосуда с носиком находился около северо-западной стенки. По костям стопы, расположению керамики, остальных предметов в могиле и ряду других признаков можно с уверенностью утверждать, что погребённый был ориентирован черепом на запад — северо-запад и уложен на спине или на правом боку. Установлено, что в системе погребальной практики быстрианской культуры в подавляющем большинстве случаев посуда располагалась в западной части могилы около головы умершего [Радовский, Серегин, 2020: 85]. По всем определяемым признакам погребение совершено по обряду захоронения быстрианской культуры [Киреев, 1992: 54–58; Киреев, Вдовина, 2000: 188].

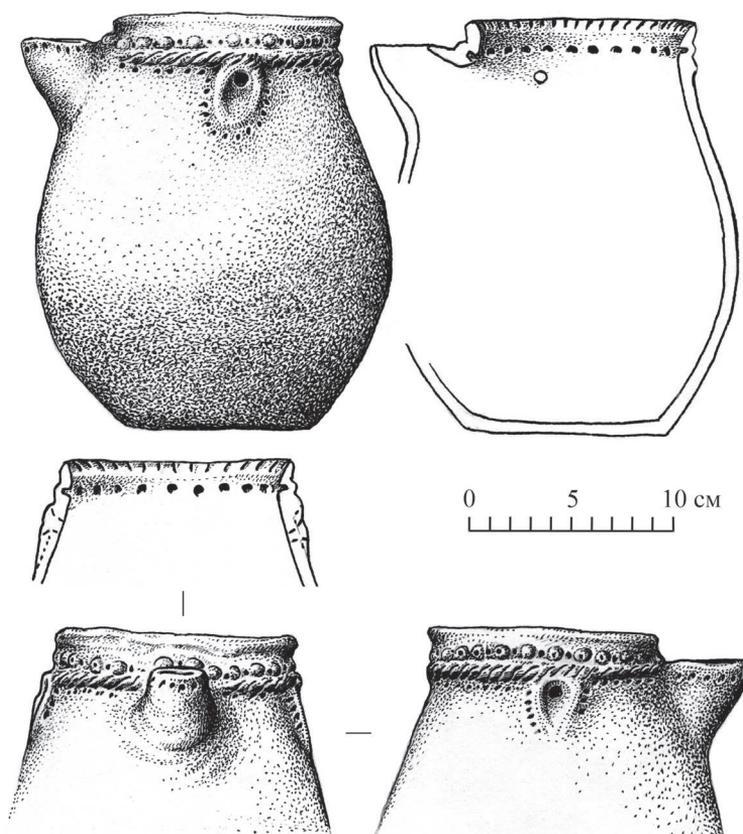

Рис. 3. Сосуд с «трубчатым носиком-сливом» из могилы № 135 комплекса Майма-VII
 Fig. 3. Vessel with a «tubular spout-drain» from grave No. 135 of the Maima-VII complex

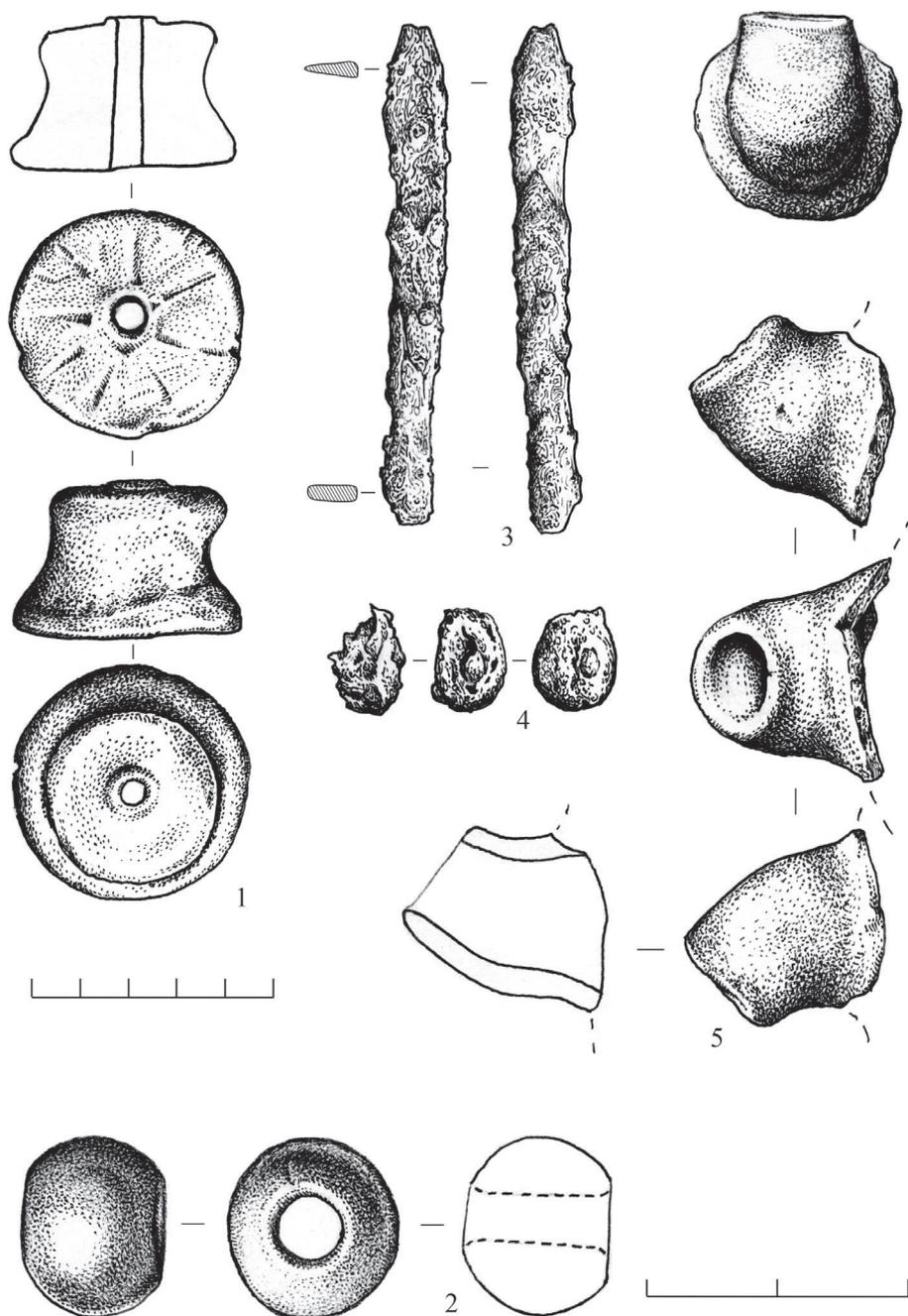

Рис. 4. Предметный комплекс из могилы № 135 некрополя Майма-VII (1–4) и носик-слив из поселения Майма-III (5)

Fig. 4. Object complex from grave No. 135 of the Maima-VII necropolis (1–4) and spout-spout from the Maima-III settlement (5)

Рис. 5. Сосуды с «трубчатым носиком-сливом»: 1 – могила № 135 комплекса Майма-VII; 2 – курган № 1 могильника Кызыл-Джар-III; 3 – поселение Майма-III; 4 – курган № 2 некрополя Верх-Еланда-II. 1–3 – фото авторов; 4 – [Степанова, Соёнов, 2009, рис. 30]
 Fig. 5. Vessels with a “tubular spout-drain”. 1 – Grave No. 135 of the Maima-VII complex; 2 – Mound No. 1 of the Kyzyl-Dzhar-III burial ground; 3 – Maima-III settlement; 4 – Mound No. 2 of the Verkh-Eland-II necropolis. 1–3 – photos of the authors; 4 – [Stepanova, Soyonov, 2009, fig. thirty]

В могиле обнаружены остатки сопроводительного инвентаря: указанный сосуд с носиком, рядом с которым были найдены глиняное пряслице, сердоликовая (?) бусина, железные нож и напершие шпильки (рис. 4.-1–4). Все эти предметы находились в западной части могильной ямы (рис. 2). Представленный инвентарь типичен для куль-

туры населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Отдельные его элементы датируются в достаточно широких рамках конца V–II вв. до н. э. Но учитывая расположение погребения в северной части некрополя и облик предметов, можно предположить, что захоронение было сооружено в пределах III–II вв. до н. э. Однако для подтверждения и уточнения его хронологии следует представить подробное описание сосуда с носиком-сливом.

Сосуд из погребения № 135 изготовлен способом ленточного налеха из достаточно равномерно промешанной формовочной массы с крупными примесями дробленого кварца, песка, обломочной породы, шамота. Тесто в изломе слоистое, рыхлое, поверхность заглажена небрежно. Сосуд имеет переходную форму от несколько удлинённого горшка к кувшиновидной форме, сочетая в себе пропорции того и другого (рис. 3; рис. 5.-1). Высота около 19 см, тулово диаметром 16,2 см слегка раздуто, днище плоское диаметром 7,2 см. Шейка слабо выражена, венчик немного отогнут наружу. Сосуд деформирован, размеры его устья составляют 10,8x11,5 см. В верхней части под венчиком имеется носик-слив, приподнятый вверх под углом около 45°. Носик был вылеплен отдельно, затем вставлен в заранее подготовленное отверстие в области шейки и плечиков, шов в месте прикрепления снаружи и изнутри затерт. Сосуд орнаментирован под венчиком тремя опоясывающими рядами декора: жемчужник с разделителем в виде овальных вдавлений, налипной рассеченный валик, наклонные насечки. В районе шейки и плечиков с двух противоположных сторон расположены отверстия для подвешивания, укрепленные аркообразными налехами — так называемыми ушками [Кирюшин, Степанова, 2004: 38–40]. Арки украшены мелкими наколами, таким же образом орнаментирован и носик сосуда чуть ниже устья слива. На срез венчика нанесены косо поставленные насечки (рис. 3; 5.-1).

Еще один «трубчатый носик-слив» от керамического сосуда (рис. 4.-5; 5.-3) обнаружен в 1991 г. при раскопках жилища № 2 быстрянской культуры на многослойном поселении Майма-III, расположенном в 500–600 м к югу от могильника Майма-VII (см. рис. 1). Носик-слив найден в котловане жилища, ближе к его центру, недалеко от очага. В данном объекте и около него обнаружены развалы сосудов, зернотерка, курант, песты, оселок, грузило, глиняные пряслица, обломки каменной курильницы, бронзовый черешковый трехлопастной наконечник стрелы [Киреев и др., 2008: 26–27]. По целому ряду признаков быстрянские культурные слои предварительно датированы автором раскопок IV–III вв. до н. э. Сохранившийся слегка изогнутый носик сосуда имеет длину около 4,5 см. Его слив в сечении овальной формы с внутренним диаметром 1,3x1,7 см. Носик в районе крепления к утраченному тулову изделия расширяется и на конце имеет размеры 3,8x5,6 см (рис. 4.-5; 5.-3). Внутренний диаметр у основания — 3 см. Толщина стенок носика на окончании — 0,4 см, в месте крепления к тулову сосуда — от 0,5 до 1 см. Обжиг качественный, цвет изделия коричневый с небольшими темными пятнами. Поверхность неровная, шероховатая, с мелкими раковинами и трещинами. Визуально в формовочной массе наблюдаются примеси шамота, песка и слюды.

Для уточнения вопросов, связанных с датировкой и распространением обозначенной категории предметов, целесообразно обратиться к материалам памятников сопредельных территорий, содержащих посуду с оформленным сливом.

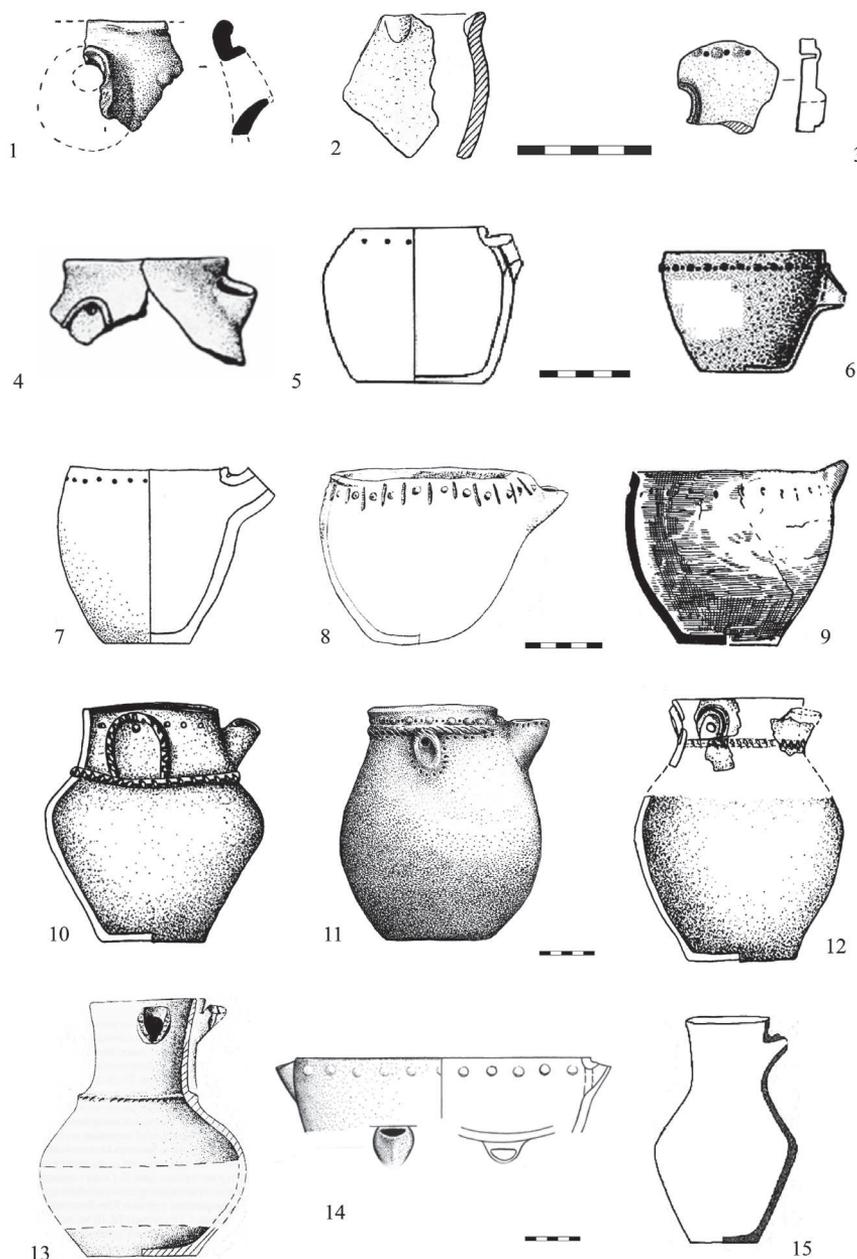

Рис. 6. Сосуды с «трубчатым носиком-сливом» из комплексов Алтая и Верхнего Приобья: 1 – Горелький Кордон-I [Фролов, Папин, Шамшин, 2002, рис. 101.-3]; 2 – Усть-Манжиха-I [Кунгуров, 1997, рис. 3.-9]; 3–5 – Черный Ануй-III [Шульга, 2015, рис. 90.-35–36]; 4 – Кызыл-Джар-III [Могильников, 1983, рис. 2.-5]; 6 – Дмитриевская Грива [Абдулганеев, 1993, рис. 3.-1]; 7 – Староалейка-II [Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 3.-6]; 8 – Кызык-Телань-I [Суразаков, Тишкин, 2007, рис. 97.-4]; 9. – Ордынское-I [Завитухина, 1968, рис. 4.-7];

10, 12 – Верх-Еланда-II [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 100.-4, 103.-3]; 11 – Майма-VII; 13 – Кастахта [Мамадаков, Неверов, 2001, рис. 9]; 14 – Рублево-III [Фролов, 2013, рис. 2.-4]; 15. – Барбургазы-I [Кубарев, 1992, табл. XV.-1]

Fig. 6. Vessels with a «tubular spout-drain» from the complexes of Altai and the Upper Ob region: 1 – Gorely Kordon-I [Frolov, Papin, Shamshin, 2002, Fig. 101.-3]; 2 – Ust-Manzhikha-I [Kungurov, 1997, Fig. 3.-9]; 3, 5 – Black Anui-III [Shulga, 2015, Fig. 90.-35–36]; 4 – Kyzyl-Dzhar-III [Mogilnikov, 1983, Fig. 2.-5]; 6 – Dmitrievskaya Griva [Abdulganeev, 1993, Fig. 3.-1]; 7 – Staroaleyka-II [Kiryushin, Kungurov, 1996, Fig. 3.-6]; 8 – Kzyk-Telan-I [Surazakov, Tishkin, 2007, Fig. 97.-4]; 9 – Ordynskoe-I [Zavitukhina, 1968, Fig. 4.-7]; 10, 12 – Top-Elanda-II [Kiryushin, Stepanova, 2004, Fig. 100.-4], 103.-3; 11 – Mayma-VII; 13 – Kastakhta [Mamadakov, Neverov, 2001, Fig. 9]; 14 – Rublevo-III [Frolov, 2013, Fig. 2.-4]; 15 – Barburgazy-I [Kubarev, 1992, table XV.-1]

Анализ и интерпретация сосудов с «трубчатым носиком-сливом» из памятников Алтая и Верхнего Приобья

Одни из наиболее ранних сосудов с «трубчатым носиком-сливом» фиксируются на изображениях печатей Передней Азии уже в конце IV–III тыс. до н. э. [Антонова, 1986: 58–59]. В материалах культур степного пояса Евразии рассматриваемая категория изделий получает распространение в раннескифское время (VIII — середина VI в. до н. э.) и скифо-сакский период (VI–III вв. до н. э.) [Акишев, Кушаев, 1963: 102–104; Вишневская, Итина, 1971: 204; Итина, Яблонский, 1997: 39, рис. 67]. В степном Алтае сосуды с «трубчатым носиком-сливом» на памятниках начала раннего железного века (раннескифский период) обнаружены лишь дважды: на поселениях Горелый Кордон-I (рис. 6.-1) и Рублево-III (рис. 6.-14) [Шамшин, Навротский, 1990: 90–92; Фролов, Папин, Шамшин, 2002, рис. 101.-3; Фролов, 2013: 45–48]. Наибольшее распространение в этом регионе данные предметы получили в скифо-сакское время. В материалах последующих периодов сосуды указанного типа на Алтае нам неизвестны.

На территории Горного Алтая по материалам могильников скифо-сакского времени к настоящему времени известны шесть сосудов с «трубчатым носиком-сливом». Два из них обнаружены в некрополе Верх-Еланда-II (курганы № 2, 8) (рис. 5.-4; 6.-10, 12), по одному — в комплексах Кызыл-Джар-III (курган № 1) (рис. 5.-2; 6.-4), Барбургазы-I (курган № 11) (рис. 6.-15), Кастахта (курган № 38) (рис. 6.-13) и Кызык-Телань-I (курган № 37) (рис. 6.-8) [Могильников, 1983: 48, рис. 2.-5; Кубарев, 1992, табл. XV.-1; Мамадаков, Неверов, 2001: 90, рис. 9; Кирюшин, Степанова, 2004: 37, рис. 100.-4, 103.-3; Суразаков, Тишкин, 2007, рис. 97.-4]. Части сосуда, который также, вероятно, имеет слив, найдены в насыпи кургана № 5 памятника Балык-Соок-II. Изделие имеет нестандартную форму и орнамент, вследствие чего автором было сделано предположение об его импортном происхождении [Шульга, 2015: 74–75, рис. 21.-19].

Фрагменты «чайникообразной» посуды найдены и на поселениях раннего железного века Горного Алтая. Обломки от двух подобных сосудов зафиксированы на памятнике Черный Ануй-III (рис. 6.-3, 5). Носики или их фрагменты обнаружены на поселениях Теректа, Куротинский Лог-I, возможно, в Аскате-II и Элекмонаре-IV [Шульга, 2015: 82, рис. 43.-5; 63.-15; 78.-25; 90.-35, 36; 98а.-11].

О существовании рассматриваемой традиции косвенно свидетельствуют находки металлического котла со сливом и двух бронзовых сосудов с «трубчатым носиком» (случайные находки у с. Кулада и с. Купчегень) [Суразаков, 1982: 128, рис. 3; Суразаков, 1989, рис. 32.-1; Кирюшин, Степанова, 2004: 37; Соёнов, Константинов, 2017: 62–70]. Следует сказать, что определение узкой датировки данных предметов вызывает затруднение в результате отсутствия контекста обнаружения изделий. Однако наличие ряда аналогий, приведенных авторами публикаций, гипотетически позволяет отнести их к скифо-сакскому времени.

Сосуды с «трубчатым носиком-сливом» обнаружены также в погребальных комплексах староалейской культуры Верхнего Приобья и каменной культуры лесостепной части Алтайского края и Новосибирской области. Так, «чайникообразное» изделие зафиксировано в насыпи кургана № 1 каменного могильника Ордынское-I (рис. 6.-9) [Завитухина, 1968, рис. 4.-7]. Предмет подобного типа обнаружен в материалах кургана № 14 некрополя староалейской культуры Староалейка-II (рис. 6.-7) [Кирюшин, Кунгуров, 1996: 116, рис. 3.-6].

С большой долей вероятности к быстрианской культуре относятся два подобных сосуда из северных предгорий Алтая. Первый предмет найден на поселении Дмитриевская Грива (рис. 6.-6), расположенном в зоне предполагаемой границы ареалов распространения староалейской и быстрианской культур [Абдулганеев, 1993: 186, рис. 3.-1; Абдулганеев, Владимиров, 1997, рис. 54.-13]. Другой «сосуд-чайник» обнаружен на площади поселения раннего железного века Усть-Манжиха-I (рис. 6.-2), находящемся на территории распространения рассматриваемой общности [Кунгуров, 1997: 225, рис. 3.-9]. По нашему мнению, данные предметы могут быть отнесены к быстрианской культуре. Остановимся подробнее на их описании. Изделие из первого памятника — баночной формы, ниже венчика располагается композиция из ряда жемчужин, разделённых округлыми вдавлениями. Слив расположен ниже строки орнамента и представляет собой «трубочку», сужающуюся к окончанию. Сосуд из Усть-Манжихи-I имеет кувшиновидную или кринковидную форму, дополнительных украшений на предмете нет, а слив оформлен в виде «желобка-выемки» по краю венчика.

При установлении особенностей обозначенной категории предметов нами были выявлены закономерности в морфологических характеристиках указанной утвари. Немногочисленные сосуды с «трубчатым носиком-сливом» из памятников Алтая на первый взгляд достаточно разнообразны, однако в их оформлении наблюдаются некоторые общие тенденции. В материалах поселений известны в основном баночные сосуды (рис. 6.-1, 3, 5–6). Единственным исключением является изделие из Усть-Манжихи-I, которое имеет форму, близкую к кувшиновидной (рис. 6.-2). Преимущественно в виде банок оформлена посуда из комплексов лесостепной зоны (рис. 6.-1, 6–7, 9, 14). В материалах некрополей Горного Алтая баночный сосуд зафиксирован лишь один раз (рис. 6.-8) и дважды обнаружены кувшиновидные изделия (рис. 6.-13, 15). В четырёх случаях, включая предмет из могильника Майма-VII, известны вытянуто-горшкообразные сосуды, близкие кувшиновидным (рис. 6.-4, 10–12).

Наиболее близкими аналогиями сосуду из быстрианского некрополя Майма-VII по некоторым особенностям внешнего оформления и орнамента являются изде-

лия из памятников Верх-Еланда-II (рис. 5.-4; 6.-10, 12) и верхняя часть неполного сосуда из Кызыл-Джара-III (рис. 5.-2; 6.-4) [Могильников, 1983: 43, рис. 2.-5; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 100.-4; 103.-3]. Рассматриваемые предметы имеют подобную вытянуто-горшкообразную форму, близкую к кувшиновидной, и отверстия для подвешивания, украшенные налепными валиками в виде арки. Слив сосудов представляет собой «трубочку», расположенную в верхней части изделий. Подобная форма отмечена у предмета из Усть-Манжихи-I, однако слив данного изделия изготовлен в виде «желобка-выемки», что сближает его с материалами Верхнего Приобья. Сосуд из Дмитриевской Гривы имеет баночную форму, характерную для поселенческих и погребальных комплексов Верхнего Приобья и поселений Горного Алтая. При этом слив указанного предмета оформлен в виде «трубочки», что редко фиксируется на территории лесостепной зоны рассматриваемого региона [Троицкая, Бородовский, 1994: 45, табл. XXII.–18, XXVI.–22, XXIX.–5, и др.; Могильников, 1997: 32, рис. 28.-3].

По мнению Ю. Ф. Кирюшина и Н. Ф. Степановой, в захоронениях Горного Алтая пока не найдено сосудов с «трубчатым носиком-сливом», датированных ранее V в. до н. э. [Кирюшин, Степанова, 2004: 37]. По-видимому, аналогичная ситуация наблюдается и в лесостепи рассматриваемого региона. Большинство сосудов из памятников Алтая (шесть экземпляров) датируется в рамках V–IV или IV–III вв. до н. э. (Верх-Еланда-II, Кастахта, Барбургазы-I, Кызыл-Джар-III, Староалейка-II) [Могильников, 1983: 49; Кубарев, 1992: 48; Кирюшин, Кунгуров, 1996: 133–134; Мамадаков, Неверов, 2001: 96; Кирюшин, Степанова, 2004: 118–119]. Немного более ранним временем определяются комплексы Кызык-Телань-I и Ордынское-I — VI–V вв. до н. э. [Троицкая, Бородовский, 1994: 14; Суразаков, Тишкин, 2007: 104]. Таким образом, период бытования сосудов со сливами в памятниках населения горной и лесостепной зон Алтая скифо-сакского времени датируется преимущественно в рамках V–III вв. до н. э.

Существует несколько версий происхождения сосудов со сливом на рассматриваемой территории. По мнению В. А. Могильникова, В. Д. Кубарева, А. А. Тишкина и А. С. Суразакова, появление такой посуды связано с проникновением саков Казахстана на территорию Горного Алтая в IV–III [Могильников, 1983: 48, 59–61; Кубарев, 1992: 48] или VI–IV вв. до н. э. [Суразаков, Тишкин, 2007: 97–98]. Действительно, у саков Семиречья и Приаралья сосуды со сливом получили более широкое распространение и появились гораздо раньше, чем на Алтае [Акишев, Кушаев, 1963: 102–104; Вишневская, Итина, 1971: 204; Итина, Яблонский, 1997: 39, рис. 67]. В частности, в материалах курганов Южного Тагискаена рассматриваемый вид посуды обнаружен в комплексах VII — начала V в. до н. э.

По некоторым предположениям, для материалов Горного Алтая происхождение сосудов с «трубчатым носиком-сливом» может быть также соотнесено с культурами Восточного Туркестана (Синьцзяна). Именно с данной территорией некоторые исследователи связывают бытование богато украшенной посуды со сливом у населения Тувы скифо-сакского времени [Семёнов, 2004: 422–426]. По этой версии контакты населения Синьцзяна с «пазырыкцами» и «саглынцами» прослеживаются по наличию налепных «ушек» и орнамента в виде росписи сосудов, распространённых в Восточном Туркестане и Горном Алтае [Семёнов, 2004: 422–426; Му, 2021а: 249–255; 2021б: 114–116]. В ма-

териалах Синьцзяна сосуды со сливом получили достаточно широкое распространение [Шульга, 2010: 31–32, рис. 26], однако их форма и орнаментация существенным образом отличаются от посуды населения Алтая. Возможно, оформление изделий этого типа изменилось под влиянием иной культурной среды. Сосуды со сливом в Восточном Туркестане, судя по датировке содержащих их комплексов [Шульга, 2010: 37–39], бытуют в более широких рамках, чем на рассматриваемой территории.

По предположению Н. Ф. Степановой происхождение и существование сосудов с носиками-сливами на Алтае не связано с какой-либо определённой культурой или контактами населения, а определяется лишь функциональным назначением предметов [Кирюшин, Степанова, 2004: 37].

Не исключено, что рассматриваемая нами категория глиняной посуды изначально принесена на Алтай кочевниками с юга или юго-запада. Затем практика изготовления сосудов со сливом, распространившись на территорию Алтая, вероятно, была включена в керамическое производство местных культур, в результате чего изделия приобрели форму и орнаментацию, характерную для населения обозначенного региона.

Заключение

Таким образом, рассмотрев основные особенности оформления посуды со сливом, можно сделать вывод о разнообразии форм рассматриваемых предметов в Горном Алтае. Фиксируются баночные, горшковидные и кувшиновидные изделия. При этом слив на керамике оформлялся в виде трубчатого носика, а не «желобка-выемки». В этом отношении посуда со сливом быстрианской культуры сближается с аналогичными предметами из горной части Алтая. На данном этапе исследований нельзя с полной уверенностью говорить о возникновении и истоках происхождения сосудов с «трубчатым носиком-сливом» на рассматриваемой территории. Основной импульс, в результате которого такая посуда появилась на Алтае, возможно, связан с миграцией кочевников скифского круга с территории Семиречья, Приаралья или Восточного Туркестана. При этом также нельзя исключать версию о том, что возникновение указанной категории предметов обусловлено местными особенностями хозяйственной деятельности или культурной практики кочевых и оседлых обществ автохтонного населения скифской эпохи, а не перемещением инородных групп.

Период бытования сосудов с «трубчатым носиком-сливом» на Алтае определяется преимущественно в рамках V–III вв. до н. э. как в горной, предгорной, так и в лесостепной зонах. Проведённое исследование ещё раз уточняет и подтверждает датировку погребения № 135 некрополя Майма-VII в пределах второй половины IV — рубежа III–II вв. до н. э. Остальные предметы, найденные в могиле, не противоречат этому выводу. Быстрианский культурный слой поселения Майма-III, в котором был найден носик от сосуда со сливом, также хорошо укладывается в рамки IV–III до н. э.

Открытым по-прежнему остается вопрос о назначении сосудов с носиком-сливом. Для однозначного суждения об этом требуется проведение анализа совокупных данных о полном составе сопроводительного инвентаря, определений пола, возраста, особенностей погребального обряда и других аспектов. Если найденные на поселениях фрагменты чайникообразных сосудов могут иметь утилитарное назначение, то подобная

керамика, установленная в погребениях, в силу крайней редкости не может быть однозначно определена для данных целей. Весьма гипотетически можно считать эти сосуды ритуальными [Кисель, 2007: 73–77], принадлежащими какой-то особой редкой категории населения «быстрянцев» и других синхронных культур скифо-сакского времени Алтая, выполнявшей определенные специфические функции в своей общине или семье. В таком случае, найденные в поселенческих комплексах подобные изделия также могли использоваться этими лицами для осуществления данных функций.

Достаточно перспективным, на наш взгляд, является классификация и сравнительный анализ всего комплекса керамики горного и лесостепного Алтая, в том числе редких и необычных сосудов по всем параметрам их оформления.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, МД-792.2022.2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М. Т. Поселение Дмитриевская Грива // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 181–191.

Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н. э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 147 с.

Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата : АН КазССР, 1963. 318 с.

Антонова Е. В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в составе культур древнего и средневекового Востока. М. : ГРВЛ, 1986. С. 35–65.

Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР № 177. М. : Наука, 1971. С. 197–208.

Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 1996. 328 с.

Завитухина М. П. Ордынские курганы V–IV вв. до н. э. (о культуре скифского времени в новосибирской лесостепи) // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10. С. 28–34.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : РОССПЭН, 1997. 187 с.

Кисель В. А. Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3 (31). С. 69–79.

Киреев С. М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск : ГАНИИЯЛ, 1992. С. 54–58.

Киреев С. М. Майминский археологический комплекс: тридцать лет исследований и наблюдений // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 39–43.

Киреев С. М. Погребения лошадей на могильнике быстрянской культуры Майма-VII // Экология древних и традиционных обществ. Материалы VI научной конференции. Тюмень : Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. Вып. 6. С. 163–168.

Киреев С. М., Акимова Т. А., Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск : АКИН, 2008. 144 с.

Киреев С. М., Вдовина Т. А. Погребальный обряд быстрианской культуры // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2000. Т. I. С. 187–189.

Киреев С. М., Чевалков С. Ю. Курган позднего этапа быстрианской культуры // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : Изд-во АКИН, 2005. С. 86–91.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 220 с.

Кунгуров А. Л. Памятники железного века Верхнего Причумышья (по материалам краеведческого музея с. Победа) // Алтайский сборник. Барнаул : Алтай, 1997. Вып. XVIII. С. 221–240.

Мамадаков Ю. Т., Неверов С. В. Аварийные исследования курганов у с. Кастахта // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 90–97.

Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар — II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск : Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 40–71.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М. : Пушкинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Му Ц. Керамическая посуда с «ушками» на Алтае: краткий обзор исследований, анализ источников и перспективы изучения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021а. Вып. XXVII. С. 249–255.

Му Ц. Расписная керамика в пазырыкской культуре: результаты изучения и происхождение традиции // Новые материалы и методы археологического исследования. М. : ИА РАН, 2021б. С. 114–116.

Радовский С. С., Серегин Н. Н. Ориентировка погребенных в некрополях быстрианской культуры северных предгорий Алтая (скифо-сакское время) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. № 4. С. 83–94.

Семёнов Вл. А. Расписная керамика в культурах сако-юечжийского круга Центральной Азии // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 422–426.

Соёнов В. И., Константинов Н. А. Бронзовый сосуд-ковш для сакральных напитков из долины Кадрина (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1 (17). С. 62–70.

Степанова Н. Ф., Соёнов В. И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск : АКИН, 2009. 212 с.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во: Горно-Алт. отд., 1989. 214 с.

Суразаков А. С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

Суразаков А. С., Тишкин А. А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул : Азбука, 2007. 232 с.

Троицкая Т. Н., Бороодовский А. П. Большещеченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.

Фролов Я. В. Место комплексов раннего железного века Рублевского археологического микрорайона в кругу памятников раннескифского и скифского времени Кулунды // Древности Сибири и Центральной Азии. 2013. № 5 (17). С. 45–57.

Фролов Я. В., Папин Д. В., Шамшин А. Б. Горелый Кордон-I — первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 135–139.

Шамшин А. Б., Навротский П. И. Новые памятники раннего железного века на юге Кулунды // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Топчихинская типография, 1990. С. 90–92.

Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

Шульга П. И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск : РИЦ НГУ, 2015. 336 с.

REFERENCES

Abdulganeev M. T. Poselenie Dmitrievskaia Griva [Settlement Dmitrievskaya Griva]. *Kul'tura narodov evraziiskikh stepei v drevnosti* [Culture of the peoples of the Eurasian steppes in antiquity]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1993 P. 181–191 (in Russian).

Abdulganeev M. T., Vladimirov V. N. *Tipologiya poselenii Altaia 6–2 vv. do n. e.* [Typology of Altai settlements in the 6th-2nd centuries. BC]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997, 147 p. (in Russian).

Akischev K. A., Kushaev G. A. *Drevniaia kul'tura sakov i usunei doliny reki Ili* [The ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili river valley]. Alma-Ata: AN KazSSR, 1963, 318 p. (in Russian).

Antonov E. V. K issledovaniuu mesta sosudov v kartine mira pervobytnykh zemledel'tsev [To the study of the place of vessels in the picture of the world of primitive farmers]. *Vostochnyi Turkestan i Sredniaia Aziia v sostave kul'tur drevnego i srednevekovogo Vostoka* [East Turkestan and Central Asia as part of the cultures of the ancient and medieval East]. M.: GRVL, 1986. P. 35–65 (in Russian).

Frolov Ia. V. Mesto kompleksov rannego zheleznoogo veka Rublevskogo arkheologicheskogo mikroraiona v krugu pamiatnikov ranneskifskogo i skifskogo vremeni Kulundy [Place of the complexes of the early Iron Age of the Rublevsky archaeological microdistrict in the circle of monuments of the early Scythian and Scythian times of Kulunda]. *Drevnosti Sibiri*

i Tsentral'noi Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia]. 2013, no 5 (17) P. 45–57 (in Russian).

Frolov Ia. V., Papin D. V., Shamshin A. B. Gorelyi Kordon-I — pervoe poselenie perekhodnogo perioda ot epokhi pozdnei bronzy k rannemu zheleznomu veku na iuge Kulundy [Gorelyi Kordon-I is the first settlement of the transitional period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age in the south of Kulunda]. *Severnaia Evraziia v epokhu bronzy: prostranstvo, vremia, kul'tura* [Northern Eurasia in the Bronze Age: space, time, culture]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002. P. 135–139 (in Russian).

Glushkov I. G. *Keramika kak arkheologicheskii istochnik* [Pottery as an archaeological source]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 1996, 328 p. (in Russian).

Itina M. A., Iablonskii L. T. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken)* [Saks of the Lower Syr Darya (based on materials from the South Tagisken burial ground)]. M.: "ROSSPEN", 1997, 187 p. (in Russian).

Kisel' V. A. Rasskaz Gerodota i ritual'nye sosudy drevnikh kochevnikov [Herodotus' story and ritual vessels of ancient nomads]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii* [Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii]. 2007, no 3 (31). P. 69–79 (in Russian).

Kireev S. M. Maiminskii arkheologicheskii kompleks: tridtsat'let issledovaniia i nabliudeniia [Maiminsky archaeological complex: thirty years of research and observation]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2017, is. XXIII. P. 39–43 (in Russian).

Kireev S. M. Pogrebeniia bystrianskoi kul'tury [Burials of Bystryansky culture]. *Problemy izucheniia istorii i kul'tury Altaia i sopredel'nykh territorii* [Problems of studying the history and culture of Altai and adjacent territories]. Gorno-Altai: GANIIIAL, 1992. P. 54–58 (in Russian).

Kireev S. M. Pogrebeniia loshadei na mogil'nike bystrianskoi kul'tury Maima-VII [Burials of horses at the burial ground of the Bystryanskaya culture Maima-VII]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Materialy VI nauchnoi konferentsii* [Ecology of ancient and traditional societies. Materials of VI scientific conference]. Tiumen': Izd-vo TiumNTs SO RAN, 2020, is. 6. P. 163–168 (in Russian).

Kireev S. M., Chevalkov S. Iu. Kurgan pozdнего etapa bystrianskoi kul'tury [Barrow of the late stage of Bystryansky culture]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediiia narodov Iuzhnoi Sibiri* [Studying the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia]. Gorno-Altai: Izd-vo AKIN, 2005. P. 86–91 (in Russian).

Kireev S. M., Akimova T. A., Borodovskii A. P., Borodovskaia E. L. *Arkheologicheskie pamiatniki i ob'ekty Maiminskogo raiona* [Archaeological sites and objects of the Maiminsky district. Gorno-Altaysk]. Gorno-Altai, 2008, 144 p. (in Russian).

Kireev S. M., Vdovina T. A. Pogrebal'nyi obriad bystrianskoi kul'tury [Funeral rite of the Bystryansk culture]. *Nasledie drevnikh i traditsionnykh kul'tur Severnoi i Tsentral'noi Azii* [Heritage of ancient and traditional cultures of North and Central Asia]. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2000, vol. I. P. 187–189 (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Kungurov A. L. Mogil'nik rannego zhelezного veka Staroaleika 2 [Early Iron Age burial ground Staroaleyka 2]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 1996. P. 115–134 (in Russian).

Kiryushin Iu. F., Stepanova N. F. *Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Chast' III: Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Srednej Katuni* [Stepanova N. F. Scythian era of Gorny Altai. Part III: Funeral complexes of the Scythian time of the Middle Katun]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004, 292 p. (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Sailyugema* [Mounds of Sailyugem]. Novosibirsk: Nauka, 1992, 220 p. (in Russian).

Kungurov A. L. *Pamiatniki zheleznogo veka Verkhnego Prichumysh'ia (Po materialam kraevedcheskogo muzeia s. Pobeda)* [of the Upper Chumysh Region (According to the materials of the local history museum of the village of Pobeda)]. *Altaiskii sbornik* [Altai collection]. Barnaul: Izd-vo "Altai", 1997, is. XVIII. P. 221–240 (in Russian).

Mamadakov Iu. T., Neverov S. V. *Avariinye issledovaniia kurganov u s. Kastakhta* [Emergency studies of mounds near the village. Kastahta] // *Problemy izucheniia drevnei i srednevekovoi istorii* [Problems of studying ancient and medieval history]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001. P. 90–97 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Kurgany Kyzyl-Dzhar — II–V i nekotorye voprosy sostava naseleniia Altaia vo vtoroi polovine I tys. do n. e.* [The kurgans of Kyzyl-Dzhar–I–V and some questions of the composition of the population of Altai in the second half of the 1st millennium BC.]. *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaia* [Issues of archeology and ethnography of Gorny Altai]. Gorno-Altai: Izd-vo GANIIIAL, 1983. P. 40–71 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Naselenie Verkhnego Priob'ia v seredine — vtoroi polovine I tysiacheletia do n. e.* [The population of the Upper Ob in the middle — second half of the 1st millennium BC]. M.: Pushkinskii nauchnyi tsentr RAN, 1997, 196 p. (in Russian).

Mu Ts. *Keramicheskaia posuda s "ushkami" na Altae: kratkii obzor issledovaniia, analiz istochnikov i perspektivy izucheniia* [Ceramic dishes with "ears" in Altai: a brief review of research, analysis of sources and prospects for study]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2021a, is. XXVII. P. 249–255 (in Russian).

Mu Ts. *Raspisnaia keramika v pazyrykskoi kul'ture: rezul'taty izucheniia i proiskhozhdenie traditsii* [Painted ceramics in the Pazyryk culture: the results of the study and the origin of the tradition]. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia* [New materials and methods of archaeological research]. M.: IA RAN, 2021b. P. 114–116 (in Russian).

Radovskii S. S., Seregin N. N. *Orientirovka pogrebennykh v nekropoliakh bystrianskoi kul'tury severnykh predgorii Altaia (skifo-sakskoe vremia)* [Orientation of those buried in the necropolises of the Bystryanskaya culture of the northern foothills of Altai (Scythian-Sakian time)]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions]. 2020, vol. 4, no 4. P. 83–94 (in Russian).

Semenov V. I. *Raspisnaia keramika v kul'turakh sako-iuechzhiiskogo kruga Tsentral'noi Azii* [Painted pottery in the cultures of the Sako-Yuezhi circle of Central Asia]. *Kompleksnye issledovaniia drevnykh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [Comprehensive studies of ancient and traditional societies of Eurasia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004. P. 422–426 (in Russian).

Shamshin A. B., Navrotskii P. I. *Novye pamiatniki rannego zheleznogo veka na iuge Kulundy* [New sites of the early Iron Age in the south of Kulunda] // *Okhrana i ispol'zovanie*

arkheologicheskikh pamiatnikov Altaia [Protection and use of archaeological sites of Altai]. Barnaul: Topchikhinskaia tipografiia, 1990. P. 90–92 (in Russian).

Shul'ga P. I. *Sin'tszian v VIII–III vv. do n. e.: (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiiia i periodizatsiia)* [Xinjiang in the VIII-OR centuries. BC: (Burial complexes. Chronology and periodization)]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. tekhn. un-t, 2010, 238 p. (in Russian).

Shul'ga P. I. *Skotovody Gornogo Altaia v skifskoe vremia (po materialam poselenii)* [Cattle Breeders of the Altai Mountains in the Scythian Time (Based on the Materials of the Settlements)]. Novosibirsk: RITs NGU, 2015, 336 p. (in Russian).

Soenov V. I., Konstantinov N. A. *Bronzovyi sosud-kovsh dlia sakral'nykh napitkov iz doliny Kadrina (Tsentral'nyi Altai)* [Bronze ladle vessel for sacred drinks from the Kadrin valley (Central Altai)]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia* [Theory and practice of archaeological research]. 2017, no 1 (17). P. 62–70 (in Russian).

Stepanova N. F., Soenov V. I. *Arkheologicheskie pamiatniki i ob'ekty Chernal'skogo raiona* [Archaeological monuments and objects of the Chemalsky district]. Gorno-Altai: AKIN, 2009, 212 p. (in Russian).

Surazakov A. S. *Ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Gornom Altae* [On archaeological research in Gorny Altai]. *Arkheologiiia i etnografiia Altaia* [Arkheologiiia i etnografiia Altaia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1982. P. 121–136 (in Russian).

Surazakov A. S. *Gornyi Altai i ego severnye predgor'ia v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniia* [Mountain Altai and its northern foothills in the Early Iron Age. Chronology and cultural distinctions]. Gorno-Altai: Alt. kn. izd-vo: Gorno-Alt. otd-nie, 1989, 214 p. (in Russian).

Surazakov A. S., Tishkin A. A. *Arkheologicheskii kompleks Kyzyk-Telan' — I v Gornom Altae i rezul'taty ego izucheniia* [The archaeological complex of Kyzyk-Telan-I in Gorny Altai and the results of its study]. Barnaul: Azbuka, 2007, 232 p. (in Russian).

Troitskaia T. N., Borodovskii A. P. *Bol'sherechenskaia kul'tura lesostepnogo Priob'ia* [Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob]. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (in Russian).

Vishnevskaja O. A., Itina M. A. *Rannie saki Priaral'ia* [Early Saks of the Aral Sea]. *Problemy skifskoi arkheologii. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR № 177* [Problemy skifskoi archeologii. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR No. 177]. M.: Nauka, 1971. P. 197–208 (in Russian).

Zavitukhina *Ordynskie kurgany V–IV vv. do n. e. (o kul'ture skifskogo vremeni v novosibirskoi lesostepi)* [Horde burial mounds of the V–IV centuries. BC (about the culture of the Scythian time in the Novosibirsk forest-steppe)]. *ASGE* [ASGE]. L., 1968, is. 10. P. 28–34 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 05.04.2023

Принята к публикации: 12.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023

УДК 902. 01

DOI: 10.14258/nreur(2023)3–03

П. В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет, Красноярск (Россия)

В. В. Юрьева

Усть-Кутский исторический музей, Усть-Кут (Россия)

ОБРАЗ ХИЩНОЙ ПТИЦЫ В МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНЫХ И ЮЖНО-ТАЕЖНЫХ РАЙОНОВ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

В статье проводится изучение происхождения и трансформации образа хищной птицы в металлопластике лесостепных и южно-таежных районов Средней Сибири на протяжении скифского периода раннего железного века. Было выяснено, что изображения хищной птицы проникли в исследуемый регион с юго-запада и юга, из среды большебереченской и тагарской общностей, а туда — из Алтая, Тувы, Китая, Казахстана. Впервые ажурные изображения хищной птицы проникли на территорию Красноярской лесостепи в VI в. до н. э. и получили распространение исключительно на восток по островным лесостепям. Вместе с ними в лесостепях появляются объемные реалистичные изображения, которые в V–III вв. до н. э. проникают с юга на север по Чуно-Ангарскому водоразделу в ангарскую тайгу, где получили массовое применение в украшении ременной гарнитуры. С VI в. до н. э. по всему региону распространяется плоский стилизованный стиль изображения хищной птицы, использованный сначала при литье бронзовых предметов, а позднее, с III–II вв. до н. э. — во времяковки железных. Все три стиля не исчезали с появлением нового, а продолжали использоваться до рубежа эр.

Ключевые слова: Красноярская и Канская лесостепи, южная тайга Среднего Енисея и Нижнего Приангарья, скифский мир, образ хищной птицы, металлопластика.

Цитирование статьи:

Мандрыка П. В., Юрьева В. В. Образ хищной птицы в металлопластике культур раннего железного века лесостепных и южно-таежных районов Средней Сибири // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 62–81. DOI: 10.14258/nreur(2023)3–03.

P. V. Mandryka

---

*Siberian Federal University, Krasnoyarsk (Russia)***V. V. Yurieva**

Ust-Kut Historical Museum, Ust-Kut (Russia)

THE IMAGE OF A BIRD OF PREY IN THE METAL-PLASTIC CULTURES OF THE EARLY IRON AGE OF THE FOREST-STEPPE AND SOUTH TAIGA REGIONS OF CENTRAL SIBERIA

The article studies the origin and transformation of the image of a bird of prey in the metalloplasty of the forest-steppe and south-taiga regions of Central Siberia during the Scythian period of the early Iron Age. It was found that images of a bird of prey penetrated the region under study from the southwest and south, from the environment of the Bolsherechensk and Tagar communities, and there from Altai, Tuva, China, Kazakhstan. For the first time, openwork images of a bird of prey penetrated the territory of the Krasnoyarsk forest-steppe in the VI century. BC e. and spread exclusively to the east along island forest-steppes. Together with them, volumetric realistic images appear in the forest-steppes, which in the V–III centuries. BC e. Penetrate from south to north along the Chuno-Angarsk watershed into the Angarsk taiga, where they received massive use in decorating the belt headset. From the VI century BC, a flat stylized style of depicting a bird of prey spreads throughout the region, first used in the casting of bronze objects, and later, from the III–II centuries. BC e. — during the forging of iron. All three styles did not disappear with the advent of the new, but continued to be used until the era.

Key words: Krasnoyarsk and Kan forest-steppes, southern taiga of Middle Yenisei and Lower Priangarye, Scythian world, image of bird of prey, metal plastic.

For citation:

Mandryka P. V., Yurieva V. V. The image of a bird of prey in the metal — plastic cultures of the early iron age of the forest-steppe and south taiga regions of Central Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. T. 28, № 3. P. 62–81. DOI: 10.14258/nreur(2023)3–03.

Мандрыка Павел Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией археологии Енисейской Сибири Сибирского федерального университета, Красноярск (Россия). **Адрес для контактов:** pmandryka@yandex.ru; ORCID 0000–0002–8647–3823.

Юрьева Валентина Валерьевна, научный сотрудник Усть-Кутского исторического музея, Усть-Кут (Россия). **Адрес для контактов:** breiza627@gmail.com.

Mandryka Pavel Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Archeology of Yenisei Siberia, Siberian Federal University, Krasnoyarsk (Russia). **Contact address:** pmandryka@yandex.ru.

Yurieva Valentina Valerievna, researcher at the Ust-Kut Historical Museum, Ust-Kut (Russia). **Contact address:** 6reiza627@gmail.com.

Введение

Культ хищной птицы всегда занимал в верованиях народов Сибири особое место, поэтому данный образ в древности часто использовался людьми для украшения предметов. Орел, а также более поздняя его вариация — грифон, являлся для людей существом с божественными способностями, который имел связь с потусторонним миром, олицетворял огонь, гром и солнце, был помощником шаманов и кузнецов. Периодом раннего железного века датируются многие металлические предметы с изображениями хищных птиц, найденные на территории Евразии. Не стала исключением и территория на северной периферии пояса степей — лесостепь и южная тайга Средней Сибири. Научных работ, посвященных стилистическим особенностям образов хищных птиц в указанном регионе скифского мира, совсем немного. Цель настоящего исследования — изучение происхождения и трансформации образа хищной птицы в металлопластике лесостепных и южно-таежных районов Средней Сибири на протяжении скифского периода раннего железного века.

История вопроса

На археологических материалах Евразии вопрос о грифонах (грифах) затрагивался в сотнях публикаций (см. библиографический список в работе, например, П. И. Шульги [2008]). Наиболее существенный вклад в разработку темы внесли исследования П. И. Шульги [Шульга, 2003а; 2003б; 2008; Шульга, Кальбунур, 2011], который рассматривал образы хищных птиц и грифонов на территориях Алтая, Южной Сибири, Синьцзяна и Северного Китая. На основе изображений хищных птиц и грифонов, найденных в вышеперечисленных районах, им создана типологическая классификация с выделением 11 групп изображений.

Еще одна типология изображений хищных птиц скифского мира предложена С. Л. Воробьевой [2010]. Изучая поясные накладки (бляшки) с изображениями голов хищных птиц и грифонов, найденных в Ордосе, Китае, Забайкалье, Саяно-Алтае, в Минусинской котловине, Верхнем Приобье, в Западной Сибири, а также в Зауралье и Приуралье, автор делит их по технике изготовления и стилистике на два типа. Литьем изготавливались накладки с «реалистичным» изображением грифонов, а литьем и штамповкой — схематические изображения («бабочковидные» накладки) [Воробьева, 2010, с. 59–61].

Впервые находки с изображениями хищной птицы, найденные на территориях Красноярского района и Нижней Ангары, упомянуты в работе В. В. Радлова «Сибирские древности» [1891]. В альбоме изображения хищных птиц представлены на кинжалах, навершия рукоятей которых оформлялись в виде смотрящих друг на друга двух птичьих голов. В некоторых случаях В. В. Радлов называет данные головы бараньими, головами пеликанов или фламинго. Термин «грифон» автор не использует совсем, поскольку к тому времени он еще не возник.

Значительное число предметов с изображением хищных птиц собрано и опубликовано М. П. Завитухиной [1983]. В данном исследовании автор описывает уже разные по назначению предметы с изображением орла. Она также рассматривает и кинжалы, описанные ранее В. В. Радловым, однако использует более современные понятия — изображения хищной птицы или грифона.

На материалах Нижнего Приангарья тему трансформации образа грифона поднимал красноярский исследователь Ю. А. Гревцов в одной из своих ранних работ [Гревцов, 1996]. Основываясь на анализе бронзовых и железных бляшек с изображениями мифического грифона, найденных на Усть-Тасеевском культовом комплексе, он приходит к выводу, что реалистичные изображения хищной птицы со временем полностью утрачиваются. В позднее скифское время на первый план выходят схематичные изображения с каплевидными прорезями. Обосновывая свою точку зрения, автор проводит аналогии с китайскими представлениями о небесных светилах и планетах вокруг них.

Попытка сбора предметов с изображением грифона и хищной птицы с территории Красноярской лесостепи и Нижней Ангары была предпринята в студенческой работе П. В. Иштутиной [2006]. Собрав небольшое количество встретившихся предметов (преимущественно бляшек) с изображением хищной птицы, она предложила разделить их на четыре группы, опираясь на типологию, разработанную П. И. Шульгой. Поставив вопрос о времени и путях появления в рассматриваемом районе предметов с изображениями хищных птиц, автор не предприняла попыток найти на него ответ. Был отмечен очевидный культурный обмен предметами с соседними регионами: южными и западными лесостепными и степными районами.

По материалам раннего железного века таежного Северного Приангарья выделена цэпаньская археологическая культура [Привалихин, 2011], в которой В. И. Привалихин отмечает использование бляшек с изображениями орлов и грифонов. Упомянув такие изображения и показывая их в рисунках на предметах, найденных на стоянке Сергушкин-3 и на Усть-Тасеевском культовом комплексе, автор не делает никакого описания. Вместе с тем он обращает внимание на то, что по своим стилистическим особенностям изображения грифонов на предметах очень близки алтайскому звериному стилю и имеют широкие аналогии в материалах памятников раннего железного века в соседних регионах.

После завершения раскопок в скальных нишах-гротах и на площадках Усть-Тасеевского культурного комплекса на Нижней Ангаре выходит обобщающая статья с этими материалами [Дроздов, Гревцов, Заика, 2011]. В работе опубликовано множество бляшек с изображением хищных птиц или грифонов, найденных на комплексе. Исследователи отмечают, что образцы скифо-сибирского звериного стиля встречаются на всей территории нижнего течения Ангары во второй половине I тыс. до н. э. Именно Северное Приангарье является самым северным районом, где подобные предметы широко распространены. Авторы, говоря о причинах популярности стиля у населения ангарской тайги, объясняют ее новым мировоззренческим содержанием известных образов. При этом южное происхождение этого вида предметов пластики у авторов не вызывает никаких сомнений [Дроздов, Гревцов, Заика, 2011: 82].

В последнее время стали публиковаться комплексы с единичными предметами, оформленными изображениями хищных птиц (орла) [Макаров, Пискорский, 1988; Виноградов, 2017; Макаров, 2023].

Материалы

Для настоящего исследования взяты архивные данные и археологические материалы, хранящиеся в музеях страны, в том числе и в Музее археологии и этнографии Енисейской Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Для сопоставления и расширения источниковой базы использованы ранее опубликованные металлические предметы, на которых присутствуют изображения хищных птиц.

Физико-географические характеристики территория исследования позволяют выделить четыре района, отличающиеся ландшафтом, растительностью и, несомненно, разными хозяйственно-экономическими особенностями заселявшего их древнего населения: Красноярский лесостепной район, Канско-Рыбинский лесостепной район, район подтайги Среднего Енисея и низовьев Ангары, район южной тайги Нижней Ангары. В каждом из них сделаны находки предметов, на которых имеются изображения хищных птиц. При этом для каждого района характерны свои образы и стиль изображений, отличные от сопредельных территорий.

Из Красноярского района известны изображения хищных птиц, нанесенных на предметы, найденные в следующих пунктах.

Базаиха под Красноярском. Случайная находка бронзового кельта с ушками, оформленными в виде стилизованных изображений клювов хищной птицы [Максименков, 1961: 307, рис. 2, 13].

Город Красноярск. Случайная находка бронзового топорика-тесла с ушками в виде шеи птицы с ажурной головой, глаза не пробиты насквозь, клюв загнут (колл. Лопатина № 49) [Радлов, 1902: 37–38, табл. VI-11; Завитухина, 1983: 82, рис. 237] (рис. 1.-10).

Случайная находка бронзового выпуклообушкового ножа с ажурной, расширяющейся сверху рукояткой, конец которой украшен схематической объемной головой птицы с длинным, тонким, изогнутым клювом и округлым глазом в виде отверстия [Завитухина, 1983: 83, рис. 242] (рис. 1.-5).

Красноярский округ. Случайная находка бронзового удлинённого кельта, ушки которого оформлены объемными стилизованными головами птиц с длинным изогнутым клювом, обращенным вверх. Глаз выступающий, округлый, зрачок показан отверстием [Завитухина, 1983: 82, рис. 233].

Случайная находка бронзового удлинённого кельта, ушки которого оформлены объемными стилизованными головами птиц с длинным изогнутым клювом, обращенным вверх. Округлый глаз оконтурен валиком, зрачок показан в виде углубления [Завитухина, 1983: 82, рис. 235] (рис. 1.-6).

Деревня Таскина Емельяновского района. Случайная находка кинжала, навершие которого оформлено двумя головами хищных птиц, смотрящих друг на друга [Радлов, 1891: 68, табл. XII — 1; Завитухина, 1983: 78, рис. 215] (рис. 2.-7).

Рис. 1. Предметы с ажурными стилизованными изображениями хищных птиц:
 1 – Усть-Шилка II, жил. 2; 2 – Погорелка; 3 – Старцево; 4 – Старая Деревня;
 5 – Красноярск; 6 – Красноярский район; 7 – Таскина; 8 – Коркино; 9 – Серебряково;
 10 – окрестности Красноярска; 11 – Канский район

Fig. 1. Objects with openwork stylized images of birds of prey: 1 – Ust-Shilka II, lived. 2;
 2 – Pogorelka; 3 – Startsevo; 4 – Old Village; 5 – Krasnoyarsk; 6 – Krasnoyarsk district;
 7 – Taskina; 8 – Korkino; 9 – Serebryakovo; 10 – the vicinity of Krasnoyarsk; 11 – Kansky district

Возле той же деревни Таскина. Случайная находка кельта с ушками в виде птичьих голов с клювом [Радлов, 1902: 36, табл. VI — 7] (рис. 1.-7). Такого же типа орудия отмечены в коллекции Лопатина, найденные на пашне близ с. Шункова на р. Березовке

Красноярского округа (№ 22), в Красноярском округе (№ 42), близ с. Базаихи Красноярского округа (№ 26) [Радлов, 1902: 36].

Деревня Погорелка Емельяновского района. Случайная находка бронзового кинжала. Стилизованные изображения хищных птиц (клюва и глаза птицы) нанесены в месте перехода клинка в рукоять и на навершии рукояти. По морфологическим особенностям кинжал датируется V в. до н. э. [Виноградов, 2017: 74, рис. 1] (рис. 1.-2).

Озеро Ишимское на р. Бузим. Случайная находка кинжала, навершие которого оформлено двумя головами хищных птиц, смотрящих друг на друга [Радлов, 1891, табл. XII, 6] (рис. 2.-2).

Село Седельниково на р. Бузим. Случайная находка кинжала, навершие которого оформлено двумя головами хищных птиц, смотрящих друг на друга [Радлов, 1891: 69, табл. XII — 3; Завитухина, 1983: 75, рис. 200].

Деревня Старцево Красноярского округа. Случайная находка бронзового ножа, ажурное навершие которого оформлено ажурными головками хищных птиц, смотрящих в разные стороны [Радлов, 1888: 18, табл. III — 7; Завитухина, 1983: 86, рис. 259] (рис. 1.-3).

Поселок Коркино под Красноярском. Случайная находка бронзового кельта, ушки которого выполнены в виде двух объемных стилизованных головок птиц с длинным изогнутым клювом, обращенным вверх, и углубленным глазом, оконтуренным валиком [Завитухина, 1983: 82, рис. 232] (рис. 1.-8).

Деревня Серебряково Красноярского округа. Случайная находка бронзового кельта, ушки которого выполнены в виде двух объемных стилизованных головок птиц с длинным изогнутым клювом, обращенным вверх. Выступающий глаз округлый, зрачок передан отверстием [Завитухина, 1983: 82, рис. 234] (рис. 1.-9).

Село Батой, ныне село *Вознесенское* Березовского района. Случайная находка железного кинжала, навершие которого оформлено двумя головами хищных птиц, смотрящих друг на друга [Радлов, 1891: 78–79, табл. XIV — 8; Завитухина, 1983: 78, рис. 214] (рис. 2.-1).

Село Кордачина, ныне с. *Творогово* Емельяновского района в 14 верстах от Красноярска. Случайная находка железного кинжала, навершие и перекрестье которого украшены двумя головами грифонов. На навершии объемные головы грифонов соприкасаются клювами. На перекрестье птицы повернуты к лезвиям клинка и соприкасаются затылками [Радлов, 1891, с. 69, табл. XIV — 9; Завитухина, 1983: 78, рис. 214] (рис. 2.-8).

Старая Деревня в Ачинском округе. Случайная находка ножа с навершием из ажурных головок хищных птиц, смотрящих в разные стороны [Радлов, 1888: 18, табл. III — 7] (рис. 1.-4).

Из Канско-Рыбинского района известно несколько находок.

Новоятницкий клад, в его составе три дугообразных вкладышевых ножа, на которых на уступе между лезвием и ручкой изображены головы грифона. Предложенная в публикации датировка клада — VII в. до н. э. [Макаров, 2023] несколько занижена. Вкладышевые ножи сопоставляются с аналогичными ножами из курганов сарагашенского этапа тагарской культуры Минусинской котловины (IV–III вв. до н. э.) (рис. 2.-9).

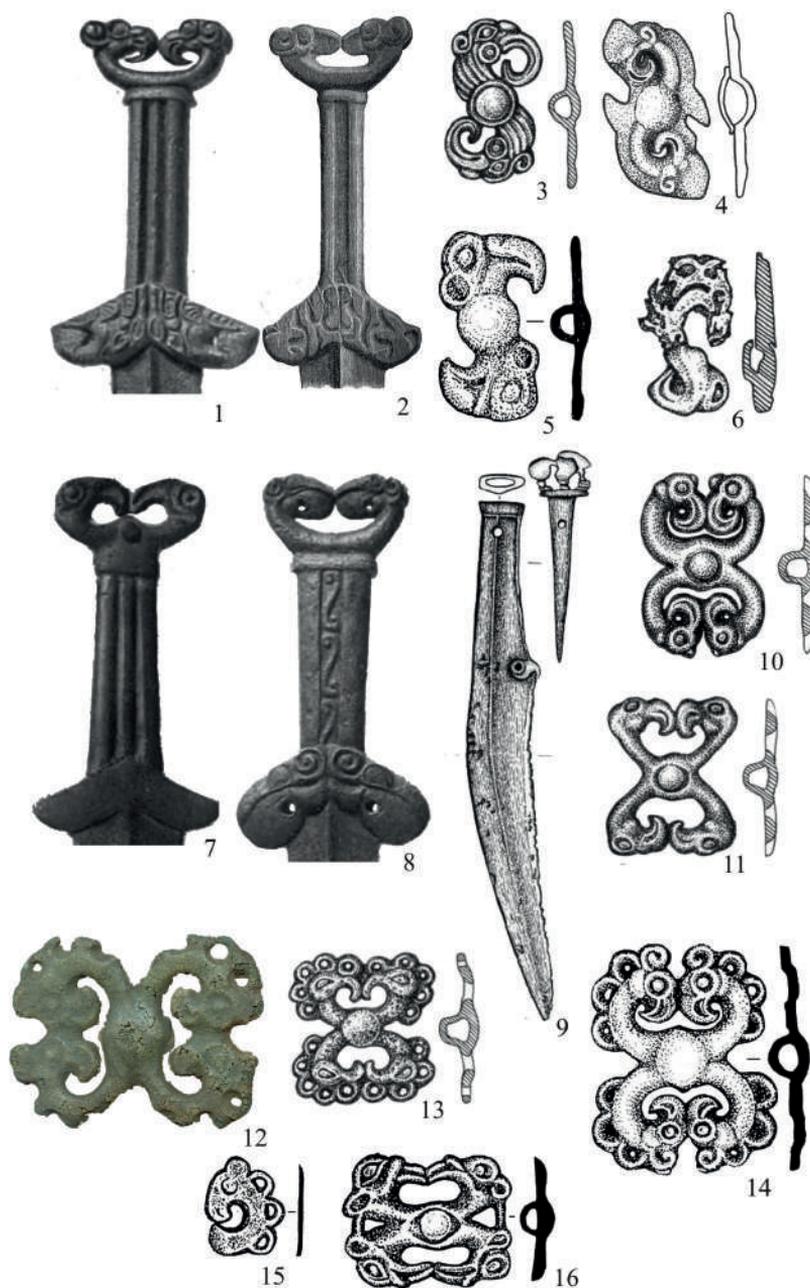

Рис. 2. Предметы с объемными реалистичными изображениями хищных птиц: 1 – Батой; 2 – Ишимское; 3, 5, 6, 10, 11, 13–16 – Усть-Тасеево; 4 – Перекопина; 7 – Таскина; 8 – Кордачина; 9 – Новопятницкий клад; 10 – Берямба; 12 – Столбы
 Fig. 2. Objects with three – dimensional realistic images of birds of prey: 1 – Batoy, 2 – Ishim; 3, 5, 6, 10, 11, 13–16 – Ust-Taseevo; 4 – Perekopina; 7 – Taskina; 8 – Kordachina; 9 – Novopyatnitsky treasure; 10 – Beryamba; 12 – Pillars

Из Канского округа. Случайная находка бронзового кельта с ушками в виде птичьих головок с закругленным клювом, доходившим почти до края втулки. Внутренность глаза шлифована [Радлов, 1902: 36, табл. VI — 8] (рис. 1.-11).

Из подтайги Среднего Енисея предметы получены в ходе раскопок.

Могильник Усть-Шилка II. В погребении № 2 нижнепорожнинской культуры плоская ажурная подвеска в форме клюва птицы. Сопоставляется с подобными украшениями V–III вв. до н. э. из районов Алтая и Минусинской котловины [Мандрыка, 2008].

В погребении № 6 того же могильника плоская бабочковидная бляшка с втульчатой перегородкой между лопастями. Крылья бляшки в виде стилизованных изображений голов птиц (грифонов) (рис. 3.-11). Изделие сопоставляется с находками большебереченской культуры из Томского, Новосибирского и Барнаульского Приобья, комплексов скифского времени Тувы, Минусинской котловины и Забайкалья. Датируется VI–V вв. до н. э.

В том же могильнике Усть-Шилка II, в погребении № 5 шилкинской культуры найдены две бабочковидные бляшки с петлей на обратной стороне. Крылья бляшек имеют разные фигурные очертания стилизованных изображений голов грифонов (рис. 3.-1, 7). Датируются II–I вв. до н. э.

В культурном слое поселения Нижнепорожнинское I известны две бляшки. Одна плоская, бабочковидная с рельефной перегородкой между лопастями, дополненной петлей, крылья в виде стилизованных изображений голов грифона. Вторая бляшка-нашивка с ажурными изображениями четырех голов хищных птиц. Изделия сопоставляются с широко известными поясными накладками скифского времени.

В жилище № 2 городища Усть-Шилка II бронзовый выпуклообушковый нож с ажурной трапециевидной рукоятью, навершие которого оформлено двумя ажурными изображениями двух голов хищной птицы. Городище датируется II в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 1.-1).

В жилище № 2 селища Шилка XIII аналогичный выпуклообушковый бронзовый нож с ажурной рукоятью и изображением двух голов хищной птицы (раскопки К. В. Бирюлевой 2017 г.) [Дмитриев, 2023].

Из района южной тайги низовьев Ангары (от устья Ангары до п. Мотыгино) и р. Тасеевой.

Культовое место Столбы. Из разрушенной площадки на вершине скалы происходят бляшка с двумя парами голов реалистичных грифонов (рис. 2.-12) и тройник распределитель, в кольце которого стилизованные изображения голов грифонов и кабан-грифона [Мандрыка, 2009].

Культовый комплекс Мыс Арбан. Здесь на разных ярусвидных скальных уступах найдены бронзовые и железные бабочковидные бляшки [Тарасов, 1997] (рис. 3.-3).

Усть-Тасеевский культовый комплекс. Предметы с изображениями хищных птиц включают разнообразные бронзовые и железные бабочковидные ременные бляшки и нашивки с образами реалистичных и стилизованных голов грифонов. Отмечены 57 бляшек, которые размещались среди других изделий в жертвенниках — двух скальных нишах-гротах. Комплекс датируется IV–I вв. до н. э. [Гревцов, 2013; Дроздов, Гревцов, Заика, 2011] (рис. 2.-3, 5, 6, 10, 11, 13–16; 3–2, 5, 6, 8–10, 12–19, 21–24).

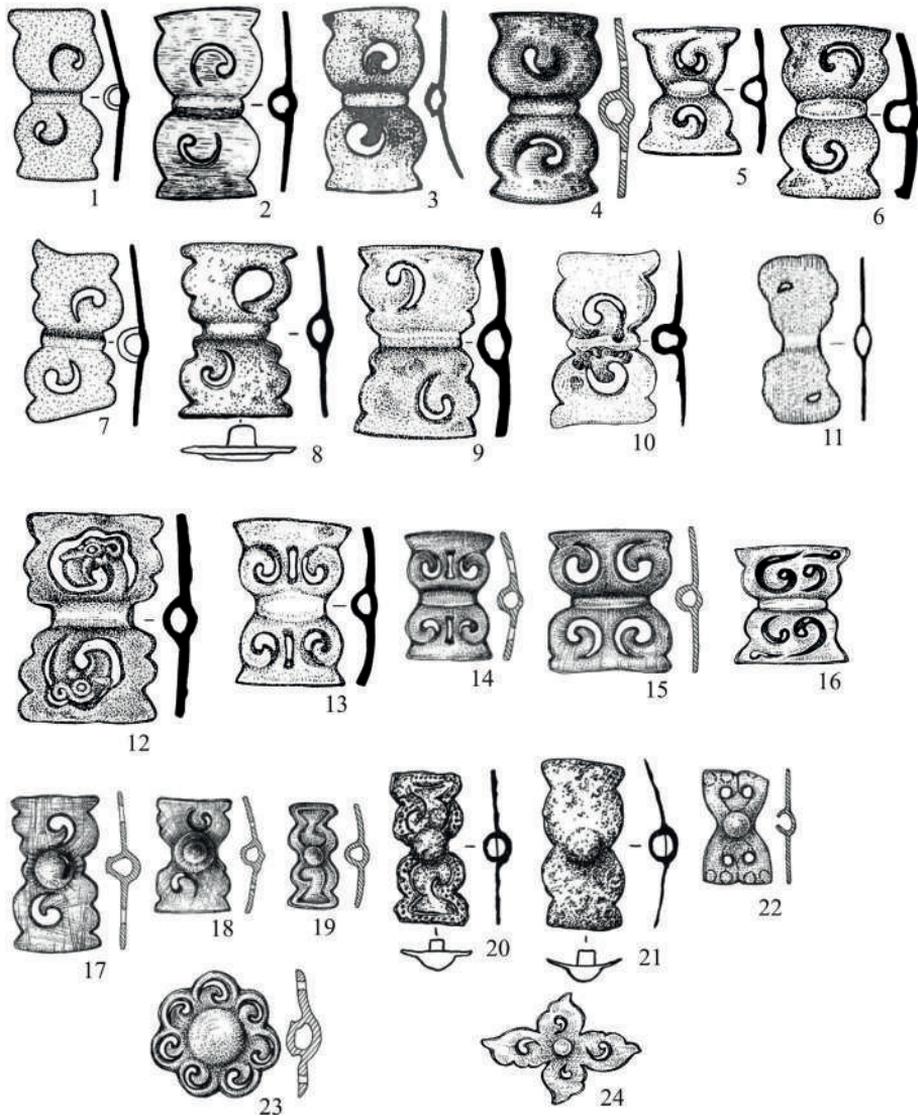

Рис. 3. Предметы с плоскими стилизованными изображениями хищных птиц:
 1, 7 – Усть-Шилка II, погр. 5; Усть-Тасеево – 2, 5, 6, 8–10, 12–19, 21–24; 3 – Мыс Арбан;
 4 – Берямба; 11 – Усть-Шилка II, погр. 6; 20 – Каменка

Fig. 3. Objects with flat stylized images of birds of prey: 1, 7 – Ust-Shilka II, border 5;
 Ust-Taseevo – 2, 5, 6, 8–10, 12–19, 21–24; 3 – Cape Arban; 4 – Beryamba;
 11 – Ust-Shilka II, border 6; 20 – Kamenka

Культурный комплекс в устье р. Каменка (местонахождение Каменка-1). Здесь найдены две бронзовые и две железные бабочковидные бляшки со стилизованными изображениями грифонов [Зайка, Оводов, Орлова, 2013: 124, рис. 10–1, с. 125, рис. 11–8, 9, 10] (рис. 3.-20).

Из района южной тайги Нижней Ангары (участок от п. Мотыгино до устья р. Илим) и верховьев Подкаменной Тунгуски

Стоянка Кода-3. В погребении № 1 по обряду ингумации найдена бронзовая бабочковидная бляшка со стилизованными изображениями хищных птиц [Богучанская..., 2014: 43, рис. 4].

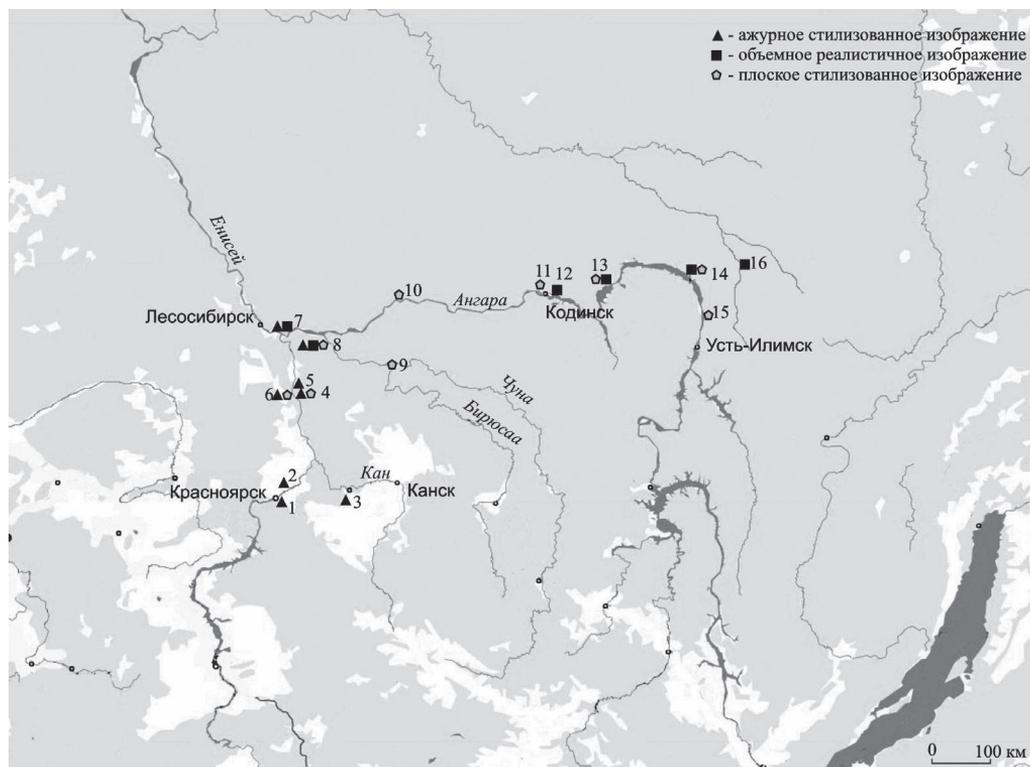

Рис. 4. Распространение изображений хищных птиц на карте лесостепных и южно-таежных районов Средней Сибири. Цифрами обозначены памятники: 1 – Базаиха; 2 – Погорелка; 3 – Новопятницкий клад; 4 – Усть-Шилка II; 5 – Шилка XIII; 6 – поселение Нижепорожеское I; 7 – Столбы; 8 – Усть-Тасеево; 9 – мыс Арбан; 10 – Каменка; 11 – Кода-3; 12 – Проспихинская Шивера IV; 13 – Берямба; 14 – стоянка Сергушин-3; 15 – Усть-Зелинда-2; 10 – Перекопина

Fig. 4. Distribution of images of birds of prey on the map of forest – steppe and south taiga regions of Central Siberia. The figures indicate the monuments: 1 – Bazaiha; 2 – Pogorelka; 3 – Novopyatnitsky treasure; 4 – Ust-Shilka II; 5 – Shilka XIII; 6 – Nizheporozhskoe settlement I; 7 – Pillars; 8 – Ust-Taseevo; 9 – Cape Arban; 10 – Kamenka; 11 – Koda-3; 12 – Prospikhinskaya Shivera IV; 13 – Beryamba; 14 – Sergushin parking lot-3; 15 – Ust – Zelinda-2; 10 – Perekopina

Комплекс *Проспихинская Шивера IV*. Во втором компрессионном культурном слое памятника найдены две бляшки с двумя парами реалистичных изображений голов грифонов (раскопки П. В. Мандрыки 2012 г.) [Богучанская..., 2014: 9, рис. 5].

Поселение Берямба. В компрессионном слое вместе с железоплавильными горнами найдены две бронзовые и две железные бабочковидные бляшки с реалистичными и стилизованными изображениями грифонов [Гревцов, Лысенко, 2013: 193–194, рис. 7, рис. 8, 9] (рис. 2.-10; 3, 4).

Стоянка-могильник Сегушкин-3. В погребении № 4, выполненном по обряду трупожжения, найдена небольшая бабочковидная бляшка, крылья которой оформлены стилизованными изображениями грифонов. В культурном слое памятника отмечены еще две подобные бляшки, а также бляшка с парой реалистичного изображения головы хищной птицы и бляшка с изображением птицы с повернутой назад головой [Привалихин, 1993]. В погребении № 13, выполненном в обряде ингумации, найдена бляшка с парным изображением голов грифонов [Богучанская..., 2014: 48, рис. 4в].

Могильник Усть-Зелинда-2. В погребении № 16, выполненному по обряду кремации на стороне, найдены бронзовые бабочковидные бляшки со стилизованным изображением голов грифонов [Богучанская..., 2014: 57, рис. 11в; 2015: 459, рис. 471, 5].

Погребение Перекопина. В верховьях реки Подкаменная Тунгуска (Катанга) в погребении, выполненном по обряду трупожжения на стороне, найдена бляшка с парным изображением голов грифонов (раскопки П. В. Мандрыки 2004 г.) [Ишутина, 2006, рис. 1, 13] (рис. 2.-4).

Обсуждение

Собранные и учтенные изображения на предметах металлопластики не позволяют идентифицировать видовое изображение птиц. По стилю изображений все птицы условно относятся к хищным, так как у них показан один из внешних таксонов — изогнутый, сильный и острый клюв, иногда с восковицей. Бытовавшее в конце XIX в. мнение о схожести таких изображений с головой фламинго [Радлов, 1891: 79] ушло в историографию.

Для каждого из представленных сопредельных друг к другу районов образ хищной птицы наносился на разные предметы. Для лесостепных районов Красноярска и Канска характерно изображение голов хищных птиц, которыми украшали перекрестья и навершия кинжалов и ножей; ушки кельтов и втулки чеканов. Используются они на бронзовых изделиях VI–III вв. до н. э. и железных кинжалах более позднего времени. Аналогии подобным предметам известны среди сборов из Хакасско-Минусинских степей.

Для таежных районов Чуно-Ангарья также характерно изображение голов хищных птиц, но ими оформлялись уже не предметы вооружения, а детали ременной гарнитуры. Головами птиц оформлялись поясные накладки и застежки цэпаньской культуры с VI в. до н. э. Аналогии таким изделиям отмечаются как в памятниках Хакасско-Минусинской котловины, так и лесостепных районов Томского, Новосибирского, Барнаульского Приобья.

В промежуточном районе между лесостепями и тайгой в подтайге Среднего Енисея изображения голов хищной птицы отмечаются на ножах и ременных бляшках. При этом ранние ременные бляхи относятся к нижнепорожнинской культуре скифского времени и сопоставляются с материалами культур большереченской общности, а поздние бляхи и ножи связаны с комплексами шилкинской культуры тесинского времени.

По стилю изображения хищных птиц в металлопластике из лесостепных и южно-таежных районов Средней Сибири можно разделить на три группы:

Первая группа. Ажурные стилизованные изображения (см. рис. 1). Данный стиль представлен на предметах в виде голов хищных птиц, где в качестве головы и глаза выступает круглое сквозное отверстие. Вариации клюва различны: длинный или приплюснутый крючок, круглое сквозное отверстие (кольцо).

Такие изображения характеризуют предметы тагарского времени в Красноярской и Канско-Рыбинской островных лесостепях. Для указанных районов истоки стиля правомерно связывать с тагарскими древностями Хакасско-Минусинских котловин, откуда они, очевидно, и поступили вместе с миграцией части населения на север и восток.

Вторая группа. Объемные реалистичные изображения (см. рис. 2). Представлены в виде головы или всего тела (один предмет) хищной птицы или мифического орла (грифона) с различными реалистичными чертами: роговое отверстие на клюве, глаза с выделенными зрачками, уши, гребни, хохолки и др. Некоторые из указанных черт могут отсутствовать на разных изображениях. Обращает внимание преобладание изображений парных голов птицы как на навершиях кинжалов (бронзовых и железных), так и на ременных бронзовых бляшках. Бляшки надевались на ремень через небольшую петлю на обратной стороне. Центром симметрии бляшек выступает выпуклая полусфера, оставшаяся всегда гладкой. В группу входят и «мифические» грифоны с ажурным «гребнем» из ряда колец (рис. 2.-12–15).

Представленные объемные реалистичные изображения распространены на предметах вооружения в лесостепных районах и деталях ременной гарнитуры из таежных районов. Истоки стиля необходимо связывать с Алтаем, где он широко известен с VI–IV вв. до н. э.

Третья группа. Плоские стилизованные изображения (см. рис. 3) представлены в виде головы хищной птицы, где для выделения клюва используется, как правило, сквозной завиток. На некоторых изображениях также встречается прямой или волнистый гребень. Другие детали отсутствуют. В таком стиле оформлялись преимущественно ременные бляшки, редко застежки. Обращает на себя внимание парное, относительно симметричное размещение голов птиц, отчего такие бляшки получили название «бабочковидные».

По оформлению крепежа и «крыльев» выделяются несколько типов и вариантов бляшек.

Тип 1 — втульчатые. Между симметричными «крыльями» размещается продолговатая уплощенная или цилиндрическая втулка (рис. 3.-11). Такие изделия могли использоваться как застежки, что доказывается их находением по одной в погребениях № 6 могильника Усть-Шилка II, № 4 могильника Сергушкин-3 и др. Аналогии известны в раннескифских комплексах на Алтае.

Тип 2 — петельчатые бляшки с ложной втулкой. «Крылья» разделены между собой с внешней стороны валиком (ложной втулкой), на обороте которой приливалась или припаивалась петля. По оформлению «крыльев» отмечается варибельность: парное изображение с прямым гребнем и симметричными контурами «крыльев» (рис. 3.-1–6); парное изображение с волнистым гребнем и асимметричными или симметрич-

ными контурами «крыльев» (рис. 3.-7–10); сдвоенное парное изображение с прямым гребнем и симметричными контурами «крыльев» (рис. 3.-13–16).

Тип 3 — петельчатые бляшки с полусферой в центре. «Крылья» разделены между собой с внешней стороны выпуклой полусферой, на обороте которой приливалась (для бронзы) или приваривалась (для железа) петля. По оформлению «крыльев» отмечается вариабельность: с прямыми, волнистыми гребнями, парными и двойными изображениями (рис. 3.-17–22).

Тип 4 — петельчатые застёжки с полусферой в центре. Стилизованные изображения наносились на лепестки семи- или четырехчастных розеток (рис. 3.-23, 24).

Представленные стилизованные плоские изображения широко распространены на деталях ременной гарнитуры из всех таежных районов Ангаро-Енисейского междуречья. Из-за простоты изготовления и упрощенной стилизации истоки подобных украшений можно связывать с различными районами Евразии: Западной Сибирью, Алтаем, Тувой и др., где они использовались на всем протяжении скифского и постскифского периодов.

Заключение

Нахождение в закрытых комплексах лесостепных и южно-таежных районов Средней Сибири предметов, в оформлении которых использовался образ хищной птицы, и сравнение их с аналогичными вещами из сопредельных территорий позволило датировать исследуемые изображения и в рассматриваемом регионе. На основе этого составлена трансформация образа хищной птицы для каждого из выделенных районов, а далее и для всей исследуемой территории в целом. Исходя из полученной информации, была составлена карта с местами находок металлических предметов, украшенных изображениями хищных птиц (см. рис. 4), что позволило установить предполагаемые пути их проникновения в регион в период раннего железного века.

В результате установлено, что, как и указывали ранее авторы работ [Членова, 1961; Гревцов, 2013], образ хищной птицы проник в лесостепные и южно-таежные районы Средней Сибири из юго-западных районов, т. е. лесостепных и предгорных районов Алтая, Барнаульского, Новосибирского и Томского Приобья, т. е. территорий, занятых в начале скифского времени большереченской общностью. Немного позднее в указанный регион проникают образы «алтайского» и «минусинского» стилей.

В тагарской среде Хакаско-Минусинских котловин изображения хищных птиц также появились, скорее всего, из Алтая, а там, возможно, из Китая и Казахстана [Шульга, 2003]. Это объясняется переселением части полукошевого населения с запада на восток по водораздельным пространствам, а также культурными связями с соседними регионами. Целью же переселенцев могли быть не только новые пастбища в лесостепях, но и металлургическое сырье, которого в хребтах Енисейского кряжа было достаточно [Мандрыка, 2008]. Вместе с тем в южно-таежных районах отмечаются следы массовой переплавки бронзового лома, из которого отливались новые изделия (ременная гарнитура, наконечники стрел, кельты, ножи). Мнение об импорте в регион ряда изделий скифского мира с изображением хищных птиц [Ишутина, 2006] остается не доказанным.

Опираясь на уверенно датированные погребальные комплексы, мы выявили, что ажурные изображения хищной птицы проникли на территорию Красноярской лесостепи в VI в. до н. э. и получили распространение исключительно на восток по островным лесостепям. Вместе с ними в лесостепях появляются объемные реалистичные изображения, которые в V–III вв. до н. э. проникают с юга на север по Чуно-Ангарскому водоразделу в ангарскую тайгу, где получили массовое применение в украшении ременной гарнитуры. С VI в. до н. э. по всему региону распространяется плоский стилизованный стиль изображения хищной птицы, наносившийся сначала при литье и штамповке бронзовых предметов, а позднее, с III–II вв. до н. э., во времяковки железных изделий.

Таким образом, образ хищной птицы на территории лесостепных и южно-таежных районов Средней Сибири в период раннего железного века прошел три стадии трансформации: ажурные стилизованные изображения — объемные реалистичные — плоские стилизованные. Однако все три стиля не исчезали с появлением нового, а продолжали использоваться. Данный факт характерен и для всей Центральной Азии, где ранние формы синкретичных образов продолжали сохраняться ко времени появления более поздних, нередко заимствованных [Переводчикова, 1994: 132].

Полученные в данной работе результаты предварительны и ставят проблемы в изучении изобразительных традиций разных районов островных лесостепей и южной тайги Средней Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Богучанская археологическая экспедиция. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. 105 с.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) // Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1. 564 с.

Виноградов Д. А. Бронзовый кинжал без перекрытия из района Красноярска // Международная археологическая школа в Болгаре. Красноярск : Изд. дом «Казанская не-двжимость», 2017. С. 69–73.

Воробьева Л. С. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2. С. 56–63.

Гревцов Ю. А. К проблеме интерпретации образа грифона и его подражаний // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск : Изд-во КГУ, 1996. Вып. 1. С. 116–120.

Гревцов Ю. А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья по материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории. Красноярск : Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. С. 92–106.

Гревцов Ю. А., Лысенко Д. Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории. Красноярск : Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. С. 187–196.

Гревцов Ю. А., Сергейкин А. А. Усть-Тасеевский комплекс (новые находки) // Молодая археология и этнология Сибири. XXXIX Региональная археолого-этнологическая студенческая конференция. Чита : Изд-во Забайкальского пед. ун-та, 1999. Т. I. С. 121–122.

Дмитриев Д. Д. Сравнительная характеристика бронзовых ножей с ажурными рукоятками из тайги Среднего Енисея (Казачинский археологический микрорайон) // Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «300-летие Российской академии наук — археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия» 26–29 апреля 2023 г. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 72–73.

Дроздов Н. И., Гревцов Ю. А., Заика А. Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. Вып. VII. С. 77–85.

Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Л. : Искусство, 1983. 193 с.

Заика А. Л., Оводов Н. Д., Орлова Л. А. Следы медвежьего культа на нижней Ангаре в эпоху раннего железа — средневековья (фрагментарный обзор проблемы) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории. Красноярск : Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. С. 107–129.

Ишутина П. В. Образ грифона и хищной птицы в металлопластике народов Приенисейской Сибири // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И. Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В. И. Громова. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2006. С. 114–116.

Макаров Н. П. Новопятницкий клад // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 17. Кемерово, 2023. С. 94–110.

Макаров Н. П., Пискорский М. В. Новопятницкий клад // Проблемы археологии Северной Азии. Чита: Читинский государственный педагогический институт, 1988. С. 87–88.

Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 301–315.

Мандрыка П. В. Новое свидетельство скифо-сибирского звериного стиля на Ангаре // «Homo Eurasicus» у врат искусства. СПб. : Астерион, 2009. С. 336–341.

Мандрыка П. В. Могильник Усть-Шилка-2 как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вестник НГУ. 2008. № 3. С. 117–131.

Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М. : Вост. лит., 1994. 206 с.

Привалихин В. И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин — 3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987. С. 90–95.

Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья // Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск : Красноярский краевой краеведческий музей, 2011. С. 163–185.

Радлов В. В. Сибирские древности // Материалы по археологии России. СПб., 1888. Т. 1, вып. 1. 73 с.

Радлов В. В. Сибирские древности. СПб. : Типография императорской Академии Наук, 1891. 83 с.

Радлов В. В. Сибирские древности // Материалы по археологии России. СПб., 1902. Т. 2, вып. 1. 48 с.

Тарасов А. Ю. Культурный комплекс археологического местонахождения «Мыс Арбан» на р. Тасеевой // Дуловские чтения 1997 года : материалы докладов и сообщений, окт. 1997 г. Иркутск : Иркутский пед. ин-т, 1997. С. 78–83.

Членова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1961. Вып. IX. С. 133–155.

Шульга П. И. К вопросу о стилизованных изображениях грифона (по материалам Алтая и прилегающих территорий Китая) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. № 4. С. 137–145.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003а. 204 с.

Шульга П. И. Орлы и грифоны скифского времени в Южной Сибири (разграничение и датировка образов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири (древность и средневековье). Барнаул : КГБУ, 2003б. С. 256.

Шульга П. И., Кальбунур Мухаммед. Опыт использования артефактов, оформленных в виде образов хищных птиц, для определения времени создания археологических памятников раннего железного века Синьцзяна (на примере могильника Дунхэйгоу) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография. С. 132–136.

REFERENCES

Boguchanskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia [Boguchanskaya archaeological expedition]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2014, 105 p. (in Russian).

Boguchanskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia: ocherk polevykh issledovaniy (2007–2012 gody). *Tr. Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Boguchanskaya archaeological expedition]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2015, vol. 1, 564 p. (in Russian).

Chlenova N. L. Mesto kul'tury Tuvy skifskogo vremeni v riadu drugikh "skifskikh" kul'tur Evrazii [The place of the culture of Tuva of the Scythian time among other "Scythian" cultures of Eurasia]. *UZ TNIIYaLI* [UZ TNIIYALI]. Kyzyl, 1961, is. IX. P. 133–155 (in Russian).

Dmitriev D. D. Sravnitel'naiia kharakteristika bronzovykh nozhe s azhurnymi rukoiatiami iz taigi Srednego Eniseia (Kazachinskii arkheologicheskii mikroraion) [Comparative characteristics of bronze knives with openwork handles from the taiga of the Middle Yenisei (Kazachinsky archaeological microdistrict)] *Materialy LXIII Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh "300-letie Rossiiskoi akademii nauk — arkheologii i etnografiia Sibiri: traditsii, shkoly i otkrytiia"* 26–29 apreliia 2023 g. [Materials of the LXIII Russian (with international participation) archaeological and ethnographic conference of students and young scientists "300th

anniversary of the Russian Academy of Sciences — archeology and ethnography of Siberia: traditions, schools and discoveries” April 26–29 2023] Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2023. P. 72–73 (in Russian).

Drozdov N. I. Grevtsov Iu. A., Zaika A. L. Ust' — Taseevskii kul'tovyi kompleks na Nizhnei Angare [Ust-Taseevsky cult complex on the Lower Angara]. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii* [Ancient art in the mirror of archeology]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, is. VII. P. 77–85 (in Russian).

Grevtsov Iu. A. K probleme interpretatsii obraza grifona i ego podrazhanii [On the problem of interpretation of the image of the griffin and its imitations] *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri* [Antiquities of Yenisei Siberia]. Krasnoiarsk: Izd-vo KGU, 1996, is. 1. P. 116–120 (in Russian).

Grevtsov Iu. A. Voinskie poiasa skifskoi epokhi Severnogo Priangar'ia po materialam Ust' — Taseevskogo kul'tovogo kompleksa [Military belts of the Scythian epoch of the Northern Angara region based on the materials of the Ust-Taseevsky cult complex]. *Arkheologicheskie issledovaniia drevnosti Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological research of the antiquities of the Lower Angara and adjacent territories]. Krasnoiarsk: Krasnoiarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 2013. P. 92–106 (in Russian).

Grevtsov Iu. A., Lysenko D. N. Novye materialy o drevnem metallurgicheskom proizvodstve v Severnom Priangar'e [New materials on ancient metallurgical production in the Northern Angara region]. *Arkheologicheskie issledovaniia drevnosti Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological research of antiquities of the Lower Angara and adjacent territories]. Krasnoiarsk: Krasnoiarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 2013. P. 187–196 (in Russian).

Grevtsov Iu. A., Sergeikin A. A. Ust' — Taseevskii kompleks (novye nakhodki) [Ust-Taseevsky complex (new finds)] *Molodaia arkheologiya i etnologiya Sibiri. XXXIX Regional'naia arkheologo-etnologicheskaiia studencheskaia konferentsiia* [Young archeology and ethnology of Siberia. XXXIX Regional Archaeological and Ethnological Student Conference]. Chita: Izd-vo Zabaikal'skogo gospedun-ta, 1999, vol. I. P. 121–122 (in Russian).

Ishutina, P. V. Obraz grifona i khishchnoi ptitsy v metalloplastike narodov Prieniseiskoi Sibiri [The image of a griffin and a bird of prey in the metal plastics of the peoples of Yenisei Siberia]. *Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii i sopredel'nykh territorii: materialy XLVI Regional'noi (II Vserossiiskoi) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh, posviashchennoi 160-letiiu so dnia rozhdeniia I. T. Savenkova i 110-letiiu so dnia rozhdeniia V. I. Gromova* [Archeology, ethnology, paleoecology of Northern Eurasia and adjacent territories: materials of the XLVI Regional (II All-Russian) Archaeological and Ethnographic Conference of students and young scientists dedicated to the 160th anniversary of the birth of I. T. Savenkov and the 110th anniversary of the birthday of V. I. Gromov]. Krasnoiarsk: KGPU im. V. P. Astaf'eva, 2006. P. 114–116 (in Russian).

Makarov N. P. Novopiatnitskii klad [Novopyatnitsky treasure]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika “Tomaskaia Pisanitsa”* [Scientific notes of the museum-reserve “Tomsk Pisanitsa”]. Kemerovo, 2023, is. 17. P. 94–110 (in Russian).

Makarov N. P., Piskorskii M. V. Novopiatnitskii klad [Novopyatnitsky treasure]. *Problemy arkheologii Severnoi Azii* [Problems of archeology of Northern Asia]. Chita: Chitinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1988. P. 87–88.

Maksimenkov G. A. Novye dannye po arkhologii raiona Krasnoiarska [New data on the archeology of the Krasnoyarsk region]. *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Questions of the history of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 1961. P. 301–315 (in Russian).

Mandryka P. V. Novoe svidetel'stvo skifo-sibirskogo zverinogo stilia na Angare [New evidence of the Scythian-Siberian animal style on the Hangar]. *“Homo Eurasicus” u vrat iskusstva* [“Homo Eurasicus” at the gates of art]. SPb.: Asterion, 2009. P. 336–341 (in Russian).

Mandryka P. V. Mogil'nik Ust' — Shilka-2 kak indikator kul'turno-istoricheskoi situatsii rannego zheleznogo veka Eniseiskogo Priangar'ia [Ust-Shilka-2 burial ground as an indicator of the cultural and historical situation of the early Iron Age of the Yenisei Angara region]. *Vestnik NGU* [Bulletin of NSU]. 2008, no. 3. P. 117–131 (in Russian).

Perevodchikova E. V. *Iazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi* [The language of animal images. Essays on the art of the Eurasian steppes of the Scythian epoch]. M.: Vost. lit., 1994. 206 p. (in Russian).

Privalikhin V. I. Kompleks materialov skifskogo vremeni stoianki Sergushkin — 3 [The complex of materials of the Scythian time of the Sergushkin — 3 site]. *Problemy arkheologicheskikh kul'tur stepei Evrazii* [Problems of archaeological cultures of the steppes of Eurasia]. Kemerovo, 1987. P. 90–95 (in Russian).

Privalikhin V. I. Tsepan'skaia kul'tura rannego zheleznogo veka Severnogo Priangar'ia [Tsepan'skaya culture of the early Iron Age of the Northern Angara region]. *Krasnoiarskii kraevoi kraevedcheskii muzei* [Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore]. Krasnoiarsk: Krasnoiarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 2011. P. 163–185 (in Russian).

Radlov V. V. *Sibirskie drevnosti* [Siberian Antiquities]. SPb.: Tipografiia imperatorskoi Akademii Nauk, 1891. 83 p. (in Russian).

Radlov V. V. *Sibirskie drevnosti* [Siberian Antiquities]. *Materialy po arkhologii Rossii* [Materials on the archeology of Russia]. SPb., 1888, vol. 1, is. 1, 73 p. (in Russian).

Radlov V. V. *Sibirskie drevnosti* [Siberian Antiquities]. *Materialy po arkhologii Rossii* [Materials on the archeology of Russia]. SPb., 1902, vol. 2, is. 1, 48 p. (in Russian).

Tarasov A. Iu. Kul'tovyi kompleks arkheologicheskogo mestonakhozhdeniia “Mys Arban” na r. Taseevoi [The cult complex of the archaeological site “Cape Arban” on the Taseeva river]. *Dulovskie chteniia 1997 goda: Materialy dokladov i soobshchenii, okt. 1997 g.* [Dulov readings of 1997: Materials of reports and messages, October 1997] Irkutsk: Irkutskii ped. institut, 1997. P. 78–83 (in Russian).

Shul'ga P. I. K voprosu o stilizovannykh izobrazheniiakh grifona (po materialam Altaia i prilegaiushchikh territorii Kitaia) [On the issue of stylized images of the griffin (based on materials from Altai and adjacent territories of China)]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: AltGU, 2008, no. 4. P. 137–145 (in Russian).

Shul'ga P. I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot' — 4a* [Burial ground of the Scythian time Elbow-4a]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003a. 204 p. (in Russian).

Shul'ga P. I. Orly i grifony skifskogo vremeni v Iuzhnoi Sibiri (razgranichenie i datirovka obrazov) [Eagles and griffins of Scythian time in Southern Siberia (differentiation and dating of images)]. *Istoricheskii opyt khoziaistvennogo i kul'turnogo osvoeniia Zapadnoi Sibiri (drevnost'*

i srednevekov'e) [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia (antiquity and the Middle Ages)]. Barnaul: KGBU, 2003b. P. 256. (in Russian).

Shul'ga P. I., Kal'bunur Mukhammed. Opyt ispol'zovaniia artefaktov, oformlennykh v vide obrazov khishchnykh ptits, dlia opredeleniia vremeni sozdaniia arkheologicheskikh pamiatnikov rannego zheznogo veka Sin'tsziana (na primere mogil'nika Dunkheigou) [The experience of using artifacts designed in the form of images of birds of prey to determine the time of creation of archaeological sites of the Early Iron Age of Xinjiang (on the example of the Dunheigou burial ground)]. *Vestnik NGU. Serii: Istorii, filologii* [Bulletin of the NSU. Series: History, Philology]. 2011, vol. 10, is. 3. P. 132–136 (in Russian).

Vinogradov D. A. Bronzovyi kinzhal bez perekrytiia iz raiona Krasnoiarska [Bronze dagger without overlap from the Krasnoyarsk region]. *Mezhdunarodnaia arkheologicheskaia shkola v Bolgare* [International Archaeological School in Bolgar]. Krasnoiarsk: Izdatel'skii dom "Kazanskaia nedvizhimost'", 2017. P. 69–73 (in Russian).

Vorob'eva L. S. Poiasnye nakladki s izobrazheniem grifona: k voprosu o proiskhozhdeniia i vremeni poiavleniia v lesostepi Priural'ia [Belt pads with the image of a griffin: on the question of the origin and time of appearance in the forest-steppe of the Urals] *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture]. 2010, no 2. P. 56–63 (in Russian).

Zavitukhina M. P. *Drevnee iskusstvo na Enisee* [Ancient art on the Yenisei]. L.: Iskusstvo, 1983, 193 p. (in Russian).

Zaika A. L., Ovodov N. D., Orlova L. A. Sledy medvezh'ego kul'ta na nizhnei Angare v epokhu rannego zheleza — srednevekov'ia (fragmentarnyi obzor problemy) [Traces of the bear cult on the lower Angara in the Early Iron Age — the Middle Ages (fragmentary review of the problem)]. *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological research of the antiquities of the Lower Angara and adjacent territories]. Krasnoiarsk: Krasnoiarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 2013. P. 107–129 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023

Принята к публикации: 20.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023

УДК 902/904

DOI 10.14258/nreur(2023)3–04

О. С. Советова, И. В. Сирюкин*Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)*

НОВОЕ СКАЛЬНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ НА ТЕПСЕЕ

При документировании петроглифов исследователям часто приходится сталкиваться со случаями повреждений скальной поверхности, на которую нанесен рисунок. Нередко по разным причинам отслаиваются и утрачиваются целые фрагменты изображения, которые иногда удается отыскать в каменных осыпях непосредственно под скалой с рисунками. При обследовании одной из таких осыпей камней, перемешанных с землей, намывтой с верхних ярусов скального массива, в Волчьем логу горы Тепсей (Краснотуранский район Красноярского края), случайно было обнаружено новое скальное захоронение: череп располагался на каменной плитке, анатомический характер костей, перемешанных с землей и каменными фракциями, был нарушен. Сопроводительный материал отсутствовал. Из-за периодического нахождения в воде из-за водостока затылочная часть черепа побелела, истончилась и провалилась. Череп был заполнен землей, его нижняя челюсть сдвинута. Часть костей оказалась вынесена водой либо животными: некоторые из них удалось обнаружить в отдалении от самого захоронения. Череп и кости были закрыты каменными плитами, которые во время расчистки были сдвинуты со своего места. Новосибирские специалисты радиоуглеродным методом датировали череп поздним Средневековьем. К настоящему времени это третье скальное захоронение, выявленное в данном микрорайоне; всего теперь в Хакасско-Минусинской котловине известно 22 таких захоронения, из них три обнаружены рядом со скалами с рисунками, все они датированы эпохой Средневековья. Не исключено, что в этот период в Минусинской котловине существовал обряд захоронений в древних священных местах, во всяком случае, и Шалаболинская писаница, и Тепсей являются именно такими местами, в которых традиция почитания гор сложилась еще в глубокой древности.

Ключевые слова: скальное захоронение, Минусинская котловина, Тепсей, Средневековье, петроглифы.

Цитирование статьи:

Советова О. С., Сирюкин И. В. Новое скальное захоронение на Тепсее // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 82–98. DOI 10.14258/nreur(2023)3–04.

O. S. Sovetova, I. V. Siryukin

Kemerovo State university, Kemerovo (Russia)

A NEW ROCK BURIAL ON TEPSEY

When documenting petroglyphs, researchers often have to deal with cases of damage to the rock surface on which the drawing were made. For various reasons, entire fragments of images may often get detached and lost, yet sometimes they can be found in the screes directly under the rock with drawings. When examining one of such screes of stones mixed with the soil washed up from the upper tiers of the rock mass in the Volchiy Log of Mount Tepsei (Krasnoturansky district of Krasnoyarsk Krai), a new rock burial was accidentally discovered: the skull was located on a stone slab, the anatomical nature of the bones was disturbed as they were mixed with soil and stone fractions; no accompanying grave goods were found. Due to recurrent exposure to drain water, the back of the skull had turned white, thinned and fell in. The skull was filled with soil. Some of the bones had been moved away by water or by animals: they were located at a distance from the tomb. The skull and bones had been covered with stone slabs, which were removed during the clearing. Experts from Novosibirsk used the radiocarbon method to discover the skull dating back to the late Middle Ages. This is the third rock tomb discovered in this microdistrict so far; in total, 22 rock burials have been discovered in the Khakass-Minusinsk basin, three of them were found next to the rocks with drawings, all three dating to the Middle Ages. It is not unlikely that a rite of burying in ancient sacred places existed in the Minusinsk Basin during that period of time: in any case, both Shalabolino Pisanitsa and Tepsei are the places where the tradition of honoring the mountains had developed in ancient times.

Key words: rock burial, Minusinsk basin, Tepsey, Middle Ages, petroglyphs.

For citation:

Sovetova O. S., Siryukin I. V. A new rock burial on Tepsey. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. T. 28, № 3. P. 82–98. DOI: 10.14258/nreur(2023)3–04.

Советова Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, заведующая кафедры археологии, директор Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** olgasovetova@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–0733–8245.

Сирюкин Иван Витальевич, ассистент кафедры археологии, аспирант кафедры археологии Кемеровского государственного университета, Кемерово (Россия).

Адрес для контактов: ivansiryukin@mail.ru; ORCID: 0000–0002–9620–6040.

Sovetova Olga Sergeevna, Doctor of History, Head of the Department of Archaeology, Director of the Institute of History and International Relations of Kemerovo State University, Kemerovo (Russia). **Contact address:** olgasovetova@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–0733–8245.

Siryukin Ivan Vitalievich, Assistant of the Department of Archaeology, postgraduate student of the Department of Archaeology of Kemerovo State University, Kemerovo (Russia). **Contact address:** ivansiryukin@mail.ru; ORCID: 0000–0002–9620–6040.

Введение

При документировании петроглифов исследователям часто приходится сталкиваться со случаями повреждений скальной поверхности, на которую нанесен рисунок. Нередко по разным причинам отслаиваются и утрачиваются целые фрагменты фигур, которые иногда удается отыскать в каменных осыпях непосредственно под скалой с рисунками. При обследовании одной из таких осыпей камней, перемешанных с землей, намытой с верхних ярусов скального массива, в 2020 г. в Волчьем логу горы Тепсей (Краснотуранский район Красноярского края) случайно было обнаружено новое скальное захоронение. Наше внимание было сфокусировано на поврежденном изображении всадника на коне с выкрошившейся скальной коркой в передней части рисунка (рис. 1), входящего в группу однотипных всадников, относящихся к тесинскому времени.

Рис. 1. Изображение всадника из Волчьего лога
Fig. 1. Image of a rider from the Volchiy Log

У некоторых всадников этой серии в руках зафиксированы предметы, напоминающие рогатину с развилкой, поэтому важно было реконструировать тепсейское изображение, поскольку положение рук этого персонажа не исключает того, что он мог держать какой-то предмет. Сама скальная поверхность больших размеров, относительно неровная, с отдельными гладкими участками, на ней выполнены только две, скорее всего, одновременные фигурки: всадник и неопределенное животное. Всадник очень колоритный: он уверенно сидит на спине могучего коня, на нем широкие шаровары, на голове головной убор с полями и двумя черточками-«антеннами» на макушке, волосы сзади собраны в пучок или заплетены в косицу. Головные уборы встречаются и у других персонажей этой серии, некоторые из них напоминают шляпы с полями, есть персонажи с косицами, но такого набора характерных элементов нет ни у одного из подобных всадников. За спиной традиционно показан колчан.

Все всадники этой группы сосредоточены в основном на небольшой территории, включающей гору Моисеиху с двумя местонахождениями — Лънищенской и Потрошиловской писаницами, а через реку Тубу — гору Тепсей, на которой выявлены несколько пунктов с подобными фигурами — на местонахождении Усть-Туба III [Blednova et al., 1995: 44], в Широком логу — Усть-Туба V, в Волчьем логу (Тепсей II) [Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021:105, рис. 92, 4–6, 9]. К настоящему времени многофигурная композиция со сценой охоты со всадниками, вооруженными двузубыми «вилами», некогда находившаяся на Лънищенской писанице, разрушена и введена в научный оборот лишь благодаря усилиям Е. А. Миклашевич, реконструировавшей ее по эстампам А. В. Адрианова [Миклашевич, 2012: 44, табл. I, II]. К новым можно отнести фигурку стоящего человека с такими же двузубыми «вилами», как у всадников, но поставленными вертикально. Поэтому очень важным было тщательно обследовать все осыпи близ плоскости с фигуркой всадника из Волчьего лога в надежде, что найдется утраченный фрагмент для реконструкции этого изображения. Исследователям иногда удается найти утраченные фрагменты близ плоскостей с рисунками [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2017: 87–88].

Мы тщательно обследовали каждый камень под плоскостью, не пропуская ни крупные, ни мелкие в поисках нужных фрагментов. Насыпи под скалами образуются камнепадами и обрушениями из-за неустойчивости девонских песчаников, которые нередко покрыты трещинами, увеличивающимися за счет дождевых и талых вод, поэтому скопления камней на площадках под гранями с рисунками неудивительны. Во время разбора камней и небольшого количества земли, намытой в результате водостока с верхнего яруса, под одним из достаточно крупных камней неожиданно показался округлый предмет белого цвета. После осмотра оказалось, что это человеческий череп и рядом с ним — перемешанные с землей кости (рис. 2).

Рис. 2. Человеческий череп и перемешанные с землей кости
Fig. 2. Human skull and bones mixed with the ground

Рис. 3. Череп

Fig. 3. Skull

Рис. 4. Череп на каменной плитке

Fig. 4. Skull on a stone slab

Рис. 5. Кости в отдалении

Fig. 5. Bones in the distance

Крышка черепа была повреждена: она побелела от стекающей дождевой воды, истончилась, деформировалась и провалилась внутрь. Череп был заполнен землей и проросшими корнями растений. Нижняя челюсть сдвинута, сохранилось несколько зубов (рис. 3). Никаких сопроводительных предметов рядом обнаружено не было. Череп был как бы поставлен на каменную плитку (рис. 4). Глубина захоронения была небольшой.

Рис. 6. Часть выбитого знака
Fig. 6. Part of an embossed sign

Возможно, тело находилось в скрученном состоянии или в мешке (?), положено в неглубокую конструкцию в виде каменного ящичка, который просто был завален камнями. Тело, возможно, было расчленено или его повредили животные, часть костей могла быть вынесена потоком дождевой воды, о чем свидетельствуют отдельные фрагменты костей, лежащие под скалой в отдалении (рис. 5). Не исключено, что наши многолет-

ние посещения этого места с целью мониторинга состояния изображения, фотографирования, а также посещение туристами, собирали у скалы людей, которые могли часть камней сдвинуть, столкнуть вниз для выравнивания площадки, усилить деформацию черепа и т. д. Поэтому первоначальную картину состояния этого захоронения зафиксировать не было возможности. находка оказалась поистине случайной. Любопытно, что на боковой поверхности одного из открывшихся камней крупными выбоинами выполнен неопределенный знак (рис. 6).

Череп был исследован новосибирскими специалистами, которые определили его радиоуглеродный возраст — 359 лет $\pm$ 44 года. Следовательно, захоронение было сделано в XVII или XVIII вв.

В рассматриваемом регионе это не первое скальное захоронение, и в основном либо датировка не была установлена, либо захоронения датировались эпохой Средневековья. И. Л. Кызласов в Тепсейском археологическом микрорайоне выявил захоронение у скал близ деревни Листвягово, о котором ему рассказал Н. В. Леонтьев, а также отметил известную в науке Тепсейскую пещеру, в которой были обнаружены человеческие кости [Кызласов, 1999: 171, рис. 1]. Близ деревни Листвягово, по сообщению Н. В. Леонтьева, были найдены кости подростка, обнаруженные в середине 70-х гг. рыбаками в горной расщелине, скрытой скальным карнизом. Он также отметил, что им самим недалеко от Тепсея, у села Кавказское (тоже на р. Тубе) в каменистой осыпи под писаницей (как и в нашем случае) были выявлены детские кости [Кызласов, 1999: 191, рис. 14]. Упомянутая И. Л. Кызласовым пещера была исследована Александром Александровичем Адриановым, сыном Александра Васильевича Адрианова [Адрианов, 1910: 36, 37]. Известно, что его отцу, А. В. Адрианову, один из пастухов рассказал, что на правом берегу Енисея есть грот, в котором начерчены непонятные никому буквы (рис. 7).

А в 1907 г. Адриановы определили место расположения этой пещеры-грота. Из-за высоты и уже немолодого возраста сам А. В. Адрианов туда попасть не смог, поэтому все исследования были проведены его сыном, обнаружившим в гроте помимо надписей и выбитых рисунков и другие археологические материалы. В своем отчете Александр Александрович Адрианов приводит подробные описания этой пещеры [Адрианов, 1910: 43]. Он сделал два эстампажа с надписей, а в 1908 г. провел раскопки, обнаружив «горшечные черепки и остатки деревянной посуды» [Адрианов, 1910: 44].

Считается, что все обнаруженные в гроте артефакты сгинули в период революции и Гражданской войны. Площадь пещеры была разбита им на три части, которые последовательно раскапывались. В верхнем слое были обнаружены кости животных, основное скопление которых находилось на самом дне пещеры: череп лошади, ближе к стене с надписями найдена половина человеческой челюсти и челюсти волка. Найдены также остатки дерева (корытце?) и бересты. В среднем слое найдены куски кожи, несколько черепков, кости лошади, а также остатки человеческого черепа. В щели пещеры был обнаружен железный стержень с заостренным концом с одной стороны и крючком с другой. В нижнем слое были выявлены остатки огнища и обгорелые кости [Адрианов, 1910: 34–39]. Какой-либо интерпретации найденных материалов в отчете дано не было. Таким образом, из атрибутированных костей здесь был найден только человеческий че-

реп, поэтому можно лишь предполагать, что остальные кости человека были вынесены отсюда птицами или растащены животными, либо их там не было вовсе.

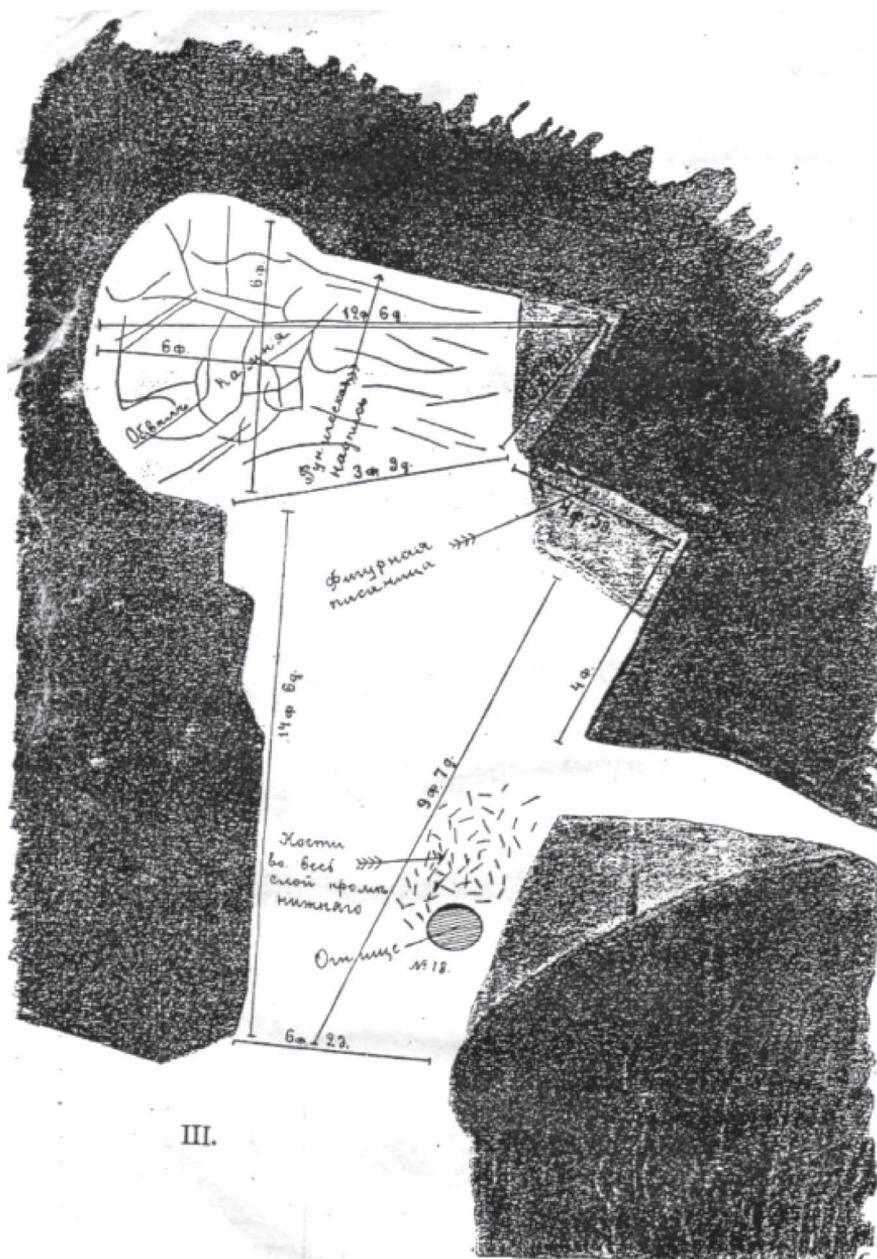

Рис. 7. План пещеры, выполненный А. А. Адриановым при раскопках.

Чертеж нижнего слоя [Адрианов, 1910: 38]

Fig. 7. Plan caves made by A. A. Adrianov during excavations.

Drawing of the lower layer [Adrianov, 1910: 38]

Горы и другие возвышенности во многих культурах местных племен занимали особое место [Потанин, 1881: 92–101; Степанов, 1835: 83], как пещеры и гроты. Обнаруженная в Тепсейской пещере-гроте руническая надпись, относящаяся к IX–X вв., является одной из самых длинных не только на Тепсее, но и среди других памятников Хакасско-Минусинской котловины. Во время посещения пещеры исследователи обнаруживают 4 строки: в первой строке было 68 знаков, во второй — 55, в третьей — 48 и в четвертой — 9 знаков (рис. 8). Японский исследователь Т. Осава, который добрался до этого грота, отмечает: данная надпись имеет уникальное значение из-за труднодоступного расположения на вершине горы. Автор полагает, что эта пещера была известна кочевым народам, которые ее использовали как сакральное, духовное место («spiritual room»).

Рис. 8. Пещера. Центральная часть плоскости с рунической надписью
Fig. 8. Cave. The central part of the plane with a runic inscription

Содержание надписи, по мнению специалиста, посвящено умершему человеку, жизнь которого была описана местным шаманом [Осава, 2014: 59–60]. Существуют и иные трактовки надписи: по мнению И. Л. Кызласова, она была выполнена древне-хакасским проповедником, который, уединившись в таком укромном месте, получил откровение и прочертил его на стенах таинственной пещеры. Исследователь отмечает, что все надписи Тепсея были связаны с местными культурами, почитанием духа горы и являлись молитвенными [Кызласов, 2019: 259].

Захоронения, находящиеся в каменных осыпях, известны и по материалам других памятников Минусинской котловины. Захоронение без инвентаря было обнаружено на Шалаболинской писанице в процессе расчистки каменных осыпей [Заика, 2007: 37–

38] (рис. 9). В отличие от всех вышеперечисленных погребений, в данном случае был обнаружен полный скелет хорошей сохранности. По мнению автора, он принадлежал мужчине 40 лет. Описывая положение погребенного, автор указывает, что скелету было придано особенное положение: «...на спине с согнутыми в коленях ногами. Ориентирован костяк головой на запад, вниз по течению реки. Руки были вытянуты вдоль туловища, кисти рук сомкнуты в кулак» [Заика, 2007: 38]. Следует также отметить, что следов насильственной смерти обнаружено не было, при этом зафиксировано туберкулезное поражение поясничного отдела.

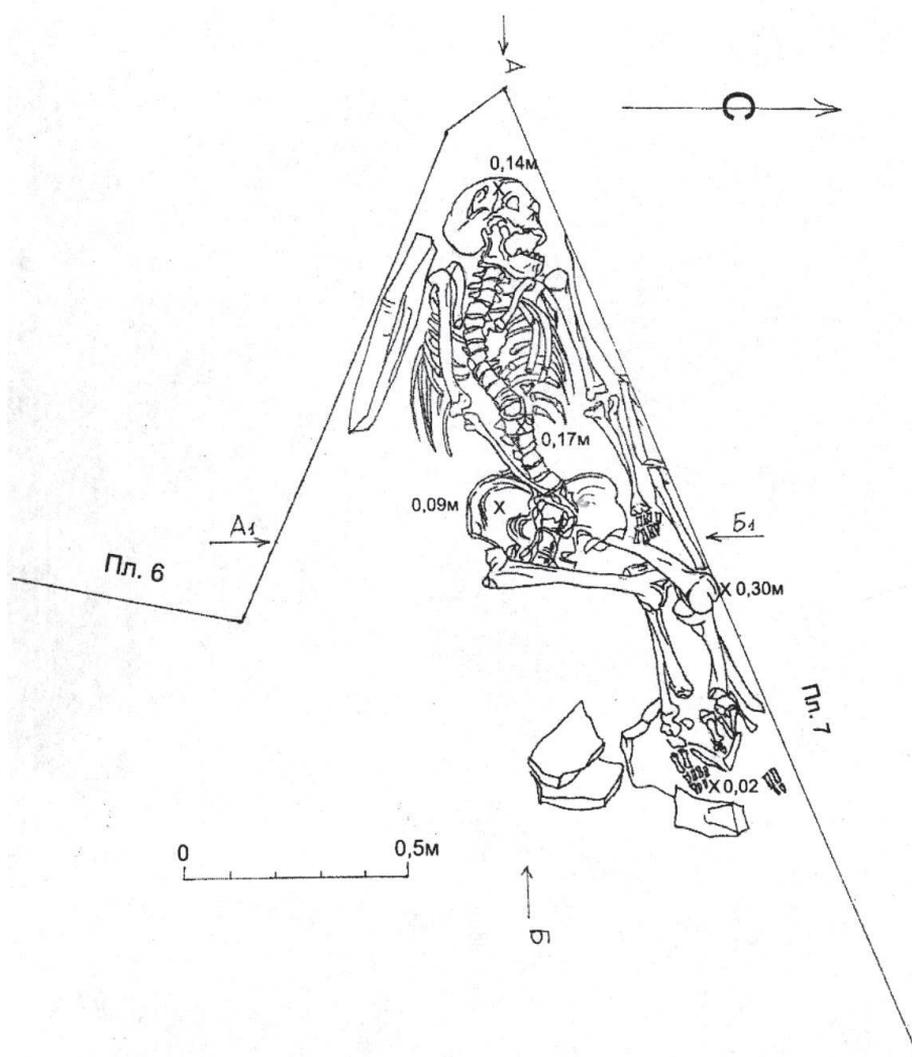

Рис. 9. Скальное захоронение на Шалаболинской писанице [Заика, 2007: 36]

Fig. 9. Rock burial on the Shalabolinskaya pisanitsa [Zaika, 2007: 36]

А. Л. Заика предполагает, что захоронение можно интерпретировать как ритуальное в связи с особым статусом Шалаболинской писаницы, которая на протяжении долгого времени являлась культовым ритуальным комплексом. Говоря о датировке захоронения, автор указывает, что в связи с его расположением на уровне средневековых петроглифов, выше рисунков эпохи раннего железа, которые расположены в каменной нише, захоронение произведено в середине I тыс. н. э.

По мнению И. Л. Кызласова, на территории Хакасии традиция скальных захоронений существовала вплоть до XIX в., и даже по некоторым данным, до XX в. Согласно известной ему информации, в 1947–1948 гг. в верховьях р. Тёи был обнаружен сопроводительный инвентарь, содержащий лук, стрелы, седло, все это было отнесено к хакасскому погребению XVIII–XIX вв. Исследователь отмечает, что в хакасской среде существовал обряд захоронения младенцев до полугода и выкидышей только в пустотах скал [Кызласов, 1999: 190]. Н. Ф. Катанов отмечал, что обряд захоронения ребенка у жителей Минусинской котловины отличался от погребения взрослых: ребенка оборачивали в войлочный ковер и бересту, после чего могли уложить тело в дупло или привязать к дереву [Катанов, 1894: 125]. Похожие захоронения, согласно этнографическим данным, встречаются у других народов Южной Сибири. В. П. Дьяконова также указывала, что южные алтайцы и тувинцы хоронили детей колыбельного возраста в каких-то укромных местах [Дьяконова, 1975: 69]. Детские погребения были замечены Л. Р. Кызласовым в 1958–1959 гг. в расщелинах горы Хара хая в верховьях р. Аскиз [Кызласов, 1999: 190]. Авторы отмечают, что среди скальных захоронений стоит выделить две основные группы: детские скальные захоронения и погребения взрослых людей [Серегин, 2018: 45].

Исследователи указывают также, что для детских скальных захоронений раннего Средневековья Алтая характерен определенный набор сопроводительного материала и особая деревянная конструкция, которая выполняла функцию погребальной камеры [Кубарев, 2005: 22]. Для захоронений взрослых, в первую очередь мужчин, из захоронений, выявленных на территории Алтая и Монголии, также выделяются общие черты сопроводительного инвентаря: предметы органики (кожа, дерево, ткань), клинковое оружие, снаряжение лошади, лук со стрелами и парадные украшения [Серегин, 2018: 46].

Выделение скальных погребений в особую группу археологических памятников Южной Сибири было обосновано И. Л. Кызласовым в отдельной статье почти сорок лет назад [1986]. За прошедшие со времени выхода статьи годы выявлено немало новых захоронений не только на территории Южной Сибири, но и на сопредельных территориях. Вместе с тем дискуссионный характер этого явления сохраняется, особенно по вопросам культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации памятников, что объясняется прежде всего недоступностью материалов и публикаций специалистам [Серегин, 2018: 42]. Согласно имеющимся данным, скальные захоронения на территории Саяно-Алтая и Монголии встречаются с глубокой древности. Наиболее ранние из них обнаружены в пещерах Нижнетыткескенской и Каминной, исследователи относят их к периоду неолита и энеолита. Верхняя граница — Средневековье и «этнографическая современность» [Серегин, 2016: 274]. Вопрос о распространении традиции скальных захоронений в пещерах, гротах или скальных расщелинах являет-

ся спорным в связи с фрагментарностью имеющихся на данный момент материалов. Возможно, что безынвентарные захоронения были обнаружены местным населением раньше археологов. Чаще всего так и происходит, в результате часть предметов, которые представляют интерес для ученых, утрачивается. В последнее десятилетие совершены новые находки скальных захоронений эпохи раннего Средневековья на Алтае и в Монголии, располагающие значительным сопроводительным инвентарем [Хурсэлсух, 2012; Серегин, 2018]. С. Хурсэлсух при этом высказывает предположение, что это были «секретные» захоронения, связанные с нестабильной военно-политической ситуацией в регионе [Хурсэлсух, 2012: 84–86]. По мнению Н. Н. Серегина, создание конкретных объектов может быть связано с особыми обстоятельствами смерти человека либо спецификой его общественного положения при жизни, не связанного с высоким социальным статусом [Серегин, 2018: 48].

Заключение

Таким образом, новое скальное захоронение, выявленное в Волчьем логу горы Тепсей, четвертое по счету в Тепсейском микрорайоне. Помимо тепсейских и захоронения у села Кавказское, И. Л. Кызласов назвал еще по крайней мере 18 известных ему скальных захоронений в Хакасско-Минусинской котловине [Кызласов, 1999: 172–173]. Таким образом, к настоящему времени здесь выявлено уже 22 подобных захоронения.

К сожалению, исследователи отмечают, что пока так и не сложилась методика выявления и раскопок скальных захоронений, которые вслед за другими исследователями можно относить к особой категории погребальных памятников. В связи с этим следует обратить внимание на то, что на сегодняшний день в насыпях у скал с петроглифами выявлено по меньшей мере три захоронения: одно у села Кавказское Н. В. Лентьевым, второе — на Шалаболинской писанице А. Л. Заикой и третье — в Волчьем логу Тепсея кемеровскими археологами, поэтому при документировании наскальных изображений следует внимательно относиться к наличию осыпей у скал с рисунками, особенно в относительно укромных местах, наличию костей или их фрагментов близ этих участков.

Из выявленных захоронений рядом со скалами с рисунками по меньшей мере три относятся к эпохе Средневековья. Не исключено, что в этот период в Минусинской котловине существовал обряд захоронений в древних священных местах, во всяком случае, и Шалаболино, и Тепсей являются такими местами, в которых традиция почитания гор сложилась еще в глубокой древности.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Неизученные страницы истории и культуры населения Южной Сибири II тыс. н. э. по материалам петроглифов» (проект № 23–28–00974).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адрианов А. А. Отчет о раскопках пещеры в горе Тепсей летом 1908 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1910. № 10. С. 34–40.

Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л. : Наука, 1975. 164 с.

Заика А. Л. Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция: альманах. 2007. Вып. 3. С. 24–38.

Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен (с древнейших времен и до наших дней) // Известия Общества археол., ист. и этнограф. при Имп. Казанск. ун-те. 1894. Т. XII, вып 2. С. 109–142.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кызласов И. Л. Скальные захоронения — особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. : Восточная литература, 1999. С. 169–199.

Кызласов И. Л. Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад. (Одна из форм самовосприятия в северном манихействе) // Звучат лишь письмена. М. : ИА РАН, 2019. С. 251–290.

Миклашевич Е. А. Льнищенская писаница // Памятники наскального искусства Ми-нусинской котловины: Георгиевская, Льнищенская, Улазы III, Сосниха: Труды САИПИ. Кемерово, 2012. Вып. X. С. 28–56.

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2016 г. // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2017. Вып. 5. С. 86–100.

Осава Т. Новые рунические источники горы Тепсей и музея Полтакова // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий : материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2014. С. 54–60.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. II. 182 с.

Серегин Н. Н. Некоторые аспекты интерпретации раннесредневековых скальных погребений Алтае-Саянского региона и Монголии // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4. С. 273–276.

Серегин Н. Н. Скальные погребения Алтая и сопредельных территорий раннего средневековья: культурно-хронологическая и этносоциальная интерпретация // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 41–51.

Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово : Вектор-Принт, 2021. 288 с.

Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. II. 139 с.

Blednova N., Francfort H -P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2. Sibérie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust» — Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris: Diffusion de Boccard, 1995. 153 p. (in French).

Хурэлсух С. Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудлал. Улаанбаатар, 2012. 144 с.

REFERENCES

Adrianov A. A. Otchet o raskopkakh peshchery v gore Tepsei letom 1908 g. [Report on the excavation of a cave in Mount Tepsey in the summer of 1908]. *Izvestiia Russkogo komiteta*

dlia izucheniia Srednei i Vostochnoi Azii [Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. 1910, no. 10. P. 34–40 (in Russian).

D'iakonova V. P. *Pogrebal'nyi obriad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskii istochnik* [Funeral rite of Tuvans as a historical and ethnographic source]. L.: Nauka, 1975. 164 p. (in Russian).

Katanov N. F. O pogrebal'nykh obriadakh u tiurkskikh plemen (s drevneishikh vremen i do nashikh dnei) [About funeral rites among Turkic tribes (from ancient times to the present day)]. *Izv. Obshch-va arkheol., ist. i etnograf. pri Imp. Kazansk. un-te* [Izv. Obshch-va archeol., ist. I'm an ethnographer. with Imp. Kazan. un-te]. 1894, vol. XII, is. 2. P. 109–142 (in Russian).

Kubarev G. V. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [The culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments)]. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2005, 400 p. (in Russian).

Kyzlasov I. L. Skal'nye zakhroneniia — osobaia kategoriia pogrebal'nykh pamiatnikov [Rock burials are a special category of funerary monuments]. *Pogrebal'nyi obriad. Rekonstruktsiia i interpretatsiia drevnikh ideologicheskikh predstavlenii* [Funeral rite. Reconstruction and interpretation of ancient ideological ideas]. M.: Vostochnaya literatura 1999. P. 169–199 (in Russian).

Kyzlasov I. L. Svidetel'stva dal'nego prodvizheniia eniseiskogo runicheskogo pis'ma na zapad. (Odnaz iz form samovospriiatiia v severnom manikheistve) [Evidence of the long-distance advance of the Yenisei Runic script to the west. (One of the forms of self-perception in northern Manichaeism)]. *Zvuchat lish' pis'mena* [Only the letters sound]. 2019. P. 251–290 (in Russian).

Miklashevich E. A. L'nishchenskaia pisanitsa [The Lnishchenskaya rock art site]. *Pamiatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoii kotloviny: Georgievskaiia, L'nishchenskaia, Ulazy III, Sosnikha. Trudy SAIPI* [Rock art monuments of the Minusinsk basin: Georgievskaya, Lnishchenskaya, Ulaza III, Sosnikha. The works of SAPAR]. Kemerovo, 2012, is. X. P. 28–56 (in Russian).

Miklashevich E. A., Mukhareva A. N., Bove L. L. Issledovaniia petroglificheskoi ekspeditsii muzeia-zapovednika “Tomskaiia pisanitsa” v 2016 g. [Studies of the petroglyph expedition of the museum-reserve “Tomskaya Pisanitsa” in 2016]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika “Tomskaiia pisanitsa”* [Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”]. 2017, is. 5. P. 86–100 (in Russian).

Osava T. Novye runicheskie istochniki gory Tepsei i muzeia Poltakova [New runic sources of Mount Tepsei and the Poltakov Museum]. *Narody i kul'tury Iuzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii* [Peoples and Cultures of Southern Siberia and Adjacent Territories: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History]. 2014. P. 54–60 (in Russian).

Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii* [Essays on North-West Mongolia]. SPb., 1881, is. II, 182 p. (in Russian).

Seregin N. N. Nekotorye aspekty interpretatsii rannesrednevekovykh skal'nykh pogrebenii Altae-Saianskogo regiona i Mongolii [Some Aspects of Interpretation of Early Medieval Rocky Burials in the Altai-Sayan Region and Mongolia]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Altai State University]. 2016, no. 4. P. 273–276 (in Russian).

Seregin N. N. Skal'nye pogrebeniia Altaia i sopredel'nykh territorii rannego srednevekov'ia: kul'turno-khronologicheskaiia i etnosotsial'naia interpretatsiia [Rock burials of the early middle ages in Altai and adjacent territories: cultural-chronological and ethnic-social interpretation]. *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga river region archaeology]. 2018, no. 2. P. 41–51 (in Russian).

Sovetova O. S., Shishkina O. O., Abolonkova I. V. *Naskal'noe iskusstvo Tepseiskogo arkheologicheskogo mikroraiona* [Rock art of the Tepsey archaeological microdistrict]. Kemerovo.: Vektor-Print, 2021, 288 p. (in Russian).

Stepanov A. P. *Eniseiskaia guberniia* [Yenisei province]. SPb. 1835, pt. 2, 139 p. (in Russian).

Zaika A. L. Petroglify iz-pod ruin. Shalabolinskaia pisanitsa [Petroglyphs from under the ruins. Shalabolinskaya pisanitsa]. *Eniseiskaia provintsii: Al'manakh* [Yenisei province: Almanac]. 2007, is. 3. P. 24–38 (in Russian).

Blednova N., Francfort H –P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. *Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Sibérie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust' — Tuba I–VI (Russie, Khakassie)* [Handbook of Petroglyphs of Central Asia. Brochure No. 2. Southern Siberia 2: Tepsey I–III, Ust-Tuba I–VI (Russia, Khakasia)]. Paris: Diffusion de Boccard, 1995, Fascicule No. 2, 153 p. (in French).

Khurelsukh S. *Khadny orshuulgyn sudalgaany zarim asuudlal* [Major aspects of the study of rock burials]. Ulaanbaatar, 2012 (in Mongolian).

Статья поступила в редакцию: 08.05.2023

Принята к публикации: 31.07.00.2023

Дата публикации: 27.09.2023

УДК 94 (516)

DOI: 10.14258/nreur(2023)3–05

П. И. Шульга*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)*

ПОЯСНЫЕ БЛЯШКИ СТАРОАЛЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Детали поясной фурнитуры в захоронениях скифоидных культур VI–IV вв. до н. э. Южной Сибири и Северного Китая встречаются довольно часто. В их число входят и накладные поясные бляшки: бабочковидные, S-образные и шестисекционные. На всей этой территории они распространяются примерно в одно время (вторая половина VI–V в. до н. э.). Некоторые исследователи предполагают, что они появились в Северном Китае, откуда распространились в Южную Сибирь. Считается, что наборные пояса с накладными бляшками были атрибутами воинов-мужчин. Проведённая автором работа по систематизации и анализу поясных бляшек из Китая и Сибири позволяет существенно скорректировать имеющиеся взгляды. Действительно, в Северном Китае запечатлённые на бабочковидных бляшках образы распространяются на нефритовых пластинках и бронзовых изделиях уже в VIII в. до н. э., однако пояса с бляшками там появляются в VI–V вв. до н. э. «внезапно» в уже устоявшемся виде. Между тем в Туве прослеживается происходивший в VI в. до н. э. процесс трансформации поясных обойм раннескифского времени в накладные бляшки. По этим данным идея украшать пояса накладными бляшками зародилась на территории Тувы, а в Северном Китае получила наибольшее развитие.

Поясные бляшки могут рассматриваться как хронологические индикаторы и маркеры этнокультурных процессов. Наиболее хорошо это прослеживается в Северном Китае. В Южной Сибири поясные бляшки также отражают культурную специфику, но не столь однозначно. Бабочковидные бляшки староалейской культуры полностью соответствуют по форме и изображениям бляшкам обширной области, включающей также Туву, Минусинскую котловину и Томское Приобье. Но имеются и особенности: 1) почти все комплекты при поясах и в женских сумочках составлены из разнородных бляшек и подвесок; 2) вместе с бабочковидными бляшками встречаются специфические шестисекционные бляшки; 3) бронзовые детали в скоплениях в женских погребениях наиболее разнородны, не связаны с поясами и больше напоминают скопления изделий из культовых объектов типа Тасеевского комплекса в Приангарье и «клада» из Степановки в Томском Приобье.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Северный Китай, Тува, староалейская культура, поясная фурнитура, накладные бабочковидные бляшки, образы грифона и дракона.

Цитирование статьи:

Шульга П. И. Поясные бляшки Староалейской культуры. Происхождение и использование // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 3. С. 99–119. DOI 10.14258/nreur(2023)3–05.

P. I. Shulga

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

**BELT PLAQUES OF STAROALEY CULTURE:
ORIGIN AND USAGE**

Structural features of the belt and its accessories in Scythian-like cultures of Southern Siberia and Northern China burials of VI–IV centuries BC are quite common. A significant part of them are appliqué belt plaques: butterfly-shaped, S-shaped and six-sectional. They spread throughout this area at about the same time (the second half of VI–V BC), but some researchers suggest that they originated in northern China from where they spread to southern Siberia. It is believed that the set belts with appliqué plaques were attributes of the male warriors. The author's work on belt plaques from China and Siberia systematization and analysis allow to adjust the existing views significantly. Indeed, in Northern China, butterfly-shaped plaque images have spread on jade plates and bronze items since the VIII century BC. However, belts with plaques appeared there “suddenly” in an established form. Meanwhile, in Tuva, the transforming of early Scythian time belt carrying slots into appliqué plaques process was traced in the VI century BC. According to these data, the idea of decorating belts with appliqué plaques originated in the territory of Tuva and has got the most development in northern China.

The author's research shows that belt plaques can be considered as ethno-cultural processes» markers. This is most clearly seen in northern China. In southern Siberia, the belt plaques also reflect cultural specificity. The butterfly-shaped plaques of the Staroaley culture fully correspond to the Tuva, the Minusinsk basin and the Tomsk Ob Region plaques shape and images. But there are some features as well: 1) Almost all sets with belts and in women's handbags are composed of heterogeneous plaques and pendants; 2) there are specific six-section plaques together with butterfly-shaped plaques; 3) bronze details in women clusters are most heterogeneous, are not related to belts, and look more like clusters of products from cult objects such as the Taseevsky Complex in Angara region and “hoard” from Stepanovka in Tomsk Ob Region.

Key words: Southern Siberia, Northern China, Tuva, Staroaley culture, Belt Accessories, false butterfly plaques, images of griffin and dragon.

For citation:

Shulga P. I. Belt plaques of Staroaleiy culture. Origin and usage. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. Т. 28, № 3. P. 99–119. DOI 10.14258/nreur(2023)3–05.

Шульга Пётр Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** shulgapi55@yandex.ru.

Shulga Peter Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** shulgapi55@yandex.ru.

Введение

Поясная фурнитура в скифоидных культурах VI–III вв. до н. э. Южной Сибири и Северного Китая представляет несомненный интерес как хронологический и этнокультурный индикатор. К наиболее известным и часто встречаемым деталям относятся накладные поясные бляшки. В отличие от поясных обойм раннескифского времени, это были нефункциональные изделия, крепившиеся на поясе нитями и тонкими ремешками. Подавляющее число бляшек имеет близкие размеры (около 4,5x2 см), бабочковидную или S-образную форму. Почти на всех бляшках от Верховьев Оби до Забайкалья и Хуанхэ воспроизводился образ грифона (хищной птицы) или почти не отличимый образ китайского дракона в Северном Китае.

Поясные накладные бляшки являются сравнительно частой находкой на памятниках скифоидных культур Южной Сибири (конец VI–IV вв. до н. э.) и Северного Китая (конец VI–III вв. до н. э.). Эти своеобразные изделия в Южной Сибири приходят на смену обоймам раннескифского времени, надевавшимся на поясной ремень. В Южной Сибири переход от поясных обойм к накладкам произошёл повсеместно в течение VI в. до н. э. Однако процесс этого перехода и трансформации поясных деталей на археологическом материале почти не фиксируется. Исключение представляет лишь территория Тувы, где алдыбельская культура какое-то время сосуществовала с уюкско-саглынской культурой, пришедшей ей на смену во второй половине VI в. до н. э. Вероятно, этим объясняется наличие там поясных наборов с бляшками переходного облика [Семёнов, 1997: 19; 2000: 179; Килуновская, Фролов, 2020: 127–128]. На остальных территориях от Верхнего Приобья до Забайкалья, Ордоса и Ганьсуйского коридора накладные поясные бляшки появляются как бы в одно время (VI–V вв. до н. э.) и без переходных вариантов. При этом в Ордосе и Ганьсу (Северный Китай) эти бляшки разнообразны и фиксируются в большом количестве. Хотя до VI в. до н. э. на данной территории у скотоводов поясные обоймы и бляшки вообще не известны¹. В Казахстане,

¹ Поясные обоймы раннескифского облика в Северном Китае известны лишь в небольшом районе к северу от Пекина, где в VII–VI вв. до н. э. существовала скифоидная культура юйхуанмяо.

Синьцзяне и Горном Алтае накладные поясные бляшки по каким-то причинам не получили распространения. Практически нет их и далее к западу [Воробьёва, 2010].

Проводимые автором исследования показывают, что поясные бляшки могут рассматриваться не только как хронологические индикаторы [Семёнов, 1997, 2000; Килуновская, Фролов, 2020: 127], но и как маркеры этнокультурных процессов.

Немалую сложность представляет вопрос о сферах использования накладных поясных бляшек. Традиционно считается, что они крепились на воинских поясах. Однако в отличие от скифоидных культур Северного Китая, где известны многие десятки подобных поясов, в Южной Сибири таких наблюдений сравнительно немного. При костяке умершего, как правило, находят всего несколько бляшек, встречающихся в разных местах могилы. В этих случаях их отношение к поясу не очевидно. Обстоятельства обнаружения большинства бляшек из Томского Приобья (Степановка) точно не определены. Место, где они были найдены, могло быть как погребальным, так и культовым памятником [Плетнёва, 1977: 68–69]. Наиболее вероятно, бляшки и другие разнородные бронзовые изделия из Степановки происходят из культового места, подобного Тасеевскому комплексу в нижнем течении Ангары [Гревцов, 2013]. Почти все многочисленные бляшки из Приангарья происходят из культовых мест, а в погребениях они единичны. Немного их и в погребениях на северо-западном берегу Байкала и в Забайкалье.

В Монголии, помимо немногочисленных случайных находок, известен лишь один комплект бронзовых изделий из жертвенника на берегу оз. Хубсугул с четырьмя накладными бляшками [Оргилбаяр и др., 2019]. В Туве за последние 10–15 лет найдено большое количество погребений с поясными бляшками. Значительная часть этих бляшек опубликована в предварительных сообщениях, но без планов и описаний погребений [Килуновская, Семёнов, 2013; Семёнов, Килуновская, 2014; Килуновская и др., 2015; Килуновская, Фролов, 2020; Килуновская и др., 2021]. По этой причине не вполне понятны сферы использования бляшек. На этом фоне качественно исследованные и сравнительно полно опубликованные захоронения староалейской культуры с поясными бляшками представляют значительный интерес.

1. Описание погребальных комплексов и накладных поясных бляшек

Ареал староалейской культуры ограничивается сравнительно небольшой территорией в рамках Барнаульского Приобья. Известно около 15 могильников, большинство которых располагается на залесённом правом берегу Оби [Фролов, 2008]. Почти все поясные накладные бляшки происходят из трёх могильников: Староалейка-2, Обские Плёсы-2 и Фирсово-14. Материалы первых двух опубликованы [Киришин, Кунгуров, 1996; Ведянин, Кунгуров, 1996]. Часть планов погребений там отсутствует, но количество найденных бляшек и обстоятельства их нахождения описаны достаточно подробно. Из материалов Фирсово-14 в научный оборот введены лишь небольшие фрагменты [Фролов, Шамшин, 1999; Шамшин, Чекрыжова, 2003; Фролов, 2008: 433–435, рис. 132–137]. Опубликован только один план погребения с поясными бляшками [Фролов, 2008, рис. 133].

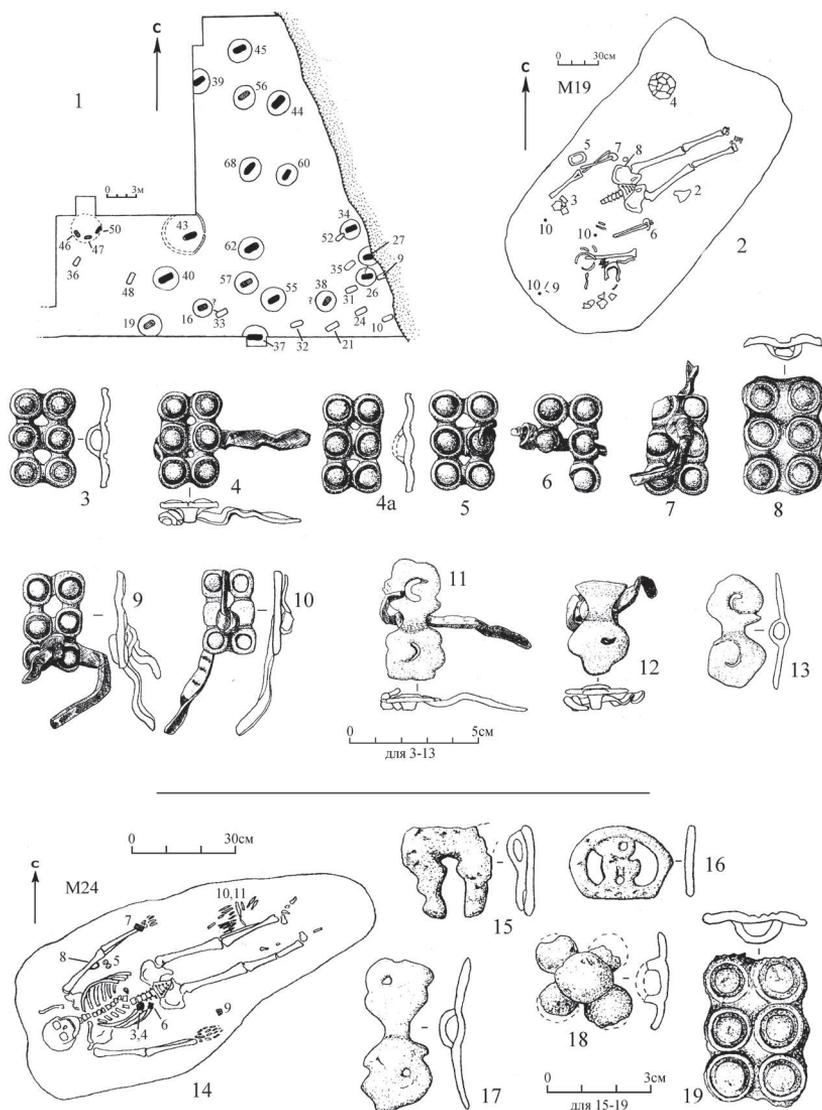

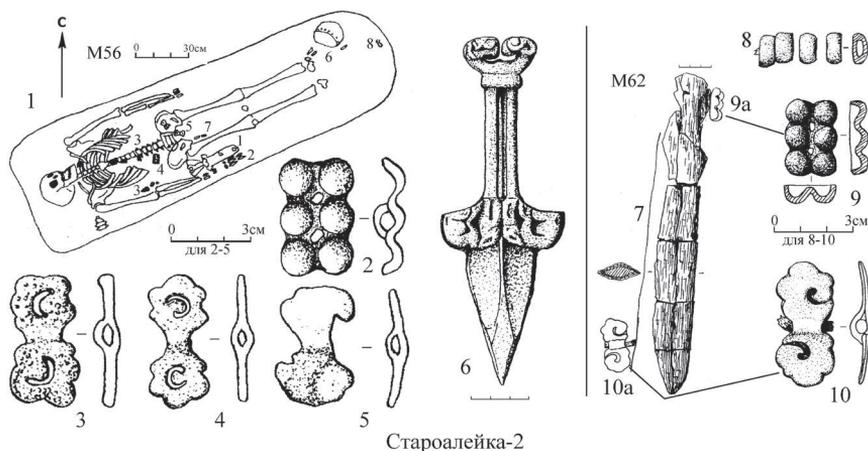
Рис. 1. Могильник Староалейка-2: 1 – план могильника; 2 – погребение 19 (2 – сумочка с бляшками; 3, 4 – сосуды; 5 – курительница; 6, 7 – браслеты; 8 – пряслице; 9 – две бронзовые заколки, 10 – бусы); 3–13 бронзовые бляшки с остатками кожаных ремешков; 14 – погребение 24 (3–7 – бронзовые бляшки; 8, 9 – бронзовые крючок и ворворка; 10 – бронзовый наконечник стрелы; 11 – роговые наконечники стрел); 15–19 – бронзовые бляшки [Кирюшин, Кунгуров, 1996]

Fig. 1. Burial Ground Staroaleyka-2: 1 – the scheme of the burial ground; 2 – burial 19 (2 – a bag with plaques; 3, 4 – vessels; 5 – a censer; 6, 7 – bracelets; 8 – spindle whorl; 9 – two bronze hair slides, 10 – beads); 3–13 bronze plaques with leather straps remains; 14 – burial 24 (3–7 – bronze plaques; 8, 9 – bronze hook and «vorvorka» (cone-shaped pendant); 10 – bronze arrowhead; 11 – horn arrowheads); 15–19 – bronze plaques [Kiryushin, Kungurov, 1996]

Могильник Староалейка-2. Располагался на высоком левобережном мысу Оби в устье р. Алей у с. Староалейка (Топчихинский район Алтайского края). В ходе раскопок в 1978, 1980, 1981 и 1986 гг. обнаружено 70 погребений, из которых 43 отнесены к староалейской культуре раннего железного века (рис. 1.-1) [Кирюшин, Кунгуров, 1996: 115]. Инвентарь на могильнике в основном характерен для староалейской культуры [Кирюшин, Кунгуров, 1996: 134], что подтверждает и сравнительно большое количество погребений с поясными накладными бляшками. Они найдены в четырёх погребениях (могилы 19, 24, 56 и 62). В одном из них захоронена женщина (могила 19), в остальных — мужчины с вооружением. Все умершие погребены в одинаковой позе — на спине, вытянуто, головой в юго-западный сектор.

Могила 19. Погребение женщины в длинной (2,5 м) и сравнительно глубокой (1,07 м) яме. Захоронение потревожено. Частично разрушена верхняя часть скелета, но основная часть инвентаря, а также браслеты на кистях рук и кожаная сумочка с бляшками сохранились на прежних местах (рис. 1.-2). В погребении пояс или его части не зафиксированы. По сохранившимся кожаным ремешкам с узелками можно заключить, что бляшки служили подвесками и не были прикреплены к поясному ремню. В сумочке находилось 12 накладных бляшек двух типов; девять шестисекционных (рис. 1.-3–10) и три бабочковидные (рис. 1.-11–13). На первый взгляд в рамках этих типов бляшки очень похожи. Однако достаточно близки между собой только четыре шестисекционные бляшки с продольными петельками на обороте (рис. 1.-3–5). Все остальные имеют значительные, а в двух случаях принципиальные отличия. Одна из шестисекционных бляшек более крупных размеров, отверстия в пластине отсутствуют, а на обороте поперечная петелька (рис. 1.-8) — особенность, почти не встречающаяся у накладных бляшек. Четыре шестисекционные бляшки без петелек также различались (рис. 1.-6, 7, 9, 10). Среди них выделяется бляшка меньших размеров без колец на средних выступах (рис. 1.-10). Различны и бабочковидные бляшки. Лопастни их воспроизводят изображение стилизованной головки хищной птицы, но выполнены они по-разному. Очевидно, что бляшки происходят от разных наборов, изготовлявшихся в разных местах.

Могила 24. Погребение мужчины в мелкой (0,2 м) яме длиной 2,2 м (рис. 1.-14). При умершем имелся набор роговых стрел, а также колчаные ворворка и крючок. Примерно на уровне пояса в разных местах обнаружено пять бляшек, из которых к традиционным поясным относятся три (рис. 1.-17–19). Одна из них шестисекционная с поперечной (!) петелькой (рис. 1.-19) подобна бляшке из могилы 19 (рис. 1.-8). Она находилась на кисти человека. У локтевого сустава левой руки лежала бабочковидная бляшка (рис. 1.-17). Несколько выше правой тазовой кости находилась крестовая (четырёхлепестковая) бляшка с петелькой на обороте. Там же лежали две бляшки, обычно не относимые к поясным (рис. 1.-15, 16). Не исключено, что все пять бляшек украшали пояс, но впоследствии были смещены грызунами. Все бляшки разнородные, что, вероятно, было следствием намеренного подбора.

Фирсово-14

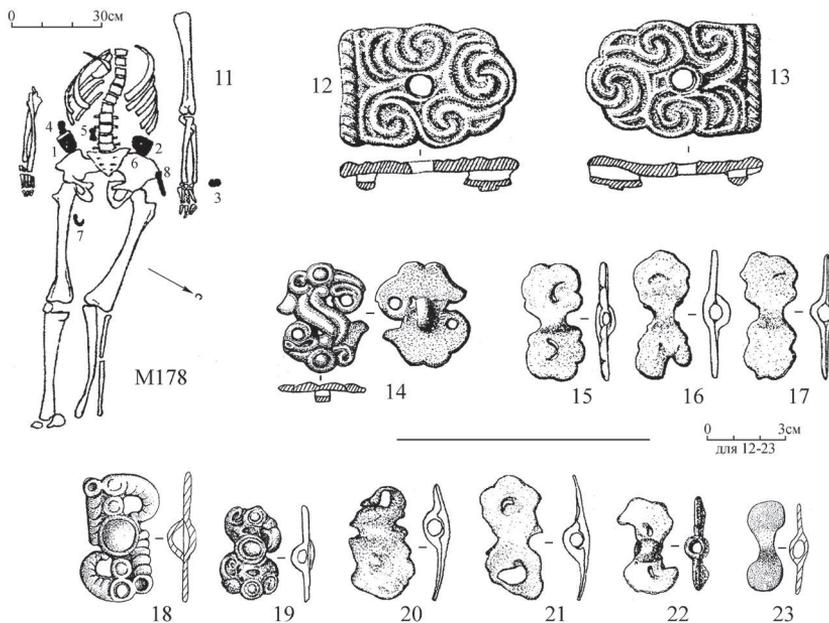

Рис. 2. Могильник Староалейка-2: 1 – погребение 56 (1 – бронзовый кинжал с ножнами; 2 – роговые наконечники стрел; 3 – железные обоймы; 4, 5, 8 – бронзовые бляшки; 7 – железный крюк); 2–6 – бронзовые бляшки и кинжал; 7–10 – железный кинжал, бронзовые пронизки и бляшки из погребения 62. Могильник Фирсово-14: 11 – погребение 178 (1, 2 – бронзовые концевые бляшки; 3–6 – бронзовые поясные бляшки; 7 – железный крючок; 8 – бронзовый нож); 12–17 – бронзовые концевые бляшки и бабочковидные бляшки из погребения 178; 18–23 – бронзовые бляшки из погребений [Фролов, 2008, рис. 133, 136].
Fig. 2. Staroaleyka-2 Burial Ground: 1 – burial 56 (1 – bronze dagger with scabbard; 2 – horn arrowheads; 3 – iron carrying slot; 4, 5, 8 – bronze plaques; 7 – iron hook); 2–6 – bronze plaques and dagger; 7–10 – iron dagger, bronze perforations and plaques from the burial 62. Firsovo-14: 11 – burial 178 (1, 2 – bronze end plaques; 3–6 – bronze belt plaques; 7 – iron hook; 8 – bronze knife); 12–17 – bronze end plaques and butterfly-shaped plaques from the burial 178; 18–23 – bronze plaques from burials [Frolov, 2008, fig. 133, 136].

plaques and dagger; 7–10 – iron dagger, bronze plaques and fuel tanks 62. Fyrsovo-14 burial site: 11–178 (1, 2 – bronze tubular beads; 3–6 – bronze belt plaques; 7 – iron hook; 8 – bronze knife); 12–17 – bronze end plaques and butterfly-shaped plaques from the burial 178; 18–23 – bronze plaques from the burials) [Frolov, 2008, fig. 133, 136]

Могила 56. Погребение мужчины в могильной яме длиной 2,55 м, глубиной 0,8 м (рис. 2.-1). При умершем найден бронзовый кинжал (рис. 2.-6), железные обоймы в районе груди, четыре накладных поясных бляшки и другой инвентарь. Две бабочковидные бляшки находились на костях таза, вероятно, украшали пояс (рис. 2.-3, 4). К этому поясу могла относиться и находившаяся в районе таза шестисекционная бляшка с отверстиями на пластине и продольной петелькой на обороте (рис. 2.-2). Третья бляшка S-образной формы (рис. 2.-5) лежала у восточной стенки могилы. Возможно, туда она была смещена грызунами.

Могила 62. Погребение мужчины в яме длиной 2,35 м, глубиной 0,95 м. Потревожено. Кости верхней части скелета смещены. У левого бедра умершего лежал железный кинжал плохой сохранности, рядом с которым зафиксированы шестисекционная и бабочковидная бляшки (рис. 2.-7). Первая находилась у навершия кинжала, вторая бляшка с остатками ремешка лежала у контура ножен рядом с острием кинжала. В погребении также найдены четыре полукруглые пронизки с остатками ремешка (рис. 2.-8), четыре роговых наконечника стрел и керамический сосуд [Кирюшин, Кунгуров 1996: 132]. Шестисекционная бляшка внешне подобна найденной в могиле 56, но значительно меньше и не имеет петельки на обороте (рис. 2.-9). Бабочковидная бляшка длиной 4,8 см представляет собой хороший образец со стилизованными головками грифонов на лопастях. Особенностью является наличие дополнительного выступа на «клюве» (рис. 2.-10). Назначение бляшек в М62 не очевидно. План погребения не опубликован, поэтому можно лишь предполагать, что шестисекционная бляшка находилась на поясе и случайно оказалась у навершия кинжала. Бабочковидная бляшка теоретически могла использоваться как застёжка вместо ворворки на нижней лопасти ножен кинжала. Однако других подобных случаев пока не известно.

Могильник Фирсово-14. Расположен на высоком мысовидном выступе правобережной террасы Оби, в 0,6 км к югу от с. Фирсово (Первомайский район Алтайского края). Выявлено более сотни погребений староалейской культуры, датируемых в рамках VI–V вв. до н. э. [Фролов, 2008: 394]. К 2008 г. было опубликовано 10 экземпляров накладных бляшек, в том числе две с литейным браком из приклада у детской могилы М259 (рис. 2.-20, 21). Ещё четыре бляшки найдены в не опубликованных могилах 56, 205 и 307 (рис. 2.-18, 19, 22, 23). В настоящее время в научный оборот введён лишь представительный комплекс с поясным набором из могилы 178¹. Судя по расположению бляшек на плане, пояс охватывал бедра умершего, но едва ли затягивался, поскольку крупные концевые (?) бляхи располагались по бокам (рис. 2.-11–13). На линии расположения этих блях находились три однотипные бабочковидные бляшки (рис. 2.-15–

¹ Номер могилы 178 указан в подписи к рисунку, где был опубликован план могилы и найденный в ней инвентарь [Фролов, 2008, рис. 133]. Однако в этой же монографии данная могила проходит под номером 186 [Фролов, 2008: 419]. Помимо этого, в более ранней публикации указанная поясная фурнитура отнесена к могиле 184 [Фролов, Шамшин, 1999: 221].

17). Четвёртая бляшка с хорошо проработанными головками грифонов обнаружена несколько в стороне, за левой рукой умершего. Похожее положение занимали и одиночные поясные бляшки на могильниках Староалейка-2 (в могиле 24 на кисти левой руки) (рис. 1.-14) и Обские Плёсы-2 (в могиле 2 под кистью левой руки) (рис. 4.-1). По-видимому, скопление бронзовых деталей (при костяке женщины?) в подобном месте отмечено на Фирсово-14 и в могиле 307 [Фролов, 2008: 160], откуда происходят две опубликованные поясные бляшки (рис. 2.-18, 23). Создаётся впечатление, что расположенные несколько в стороне у кисти левой руки одиночные бляшки (как и сумочки с подвесками) помещались туда намеренно, а не крепились на пояс. Судя по этим фрагментарным данным, на могильнике Фирсово-14 зафиксированы все три варианта применения поясных бляшек в ходе погребально-поминальных обрядов: на поясе мужчины-воина, в мешочке при женщине и как приклад у могилы ребёнка. Там же отмечены и все основные типы бляшек, зафиксированных в Староалейке-2 и Обских Плёсах-2, включая и обнаруженные А. С. Федоруком в 2020 г. шестисекционные изделия.

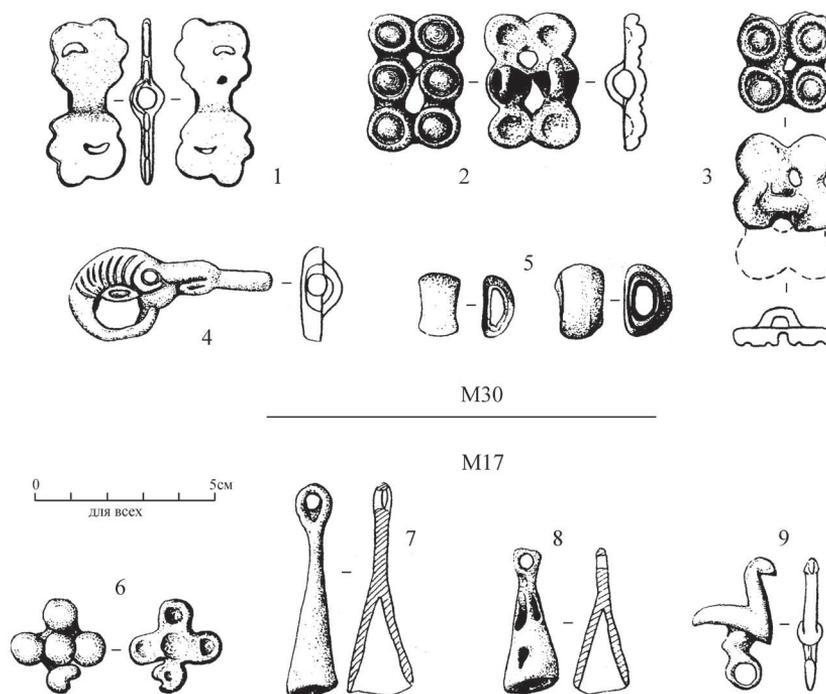

Рис. 3. Могильник Обские Плёсы: 1 – фрагмент погребения; 2–8 – поясные бронзовые бляшки из погребения 2; 16–35 – поясные бронзовые бляшки из могильников Староалейка-2, Фирсово-14 и Обские Плёсы-21 [Кирюшин, Кунгуров, 1966; Ведянин Кунгуров, 1996, Фролов, 2008]

Fig. 3. Burial Ground Obskie Plyosy: 1 – fragment of burial; 2–8 – belt bronze plaques from the burial 2. 16–35 – belt bronze plaques from burial grounds Staroaleyka-2, Firsovo-14 and Obskie Plyosy-21 [Kiryushin, Kungurov, 1966; Vedyanin, Kungurov, 1996; Frolov, 2008]

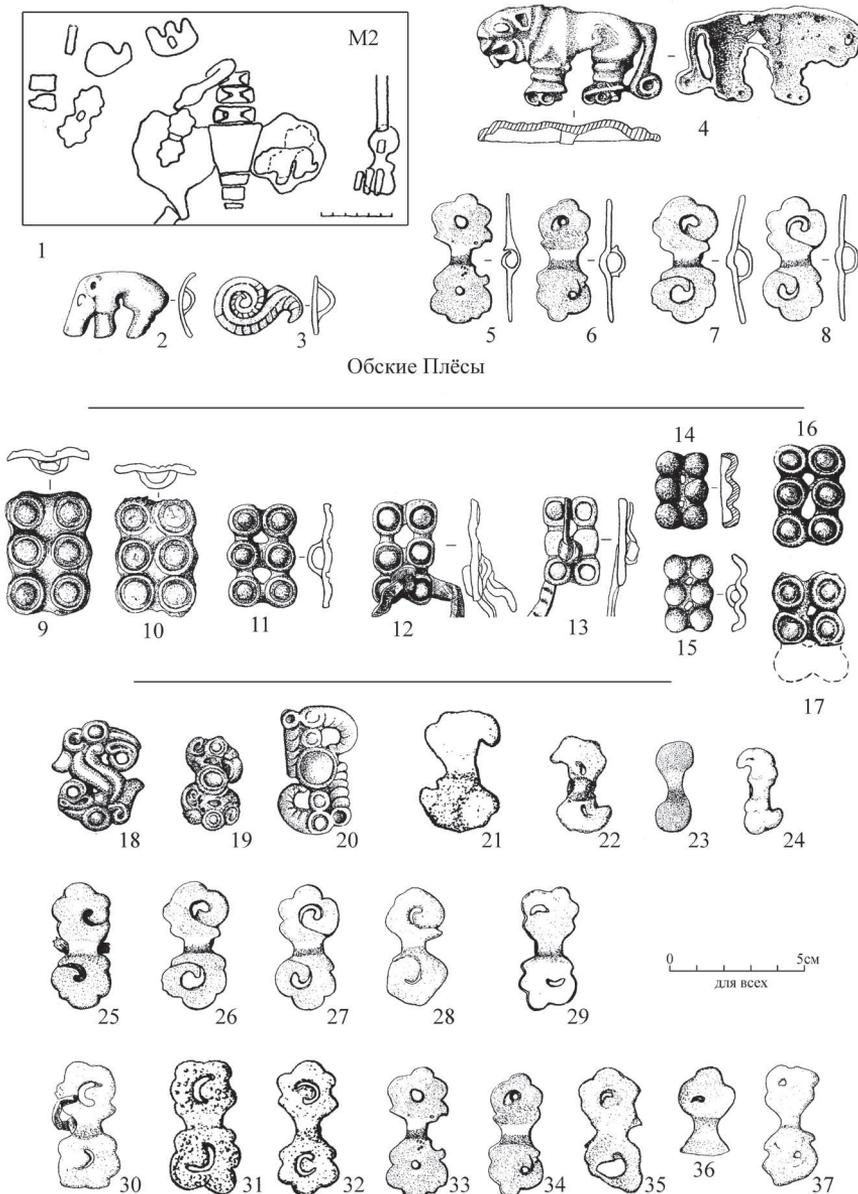

Рис. 4. Могильник Обские Плёсы. Бронзовые предметы из могил 30 и 17
[Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 15]

Fig. 4. Burial Ground Obskie Plyosy. Bronze objects from graves 30 and 17
[Vedyanin, Kungurov, 1996, fig. 15]

Могильник Обские Плёсы-2. Могильник находился в 3 км к западу от окраины с. Бобровка (Первомайский район Алтайского края), на мысу высокой правобережной террасы Оби. Захоронения грунтовые. Опубликованы материалы 50 могил, отнесённых

к староалейской культуре. Большинство погребений датировано V в. до н. э. [Ведянин, Кунгуров, 1996: 114]. Накладные поясные бляшки найдены в четырёх могилах (2, 9, 17, 30). Планы их отсутствуют, но по описанию умершие в указанных могилах погребались на спине, вытянуто, головой на юго-запад.

Могила 2. Представляет наибольший интерес, поскольку в ней был зафиксирован и подробно описан один из наиболее представительных поясных наборов в Барнаульском Приобье. Погребение подростка в яме длиной 1,25 м, глубиной 1,5 м. В районе пояса обнаружен железный крючок, который, по мнению исследователей, мог служить застёжкой пояса. На тазовых костях, под ними и рядом были «расчищены бляхи, украшающие ремень» (рис. 4.-1). На левой тазовой кости вверх лицевой стороной лежала «передняя (парадная) бляха» в виде кошачьего хищника, обращённого головой к центру. Напротив её, на правой тазовой кости, лицевой стороной вверх находилась бабочковидная бляшка (рис. 4.-8). Остальные бляшки, по всей видимости, располагались на поясном ремне с боков и спины. Все они лежали вверх обратными сторонами по дуге у правой тазовой кости, под левой тазовой костью и под костями кисти левой руки человека. Согласно этим данным, пояс находился в «рабочем положении», концы его почти совмещались, но пояс, видимо, не затягивался. Если судить по крайним бабочковидным бляшкам, лежавшим лицевыми поверхностями вниз, поясной ремень намного превосходил в охвате пояс подростка с учётом одежды.

Можно предположить, что этот богатый пояс изготавливался к похоронам взрослого мужчины, или он принадлежал мужчине до похорон. Не исключено, что бляшка под левой кистью была прикладом, и пояс был значительно короче. Как и в Староалейке-2, поясной набор включал разнородные детали: бляху в виде «тигра» с петлёй на обороте (рис. 4.-4), бляшку в виде «кабанчика» с петлёй на обороте (рис. 4.-2), бляшку в виде своеобразно оформленной стилизованной головки хищной птицы с петлёй на обороте (рис. 4.-3), две бабочковидные бляшки с головками стилизованных грифонов и отверстиями в виде запятой (рис. 4.-7, 8), две бабочковидные бляшки с малыми округлыми отверстиями в лопастях (рис. 4.-5, 6).

Могила 9. Погребение ребёнка в яме длиной 1,55 м, глубиной 0,65 м. Под челюстью на шейных позвонках найдена двухлопастная бляшка S-образной формы (рис. 4.-24) [Ведянин, Кунгуров, 1996: 105]¹.

Могила 17. Погребение подростка (девушки?) в яме длиной 2,3 м, глубиной 1,45 м. При костяке обнаружены две серьги, бусы, сосуд, возможно, браслет. Ближе к тазу у правой бедренной кости с внешней стороны «расчищены лежащие компактной группой следующие предметы: две колоколовидные подвески с литейным браком (рис. 3.-7, 8), крестовая бляшка (рис. 3.-6), и бронзовая подвеска в виде водоплавающей птицы» (рис. 3.-9) [Ведянин, Кунгуров, 1996: 106]. Это скопление представляет особый интерес, поскольку из традиционных деталей поясной фурнитуры включает только крестовую бляху. Вероятно, содержимое такого рода «прикладов» к умершим женщинам допускало помещение самых разных небольших предметов, которые в реальной жизни использовались как подвески.

¹ На с. 113 указанной статьи эта могила означена под номером 12.

Могила 30¹. Погребение женщины в яме длиной 2,2 м, глубиной 0,8 м. При костяке найдены бусы, серьга, булава, браслет, пряслице. «С правой стороны в районе голени» найдена бабочковидная бляха (рис. 3.-1). «Между ног умершего, чуть выше коленных суставов, находился поясной набор, состоящий из пряжки, выполненной в скифо-сибирском зверином стиле, и двух многосоставных солярных блях квадратной и прямоугольной формы» (рис. 3.-2–4) [Ведянин, Кунгуров, 1996: 108]. Одна из «солярных» блях обломана. У целой бляшки на обороте показано две петельки (!). Там же были и две бронзовые пронизки (рис. 3.-5). Авторы публикации предположили, что все эти детали относились к поясу, уложенному с женщиной. При этом изделие «в виде головы арха» трактовалось как «пряжка» этого пояса [Ведянин, Кунгуров, 1996: 112]. План могилы не опубликован, но, согласно приведённому выше описанию, находка скорее представляет скопление деталей, как и в других женских погребениях. Добавим, что «пряжка» не находит аналогий среди достоверных застёжек. Конструктивно она представляет собой подвеску типа более просто оформлявшихся костыльков-кочедыков.

Согласно опубликованным материалам, к настоящему времени на могильниках Староалейка-2, Фирсово-14 и Обские Плёсы-2 обнаружено 34 бляшки, которые могут быть отнесены к накладным поясным. По форме они разделяются на три основных типа: бабочковидные (16 экз.), S-образные (4 экз.) и секционные (в основном шестисекционные) (14 экз.). В археологической литературе бляшки бабочковидной и S-образной формы, как правило, называют «бабочковидными» [Семёнов, 1997: 19; Килуновская, Фролов, 2020]. В ряде случаев это оправданно, поскольку имеется значительное количество изделий промежуточного типа. Например, контуры одной бляшки из Староалейки-2 с увеличенным «клювом» приобрели S-образную форму (рис. 2.-5). И наоборот, бляшка с реалистичными головками грифонов из Обских Плёсов-2 (рис. 2.-14) композиционно является S-образной, но по контурам она бабочковидной формы. На наш взгляд, эти два типа следует различать. Бляшки S-образной формы в Южной Сибири существуют уже в начале VI в. до н. э. (рис. 5.-8–10). Наиболее ярко эти различия проявились в Северном Китае. Там существовавшие в Западной Чжоу (IX–VIII вв. до н. э.) S-образные и кольцевидные композиции драконов послужили у местных скотоводов образцами для S-образных и бабочковидных бляшек скифского времени (рис. 5.-1–5). При этом по контуру S-образная композиция подобна бабочковидной бляшке, но без сужения по центру (рис. 5.-1).

Бабочковидные бляшки Южной Сибири могут быть подразделены на несколько вариантов по степени стилизации образа хищной птицы (грифона). К первому варианту можно отнести немногочисленные наиболее хорошо проработанные образы головки грифона с крупным загнутым клювом, округлым глазом, ухом и гривой. Они сильно различаются по оформлению, контурам и размерам. В староалейской культуре бляшки происходят из разных погребений могильника Фирсово-14 (рис. 4.-18–20). Ко второму варианту относятся бляшки с образами сильно стилизованного, но узнаваемого грифона (рис. 4.-25–29). Выделяется мощный загнутый клюв, подчёркнутый прорезной

¹ Этот номер дан в описании могилы на с. 108 статьи. В итоговой части статьи эта могила проходит под номером 33 [Ведянин, Кунгуров, 1996: 112].

или намеченной «запятой», расширяющейся по направлению клюва. На трёх экземплярах в верхней позиции лопасти обозначен глаз (рис. 4.-25–27), а за ним расположены два овальных выступа, передающие гриву. На одной из этих бляшек глаз и грива лишь угадываются (рис. 4.-28), на другой на «клюве» имеется дополнительный выступ (рис. 4.-25).

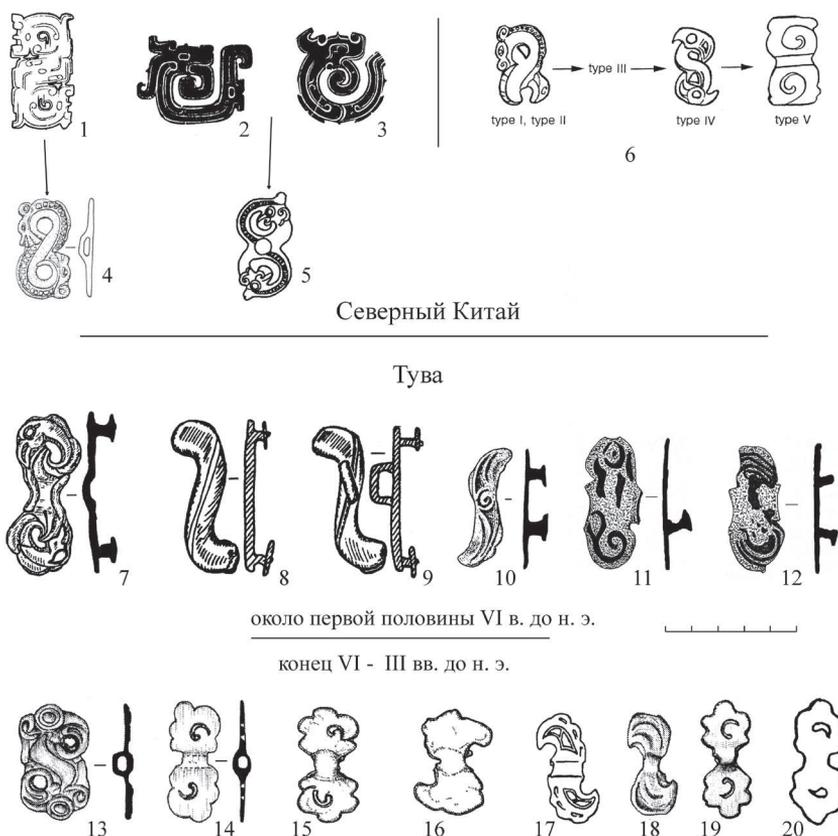

Рис. 5. Бляшки из Северного Китая и Тувы: 1–3 – нефритовые бляшки из могилы М 92 могильника Тяньма [Сюй Тяньцзинь, 1995: 7, рис. 19.-3, рис. 26.-6–8]; 4, 5 – бронзовые поясные бляшки из погребений культуры маоцингюу (4) и янлан (5) V в. до н. э. [УЭнь, 2008, рис. 108.–9, 10]; типология бляшек из Северного Китая [Psarras, 1992; Семёнов, 1997: 19, рис. 26]; 7–12 – переходные бляшки-пристёжки из могильников Сыпучий Яр (7–9), Демир-Суг-2 (10) и Куйлуг-Хем-1 [Семёнов, 2001, рис. 1, 2; Монгуш, 2019, рис. 2.–4, 4.–1, 2]; 13–20 – бронзовые накладные бляшки из Уюкской котловины [Килуновская и др., 2021, рис. 9]

Fig. 5. Plaques from Northern China and Tuva: 1–3 – jade plaques from grave M92 of Tianma burial ground (by: Xu Tianjin, 1995. 7, fig. 19, 3, fig. 26, 6–8); 4, 5 – bronze plaques from Maoqinggou (4) and Yanglang (5) cultures burials of V c. BC (by Wu En, 2008, fig. 108.–9, 10); plaques typology from North China (by: Psarras, 1992, quoted by Semyonov, 1997, p. 19, fig. 26); 7–12 – transitional plaques-straps from the burial grounds Sypuchij Yar (7–9), Demir-Sug-2 (10) and Kulug-Hem-1 (by: Semyonov, 2001, fig. 1, 2; Mongush, 2019, fig. 2.–4, 4.–1, 2); 13–20 – bronze appliqué plaques from the Uyuk basin [Kilunovskaya, etc. 2021, fig. 9]

Грифон на пятой бляшке отличается коротким клювом с дуговидной прорезью, но также имеет три овальных выступа, обозначающих глаз и гриву (рис. 4.-29). Следует отметить и приострѐнные выступы под клювами у трёх бляшек (рис. 4.-25, 26, 28). Лопастей простейших бляшек третьего варианта представляют собой довольно аморфную окружность с овальными выступами с намеченным или сквозным отверстием в виде запятой или точки (рис. 4.-30–37). Клюв обычно не фиксируется, а вырез в виде запятой или дуги не согласуется с расположением овальных выступов. Причинами изготовления таких бляшек с невнятными формами могут быть как непрофессионализм, так и непонимание изначального образа.

S-образные бляшки найдены на всех трёх рассмотренных староалейских могильниках, но всего по одному-двум экземплярам (рис. 4.-21–24). Три из них существенно меньше бабочковидных. На лопастях трёх бляшек угадываются предельно схематизированные головки хищной птицы или грифона с незначительно изогнутым клювом (рис. 4.-21, 22, 24).

Шестисекционные бляшки по форме и изображениям на лицевой стороне принципиально отличаются от бабочковидных и S-образных бляшек. На шестисекционных бляшках нет изображений существ ни в Южной Сибири, ни в Китае. Зачастую отсутствует и орнамент на полусферических выступах (рис. 4.-14, 15). Отмечается два основных способа крепления к поясному ремню (через отверстия в щитке и за петельку), два варианта положения петелек (продольное и поперечное). Известен экземпляр бляшки с двумя петельками (рис. 3.-2). Сам орнамент в основном ограничен двумя вариантами: солярными знаками (рис. 4.-9–13, 16, 17) и сдвоенными спиралями. Унаследованный с раннескифского времени спиральный орнамент в VI–III вв. до н. э. в Сибири встречается очень редко, но получил значительное распространение в культуре янлан (Северный Китай, Нинся-Хуэйский АО). До недавнего времени в Южной Сибири почти все малочисленные шестисекционные бляшки происходили из староалейских погребений. Но в последнее десятилетие они были обнаружены и в Туве. При этом у двух экземпляров имеется по 9 и даже 12 секций [Килуновская, Фролов, 2020, рис. 2.-7, 9].

Следует добавить, что в Южной Сибири в большинстве комплексов накладные бляшки могут существенно различаться между собой по размерам, а также оформлению петелек, втулок и центральной лицевой части бабочковидных и S-образных бляшек.

2. О происхождении поясных бляшек

По мнению большинства исследователей, бабочковидные бляшки изначально появились в Северном Китае, откуда распространились на территорию Монголии и Южной Сибири [Семёнов, 1997: 19; У Энь, 2008: 179; Килуновская, Фролов, 2020: 130]. Основанием тому послужили: 1) наличие в Северном Китае прототипов эпохи поздней бронзы; 2) предположительно более ранние датировки некоторых исследованных там погребений с бляшками; 3) значительно большее разнообразие и количество по сравнению с бляшками из Южной Сибири. Достаточно сказать, что в погребениях могильника Маоцингоу обнаружено 311 бронзовых и железных поясных накладных бляшек, что несколько больше, чем известно во всей Южной Сибири и Монголии.

Китайские и англоязычные специалисты исходят из факта несомненного сходства нефритовых бляшек в погребениях Западной Чжоу VIII в. до н. э. (и более ранних) с ба-

бочковидными и S-образными бляшками на поясах в скифоидных культурах Северного Китая [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986: 117, рис. 82; S-K. Psarras, 1992, цит. по: Семёнов, 1997: 19, рис. 26-Б; Bunker, 1997: 205, 220; Ван Пэн, 2018: 20]¹. Однако существует проблема хронологического и культурного разрыва. Казалось бы, очевидный процесс трансформации древнего образа китайского дракона в грифона скотоводов пока не имеет должного обоснования. Погребения китайской элиты Западной Чжоу раньше рядовых захоронений скотоводов на 200–300 лет, и пока между ними не видно никаких связей. На основной территории, занимаемой скифоидными культурами в Северном Китае, вообще нет переходных вариантов и самой поясной фурнитуры вплоть до появления поясов с бабочковидными бляшками в VI–V вв. до н. э.

Между тем есть основания говорить о первенстве «северных кочевников». 25 лет назад уже отмечалось, что в Туве на поясах VII–VI вв. до н. э. имеются изделия, «типологически близкие» бабочковидным бляшкам [Семёнов, 1997: 19; там же, 2000: 179]. За прошедшие годы в восточной части степного пояса от Урала до Северного Китая накоплен значительный материал по поясной фурнитуре VII–VI вв. до н. э. На этом фоне Тува занимает особое место, благодаря замечательным находкам, включающим фрагменты поясов и даже полностью сохранившийся пояс из Чинге-Тэя-1 [Чугунов, 2016, Монгуш, Монгуш, 2019; Килуновская и др., 2021]. *Имеются веские основания считать Туву пока единственной областью, где достоверно прослеживается трансформация поясных обоем раннескифского времени в нефункциональные накладные поясные бляшки.* В нескольких переходных комплексах в Туве, датируемых примерно концом VII — первой половиной VI в. до н. э., обнаружены наборы с бляшками-пристёжками (рис. 5.-7–12). Бляшки этой переходной формы крепились к ремню посредством двух шпеньков — способом, широко распространённым в раннескифское время. При этом некоторые бляшки сохраняли на лицевой стороне петельки, ранее использовавшиеся для пропуска среднего ремешка (рис. 5.-9). Вместе с тем среди этих бляшек-пристёжек уже появились все основные формы и образы накладных бляшек VI–IV вв. до н. э.: бабочковидные с головками хищной птицы и сужением в центральной части (рис. 5.-7), S-образные (рис. 5.-8–10), а также со спиралевидными орнаментами, которые могут трактоваться как условное изображение головки хищной птицы (рис. 5.-11, 12). На бляшках-пристёжках из Демир-Суга-2 уже имеется спираль по центру, разделяющая две лопасти (рис. 5.-10). На остальных территориях мы фиксируем только устоявшиеся формы накладных поясных бляшек без шпеньков в памятниках не ранее второй половины VI в. до н. э. Вероятно, Тува была центром, из которого идея украшать пояса накладными бляшками распространились в соседние области. В их числе был и Северный Китай,

¹ Действительно, в погребениях Западной Чжоу встречаются нефритовые бляшки и бронзовые сосуды с изображениями двух драконов, расположенных в виде буквы «S» по принципу центральной симметрии (рис. 5.-1), а также изображения подквадратной и округлой формы в виде свернувшегося дракона с отогнутым кончиком хвоста (рис. 5.-2, 3). При этом они могут встречаться в одном комплексе, например, в могиле M92 могильника Тяньма, датируемой IX в. до н. э. (рис. 5.-1–3) [Сюй Тяньцзинь, 1995: 7, рис. 19.-3, 26.-6–8]. Обратим внимание, что голова дракона с отогнутым хвостом имеет все особенности, характерные для полных изображений грифонов из Южной Сибири: закручивающийся «клюв», «восковицу», ухо и гребень (сравнить рис. 5.-2, 3 и 5.-13).

куда до этого во второй половине VII в. до н. э. также с севера были привнесены пояса с обоями, подобные найденным в Туве [Шульга, 2015, рис. 100.–20, 28; 123, 125].

Заключение

По имеющимся данным, выделяется несколько основных областей, в рамках которых поясные бляшки отличаются своеобразием: 1) Китай, восточная часть провинции Ганьсу (культура шацзин), 2) Китай, территория Нинся-Хуэйского АО с прилегающими районами Ганьсу (культура янлан), 3) Китай, район оз. Дайхай в южной части Внутренней Монголии (культура маоцингоу), 4) Южная Сибирь, бассейн Ангары с западным побережьем Байкала, 5) Южная Сибирь, Тува (уюкско-саглынская культура), Барнаульское Приобье (староалейская культура) и Томское Приобье. В каждой из этих областей имеется несколько преобладающих вариантов бляшек, по форме и семантике не совпадающих с соседними областями. В Северном Китае они хорошо соотносятся с тремя основными археологическими культурами VI–III вв. до н. э. — маоцингоу, янлан и шацзин. В Южной Сибири культурные особенности поясных наборов по сравнению с немногочисленными поясным бляшкам не столь заметны. Бабочковидные и S-образные накладные бляшки староалейской культуры почти не отличаются от найденных в Туве (сравнить рис. 4.-18–37 и рис. 5.-13–20). Особенность староалейского комплекса в сравнительно большом количестве разнообразных шестисекционных бляшек (рис. 4.-9–17). Несмотря на отсутствие в староалейской культуре полных поясных наборов из однотипных шестисекционных бляшек, можно предположить их местное изготовление. На соседних территориях они почти не встречаются, а известные исследователям имеют отличия. В Туве они найдены только в последнее десятилетие и в малом количестве [Килуновская, Фролов, 2020, рис. 2.–4, 5, 8]. В значительном числе шестисекционные бляшки имеются лишь в культуре шацзин (провинция Ганьсу в Северном Китае) [Институт археологии..., 2001]. Однако бляшки в этой удалённой от Верхнего Приобья культуре имеют существенные отличия, каких-либо контактов между культурами пока не наблюдается.

Не найдено явной преемственности шестисекционных бляшек и с орнаментом на обоях со сдвоенными спиралями раннескифского времени из Тувы (Аржан-2, Демир-Суг-2). Судя по явно намеренному включению в староалейские комплекты бабочковидных и шестисекционных бляшек (рис. 1–3), можно считать их характерными для этой культуры, как и специфический обряд помещать их в женские погребения в составе с различными подвесками. Почти все комплекты при поясах и в женских сумочках там составлены из разнородных бляшек и подвесок. Бронзовые детали в скоплениях при женщинах наиболее разнородны, не связаны с поясами и больше напоминают скопления изделий из культовых объектов типа Тасеевского комплекса в Приангарье [Гревцов, 2013] и «клада» из Степановки в Томском Приобье [Плетнёва, 1977].

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР Института археологии и этнографии СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022–0006).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ван Пэн. Взаимодействие культур бронзового и раннего железного века Южной Сибири, Синьцзяна и Северного Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 16–29.

Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л. Грунтовый могильник Староалейской культуры Обские Плёсы 2 // Погребальный обряд древних племён Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88–114.

Воробьёва С. Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // Уфимский археологический вестник. Уфа : Гилем, 2010. Вып. 10. С. 56–63.

Гревцов Ю. А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья по материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории : сб. науч. ст. Красноярск : Краснояр. краев. краеведческий музей, 2013. С. 92–106.

Килуновская М. Е., Семёнов В. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл — Курагино // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2013. № 3. С. 197–222.

Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семёнов В. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Ээрбек в 2014 г. // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2015. № 5. С. 193–224.

Килуновская М. Е., Семёнов В. А., Семёнов А. В., Бусова В. С. Поясные наборы в культуре кочевников Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. Вып. 1. С. 30–50.

Килуновская М. Е., Фролов Я. В. Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда : материалы Международной научной конференции. М. : РГГУ, 2020. С. 126–138.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племён Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.

Монгуш К. М., Монгуш М. А. Погребения раннескифского времени с предметами парадной поясной фурнитуры могильника Демир-Суг II в Туве // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 9. Кемерово, 2019. С. 17–29.

Плетнёва Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск : Изд-во ТГУ, 1977. 108 с.

Плетнёва Л. М. Предметы скифо-сибирского стиля из Томского Приобья. Томск : Изд-во ТГПУ, 2012. 190 с.

Семёнов В. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве 1994–1995 гг.). СПб., 1997. 48 с.

Семёнов В. А. Проблема выделения хронологических индикаторов в скифских комплексах V–IV вв. до н. э. в Туве // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 179–182.

Семенов В. А. Сыпучий Яр — могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. СПб. : Фил. фак. СПбГУ, 2001. С. 167–172.

Семенов В. А., Килуновская М. Е. Могильник скифского времени Саускен 3 в долине реки Ээрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии / отв. ред. В. А. Алекшин. СПб. : АртЭкспресс, 2014. С. 393–422.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобъя в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 219–226.

Шамшин А. Б., Чекрыжова О. И. Предметы древнего искусства из окрестностей села Фирсово // Степи Евразии в древности и средневековье СПб. : Изд-во Государственно-Эрмитажа. 2003. Кн. II. С. 184–187.

Чугунов К. В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 336–356.

Psarras S-K. Redating Xiongun Culture // The international academic conference of archaeological culture of the Northern Chinese ancient nations. Huh-Hoto. 1992. P. 102–136 (на англ. яз).

Bunker E. C. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997. 373 p. (на англ. яз).

Институт археологии и культурного наследия пров. Ганьсу. Юнчан Сиган Чайваньган: Шацзин вэньхуа муцзан фацзюэ баогао [甘肃省文物考古研究所. 永昌西崗柴灣崗: 沙井文化墓葬发掘报告] Сиган и Чайваньган в уезде Юнчан: отчет о раскопках культуры Шацзин. Ланьчжоу : Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2001. 270 с. (на кит. яз).

Оргилбаяр С., Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., Мандалсүрэн Н. Монгол-Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологийн шинжилгээ-1» төслийн Хөвсгөл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс. Монголын археологи. 2018. Улаанбаатар хот, 2019. С. 140–146 (на монг. яз).

Сюй Тяньцзинь. Тяньма — цюйцунь ичжи бэй чжаоцзиньхоу муди ди у цы фацзюэ [徐天进. 天马 — 曲村遗址北赵晋侯墓地第五次发掘 // 文物1995年第7期] Пятый сезон раскопок на могильнике Бэйчжао Цзиньхоу на памятнике Тяньма — Цюйцунь // Вэнь У. 1995. Вып. 7. С. 4–39. (на кит. яз).

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Оэрдосы ши цинтунци. [田广金, 郭素新. 阿鲁柴登发现的金银器 // 鄂尔多斯式铜器] Бронзы ордосского стиля. Пекин : Вэньу, 1986. 402 с. (на кит. яз).

У Энь (Уэньюэсыту). Бэйфан цао юань каогусюэ вэньхуа бицзю яньцзю — цинтун шидай чжи цзаоци сюнну шици [乌恩岳斯图. 北方草原考古学文化比较研究-青铜时代至早期匈奴时期] Сравнительные исследования археологических культур северных степей: С эпохи бронзы до периода ранних сюнну. Пекин : Кэсюэчубаньшэ, 2008. 364 с. (на кит. яз).

REFERENCES

Chugunov K. V. Paradnye poiasa kочevnikov Azii v ranneskifskoe vremia [Ceremonial belts of nomads of Asia in the Early Scythian time]. *Altai v krugu evraziiskikh drevnostei* [Altai

in the circle of Eurasian antiquities]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2016. P. 336–356 (in Russian).

Frolov Ya. V. *Pogrebal'nyi obriad naseleniia Barnaul'skogo Priob'ia v VI v. do n. e. — II v. n. e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [Funeral rite of the population of Barnaul Priobye in the VI century BC–II century AD (according to ground burial grounds)]. Barnaul: Azbuka, 2008, 479 p. (in Russian).

Frolov Ya. V., Shamshin A. B. Mogil'niki rannego zheleznogo veka Firsovskogo arkheologicheskogo mikroraiona (Firsovo-III, XI, XIV) [Burial grounds of the early Iron Age of the Firsovo archaeological microdistrict (Firsovo-III, XI, XIV)]. *Itogi izucheniia skifskoi epokhi* [Results of the study of the Scythian epoch]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. P. 219–226 (in Russian).

Grevtsov Iu. A. Voinskie poiasa skifskoi epokhi Severnogo Priangar'ia po materialam Ust' — Taseevskogo kul'tovogo kompleksa [Military belts of the Scythian epoch of the Northern Angara region based on the materials of the Ust-Taseyevsky cult complex]. *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological research of the antiquities of the Lower Angara and adjacent territories]. Krasnoiar. kraev. kraevedcheskii muzei, 2013. P. 92–106 (in Russian).

Kilunovskaia M. E., Lazarevskaia N. A., Sadykov T. R., Semenov V. A. Issledovaniia Tuvinskoj arkheologicheskoi ekspeditsii IIMK RAN v doline r. Eerbek v 2014 g. [Research of the Tuvan archaeological expedition of the IIMC RAS in the valley of the river Eerbek in 2014] *Biulleten' IIMK RAN (okhrannaia arkheologiiia)* [Bulletin of the IIMC RAS (conservation archeology)]. 2015, no. 5. P. 193–224 (in Russian).

Kilunovskaia M. E., Semenov V. A. Issledovaniia Tuvinskoj arkheologicheskoi ekspeditsii po trasse zheleznoi dorogi Kyzyl — Kuragino [Research of the Tuvan archaeological expedition along the route of the Kyzyl — Kuragino railway]. *Biulleten' IIMK RAN (okhrannaia arkheologiiia)* [Bulletin of the IIMC RAS (conservation archeology)]. 2013, no. 3. P. 197–222 (in Russian).

Kilunovskaia M. E., Semenov V. A., Semenov A. V., Busova V. S. Poiasnye nabory v kul'ture kochevnikov Tuvy [Belt sets in the culture of Tuva nomads]. *Novye issledovaniia Tuvy* [New researches of Tuva]. 2021, vol. 1. P. 30–50 (in Russian).

Kilunovskaia M. E., Frolov Ia. V. Sravnitel'nyi analiz poiasnykh ukrashenii skifskogo vremeni Barnaul'skogo Priob'ia i Tuvy [Comparative analysis of belt ornaments of the Scythian period of the Barnaul Ob and Tuva]. *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obriada: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [An object in the context of a funeral rite: Materials of an international scientific conference]. M.: RGGU, 2020. P. 126–138 (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Kungurov A. L. Mogil'nik rannego zheleznogo veka Staroaleika-II [Burial ground of the early Iron Age Staroaleika-II]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 1996. P. 115–134 (in Russian).

Mongush K. M., Mongush M. A. Pogrebeniia ranneskifskogo vremeni s predmetami paradnoi poiasnoi furnitury mogil'nika Demir-Sug II v Tuve [Burials of the Early Scythian period with items of ceremonial belt fittings of the Demir-Sug II burial ground in Tuva].

Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaiia Pisanitsa" [Scientific notes of the Tomsk Pisanitsa Museum-Reserve]. Kemerovo. 2019, vol. 9. P. 17–29 (in Russian).

Pletneva L. M. *Predmety skifo-sibirskogo stilia iz Tomskogo Priob'ia* [Objects of the Scythian-Siberian style from the Tomsk region]. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2012, 190 p. (in Russian).

Pletneva L. M. *Tomskoe Priob'e v kontse VIII–III vv. do n. e.* [Tomsk Priobye at the end of the VIII–III centuries BC]. Tomsk: Izd-vo TGU, 1977, 108 p. (in Russian).

Semenov V. A. *Mongun-Taiga (arkheologicheskie issledovaniia v Tuve 1994–1995 gg.)* [Mongun-Taiga (archaeological research in Tuva 1994–1995)]. SPb., 1997, 48 p. (in Russian).

Semenov V. A. Problema vydeleniia khronologicheskikh indikatorov v skifskikh kompleksakh V–IV vv. do n. e. v Tuve [The problem of identifying chronological indicators in the Scythian complexes of the V–IV centuries BC in Tuva]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altaia* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, 2000, vyp. XI. P. 179–182 (in Russian).

Semenov V. A. Sypuchii Iar — mogil'nik aldy-bel'skoi kul'tury v Tuve [Loose Yar — burial ground of the Aldy-Belsky culture in Tuva] *Evraziia skvoz' veka* [Eurasia through the ages]. SPb.: Fil. fak. SPbGU, 2001. P. 167–172 (in Russian).

Semenov V. A., Kilunovskaia M. E. Mogil'nik skifskogo vremeni Sausken 3 v doline reki Eerbek (Respublika Tyva) [The burial ground of the Scythian time Sausken 3 in the valley of the river Eerbek (Republic of Tyva)]. *Arkheologiia drevnikh obshchestv Evrazii* [Archeology of ancient societies of Eurasia]. SPb.: ArtEkspress, 2014. P. 393–422 (in Russian).

Shamshin A. B., Chekryzhova O. I. Predmety drevnego iskusstva iz okrestnostei sela Firsovo [Objects of ancient art from the vicinity of the village Firsovo]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages]. SPb: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha. 2003, book II. P. 184–187 (in Russian).

Van Pen. Vzaimodeistvie kul'tur bronzovogo i rannego zheleznogo veka Iuzhnoi Sibiri, Sin'tsiana i Severnogo Kitaia [Interaction of the Bronze and Early Iron Age cultures of Southern Siberia, Xinjiang and Northern China]. *Vestn. NGU. Serii: Istorii, filologiia: Vostokovedenie*. [Vestn. NSU. Series: History, Philology: Oriental Studies]. 2018, vol. 17, no. 4. P. 16–29 (in Russian).

Vedianin S. D., Kungurov A. L. Gruntovyi mogil'nik Staroaleiskoi kul'tury Obskie Plesy 2 [The ground burial ground of the Staroaley culture Ob Ples 2]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, 1996. P. 88–114 (in Russian).

Vorob'eva S. L. Poiasnye nakladki s izobrazheniem grifona: k voprosu o proiskhozhdenii i vremeni poiavleniia v lesostepi Priural'ia [Belt pads with the image of a griffin: on the question of the origin and time of appearance in the forest-steppe of the Urals]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin]. Ufa: Izd-vo "Gilem", 2010, vyp. 10. P. 56–63 (in Russian).

Psarras S-K. Redating Xiongun Culture. *The international academic conference of archaeological culture of the Northern Chinese ancient nations*. Huh-Hoto, 1992. P. 102–136 (in English).

Bunker E. C. *Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes*. New York, 1997. 373 p. (in English).

Orgilbaiar S., Kharinskii A. V., Erdenebaatar D., Mandalsyren N. *Mongol-Orosyn khamtarsan “Төв Азиin аркхеологиin шинзхилгее-1” төслиin Khөvsgөл аймгийн Khанкх сумын нутагт иавуулсан малтлага судалгааны азхлын үр дүнгийн тухай. Mongolyn аркхеологи. 2018.* [Reliminary results of the Mongolian-Russian joint project “archaeological analysis of Central Asia-1” conducted in Khankh Soum, Khuvsgul province. *Archaeology of Mongolia. 2018.*] Ulaanbaatar khot, 2019. P. 140–146 (in Mongolian).

Institute of Archeology and Cultural Heritage of Gansu Province. *Yongchang Xigang Chaiwangang* [Chai Wan Gang, Xigang, Yongchang: Excavation Report of Shajing Cultural Tombs]. Lan'chzhou: Gansu renmin chubanshe, 2001, 270 p. (in Chinese).

Tian Guanjin, Go Suxin. *Oerduosi shi qintongqi* [Ordos-style bronze artifacts]. Pekin: Wenwu, 1986, 402 p. (in Chinese).

Wu En. *Beifang caoyuan kaoguxue wenhua bijiao yanjiu — qingtong shidai zhi zaoqi xiongnu shiqi* [Comparative Study on Archaeology and Culture of the Northern Grassland-Bronze Age to Early Xiongnu Period]. Pekin: Kexue chubanshe, 2008, 364 p. (in Chinese).

Xu Tianjin. *Tianma — qucun yizhi bei zhao jinhou mudi di wu ci fajue* [Fifth Season of Excavations at the Beizhao Jinhou Burial Ground at Tianma-Qucun Archaeological Site]. Wenwu. 1995, vyp 7. P. 4–39 (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 05.07.2023

Принята к публикации: 28.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023

УДК 903(571.53/55)«6373»
DOI 10.14258/nreur(2023)3–06

К. Н. Солодовников

Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень (Россия)

П. К. Дашковский

Алтайский государственного университет, Барнаул (Россия)

М. Эрдэнэ

Монгольской национальный университет, Улан-Батор (Монголия)

А. И. Нечвалода

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа (Россия)

С. С. Тур

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Г. Г. Кравченко

Томский государственный университет, Томск (Россия)

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭНЕОЛИТА-РАННЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ АРЕАЛА АФАНАСЬЕВСКОЙ ОБЩНОСТИ: К ВОПРОСАМ О ТЕРРИТОРИАЛЬНО ОТДАЛЕННЫХ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ И О ВЫДЕЛЕНИИ КУРОТИНСКОГО ТИПА ПАМЯТНИКОВ

Анализируются краниометрические особенности населения афанасьевской культуры Северо-Западного Алтая и Центральной Монголии с учетом выявленного ранее молекулярно-генетического родства двух индивидов из погребений, разделенных расстоянием 1410 км. Подтверждена принадлежность афанасьевских популяций к прото-европейскому антропологическому типу восточноевропейского происхождения, в рамках которого наибольшее сходство обнаруживает население Центральной Монголии и Алтая. Намечены некоторые морфологические особенности, которые могут отражать кровное родство индивидов, захороненных в разных могильниках афанасьевской общности. Показано отсутствие реальных морфологических различий между черепами из погребений афанасьевской культуры и погребений куротинского типа Горного Алтая.

По методу М. М. Герасимова выполнена графическая реконструкция по черепу мужчины из могильника Шатар-Чулуу афанасьевской общности в Центральной Монголии.

Ключевые слова: Алтай, Монголия, эпоха бронзы, афанасьевская культура, куротинский тип, палеогенетика, биологическое родство, палеоантропология, краниометрия

Цитирование статьи:

Солодовников К. Н., Дашковский П. К., Эрдэнэ М., Нечвалода А. И., Тур С. С., Кравченко Г. Г. Краниологические материалы энеолита — ранней бронзы северо-западной и юго-восточной периферии ареала афанасьевской общности: к вопросам о территориально отдаленных родственных связях и о выделении куротинского типа памятников // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 120–150. DOI 10.14258/nreur(2023)3–06.

K. N. Solodovnikov

Institute of the problems of Northern development of the Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen (Russia)

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

M. Erdene

National University of Mongolia, Ulan Bator (Mongolia)

A. I. Nechvaloda

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa (Russia)

S. S. Tur

Altai State University, Barnaul (Russia)

G. G. Kravchenko

Tomsk State University, Tomsk (Russia)

CRANIOLOGICAL MATERIALS OF THE ENEOLITHIC-EARLY BRONZE AGE OF THE NORTH-WESTERN AND SOUTH-EASTERN PERIPHERY OF THE AFANASIEV COMMUNITY AREA: ON THE QUESTIONS OF TERRITORIALY DISTANT FAMILY RELATIONS AND THE IDENTIFICATION OF THE KUROTIN TYPE OF SITES

The article analyzes the craniometric features of the population of the Afanasevo culture of Northwestern Altai and Central Mongolia, taking into account the previously identified molecular genetic relationship of two individuals from burials separated by a distance of 1410 km. The study confirmed the belonging of the Afanasiev populations to the Proto-European anthropological type of Eastern European origin, within which the population of Central Mongolia and Altai finds the greatest similarity. On the basis of the studied source base, some morphological features are outlined, which may reflect the consanguinity of individuals buried in different cemeteries of the Afanasiev community. The obtained results of the study demonstrate the absence of real morphological differences between the skulls from the burials of the Afanasiev culture and the burials of the Kurotinsky type of Gorny Altai. According to the method of M. M. Gerasimov made a graphic reconstruction of the skull of a man from the Shatar-Chuluu burial ground of the Afanasiev community from Central Mongolia.

Keywords: Altai, Mongolia, Bronze Age, Afanasiev culture, Kurota type, paleogenetics, biological relationship, paleoanthropology, craniometry

---

For citation:

Solodovnikov K. N., Dashkovskiy P. K., Erdene M., Nechvaloda A. I., Tur S. S., Kravchenko G. G. Craniological materials of the eneolithic-early bronze age of the north-western and south-eastern periphery of the afanasiev community area: on the questions of territorially distant family relations and the identification of the kurotin type of sites annotation. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. vol. 28, No. 3. P. 120–150. DOI: 10.14258/nreur(2023)3–06.

Солодовников Константин Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень (Россия). **Адрес для контактов:** solodk@list.ru; ORCID 0000–0003–0925–7219

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; ORCID 0000–0002–4933–8809

Эрдэнэ Мягмар, профессор кафедры антропологии и археологии Монгольского национального университета, Улан-Батор (Монголия). **Адрес для контактов:** merdene@num.edu.mn; ORCID 0000–0003–0400–1177

Нечвалода Алексей Иванович, научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа (Россия). **Адрес для контактов:** striwolf@mail.ru; ORCID 0000–0002–9904–7284

Тур Светлана Семеновна, кандидат исторических наук, заведующая кабинетом антропологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** tur@email.asu.ru; ORCID 0000–0002–0616–6525

Кравченко Геннадий Григорьевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной информатики Томского государственного университета, Томск (Россия). **Адрес для контактов:** ggk_07@mail.ru; ORCID 0009–0002–4289–7840

Solodovnikov Konstantin Nikolaevich, candidate of historical sciences, senior scientist of the Institute of the problems of Northern development of the Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen (Russia). **Contact address:** solodk@list.ru; ORCID 0000–0003–0925–7219

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fjn.asu.ru; ORCID 0000–0002–4933–8809

Erdene Myagmar, Ph. D, Professor of the department of anthropology and archaeology of National University of Mongolia, Ulan Bator (Mongolia). **Contact address:** merdene@num.edu.mn; ORCID 0000–0003–0400–1177

Nechvaloda Aleksey Ivanovitch, scientist of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa (Russia). **Contact address:** striwolf@mail.ru; ORCID 0000–0002–9904–7284

Tur Svetlana Semenovna, candidate of historical sciences, head of the anthropology department of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** tur@email.asu.ru; ORCID 0000–0002–0616–6525

Kravchenko Gennady Grigorievich, candidate of physical and mathematical sciences, docent of the department of applied Informatics of Tomsk State University, Tomsk (Russia). **Contact address:** ggk_07@mail.ru; ORCID 0009–0002–4289–7840

Введение

В глубинных районах Азии бронзовый век начинается формированием афанасьевской культуры на огромных пространствах Южной Сибири и Центральной Азии. Её памятники исследованы на территории Западной и Центральной Монголии, Восточного Казахстана, в Джунгарской котловине и даже на Среднем Зарафшане [Вадецкая и др., 2014; Ковалев, 2019], но наибольшая концентрация прослежена в Горном Алтае и Минусинской котловине [Поляков, 2022]. По калиброванным радиоуглеродным AMS-датам афанасьевский культурный горизонт датируется в пределах 3300–2500 л. до н. э. [Hermes et al., 2020; Poliakov, Svyatko, 2021]. Происхождение афанасьевской культуры на основании антропологических и палеогенетических данных устанавливается как результат миграции населения с территории Восточной Европы, из ареала ямной культурно-исторической области (общности) [Allentoft et al., 2015; Narasimhan et al., 2019]. Однако исследование генома людей из восточноевропейской степи и лесостепи пока что не позволяет определять различия древних популяций на всем её обширном ареале, и образцы афанасьевской культуры группируются в общий ямно-афанасьевский кластер наряду с ямными из погребений с территории Калмыкии, Самарского Поволжья, степного Поднепровья и т. д., а также из ямно-афанасьевского кургана Карагаш с промежуточной территории Центрального Казахстана [Narasimhan et al., 2019]. В то же

время исследование палеоантропологических материалов на современном этапе их накопления дает возможность приблизиться к вопросу поиска «узкой» прародины афанасьевцев. По результатам краниологического анализа наибольшее сходство афанасьевского населения в кругу родственного с территории степей Восточной Европы прослеживается среди ямных популяций Волго-Уралья, а также культурно-генетически связанных с ними групп начала средней бронзы этой территории [Хохлов и др., 2016; Солодовников, Эрдэнэ, 2022].

Обширность ареала афанасьевской культуры в Южной Сибири и Центральной Азии и её предполагавшаяся хронологическая протяженность определяют появление гипотез внутреннего членения афанасьевских памятников. На горноалтайских материалах было предложено разделение афанасьевской культуры на ранние и поздние этапы [Хлобыстина, 1975; Цыб, 1980; 1984]. Но ввиду неразработанности критериев для их выделения [Степанова, 2012б], а также определенной по результатам радиоуглеродного датирования кратковременности существования в горах Алтая афанасьевской культуры порядка трехсот лет [Poliakov et al., 2019] в настоящее время преобладает другой подход в разделении афанасьевского массива. Культурно-хронологическая дифференциация горноалтайских памятников энеолита — ранней бронзы определяется во многом выделением из собственно афанасьевской культуры (или вычлениении из неё) погребений куротинского, арагольского, улитинского и покровского типов [Вадецкая и др., 2014]. Вместе с тем намечается тенденция наименования территориальных вариантов культуры в качестве отдельных археологических культур в составе афанасьевской культурно-исторической общности¹. Так, Алексеем Алексеевичем Тишкиным с соавторами предложено отказаться от выделения алтайского варианта. Название «афанасьевская культура» следует использовать лишь в отношении памятников Минусинской котловины. На Алтае же, по мнению исследователей, существовала самостоятельная культура, которую возможно именовать «сальдьярская» по одному из крупнейших раскопанных могильников [Суразаков, Тишкин, 2007: 86; Тишкин, Серегин, 2012: 202].

Результаты антропологических исследований отчасти могут подкрепить данную точку зрения, поскольку афанасьевское население Горного Алтая по средним данным краниометрически несколько отлично от единокультурного в Минусинской котловине, хотя и принадлежит к тому же протоевропейскому антропологическому типу [Дебец, 1948; Алексеев, 1961; 1981; Солодовников, 2009]. Как предполагается, эти различия могут объясняться, в том числе, адаптацией алтайских групп к экстремальным биоклиматическим условиям Алтайской горной страны [Солодовников и др., 2018]. Результатом данного процесса, по-видимому, является наибольшая высокорослость горноалтайских афанасьевцев на фоне исследованных древних групп с территории Евразии [Солодовников и др., 2018]. Не уступают алтайским афанасьевцам в этом отношении лишь афанасьевцы Центральной Монголии, судя по малочисленным палеоантропологическим материалам из могильника Шатар-Чулуу в предгорьях хребта Хангай [Тумэн, 1978; Солодовников, Эрдэнэ, 2022].

¹ Например, доклад проф. Хань Цзянье (Китайский университет Жэньминь, Пекин, Китай) на II Международной научной конференции «Современные решения актуальных проблем евразийской археологии» в Барнаул в 2018 г. в отношении афанасьевских памятников Синьцзяна.

Профессор А. А. Тишкин также является инициатором и организатором многих палеогенетических исследований, проводимых фактически в евразийском масштабе на обширных материалах из древних погребений разных культурно-хронологических пластов лабораторией под руководством Девида Райха на базе Гарвардской медицинской школы. В одном из таких масштабных исследований [Narasimhan et al., 2019] изучены генетические образцы афанасьевской культуры Горного Алтая, в том числе из могильника Инской Дол, являющегося одним из самых северо-западных афанасьевских памятников Алтая и, таким образом, всего афанасьевского ареала. Он находится в Чинетинском археологическом микрорайоне в Краснощековском районе Алтайского края, открыт и исследован П. К. Дашковским [Дашковский, Степанова, 2019]. По образцу кости человека из кургана 9 могильника Инской Дол получена калиброванная радиоуглеродная дата 2920–2700 гг. до н. э. с вероятностью 95,4% (4255 ± 35 BP, UBA-26406) [Дашковский, Степанова, 2019].

В недавней работе коллектива генетиков под руководством Д. Райха, опубликованной в качестве препринта на сайте bioRxiv [Ringbauer et al., 2023], представлен новый подход в палеогенетических исследованиях, позволяющий проследить биологическое родство отдельных индивидов. В частности, выявлено, что два ранее опубликованных образца из погребений афанасьевской культуры являются родственниками пятой степени родства. Один из них происходит из кургана 6 могильника Инской Дол на Северо-Западном Алтае (образец I11752, BARN-039) [Narasimhan et al., 2019, Table S1], другой — из могильника Шатар-Чулуу в Центральной Монголии (образец SHT002, AT-25) [Jeong et al., 2020] с датировкой 3316–2916 гг. до н. э. (4410 ± 31 BP, OxA-36221) [Ringbauer et al., 2023, Suppl. Table 1]. Эти могильники разделяет расстояние 1410 км, оба индивида имеют типичный для афанасьевского населения генетический профиль и кластеризуются с другими афанасьевскими образцами. По мнению исследователей, их тесная биологическая связь свидетельствует о том, что по крайней мере один индивид в цепи родства между ними должен был преодолеть за свою жизнь несколько сотен километров [Ringbauer et al., 2023: 18, Fig. 4].

Материал и методы

На могильнике Инской Дол зафиксированы две планиграфические группы оград, отличающиеся конструктивно, ориентацией костяков, формой и технологией изготовления керамики. Данные признаки в курганах 4, 5, 9 южной группы могильника характерны для памятников собственно афанасьевской культуры, а в курганах северной группы (№ 6–8) могильника Инской Дол — для погребений куротинского типа [Дашковский, Степанова, 2019]. В этой связи представляется существенным, что при общем сходстве с афанасьевскими памятниками Среднего Енисея и Алтая в афанасьевских могильниках Центральной Монголии (Шатар-Чулуу в юго-западных, и Алтан-сандал в северо-восточных предгорьях Хангая) [Волков, 1980; Новгородова, 1989: 81–84], на взгляд авторов, фиксируются признаки, сближающие их с погребениями куротинского типа Алтая, в частности, по ориентации погребенного головой на восток [Степанова, 2012а; Вадецкая и др., 2014: 325–327]. Таким образом, оба обсуждаемых палеогенетических образца происходят из погребений куротинского типа, или могильников, где наряду с ку-

ротинскими присутствуют и афанасьевские курганы, что характерно для такого типа алтайских памятников [Вадецкая и др., 2014: 327]. Однако Инской Дол является самым северо-западным, а Шатар-Чулуу — самым юго-восточным из исследованных могильников афанасьевской общности. Их локализация в противоположных периферийных областях афанасьевского ареала (рис. 1)¹ не может не вызывать удивления.

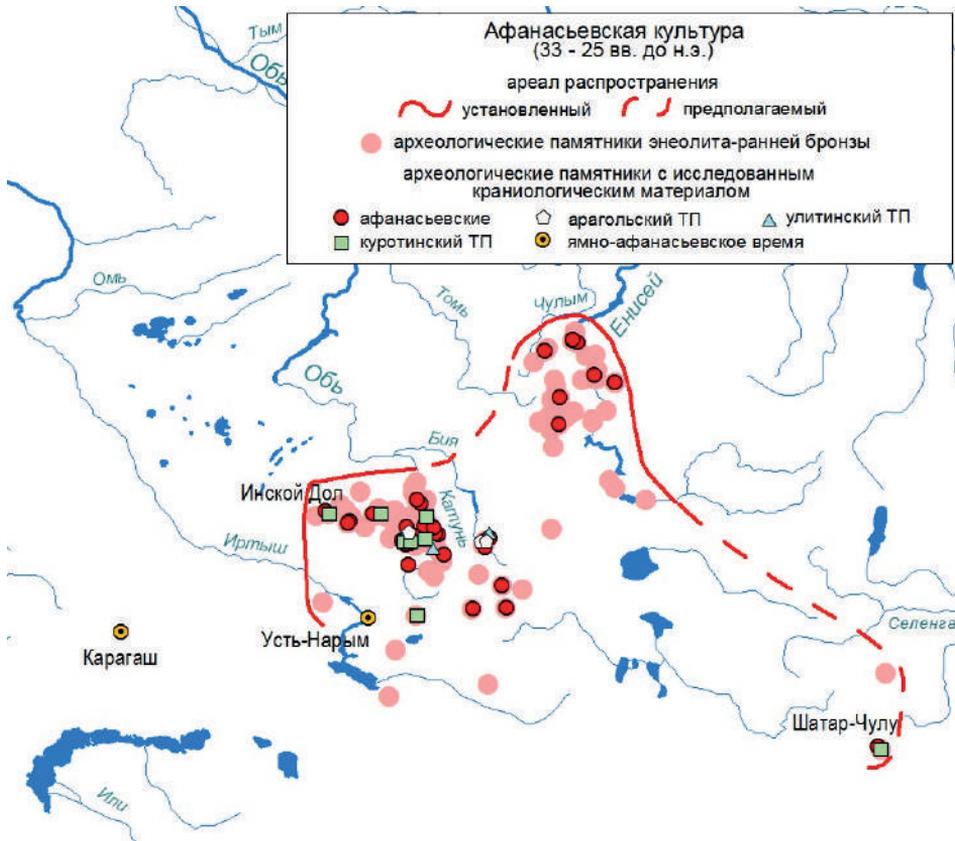

Рис. 1. Археологические памятники афанасьевской общности, могильники с исследованными краниологическими материалами [Хохлов и др., 2016, рис. 2] с изменениями и дополнениями

Fig. 1. Archaeological monuments of the Afanasiev community, burial grounds with craniological materials studied [Khokhlov et al., 2016, fig. 2] with changes and additions

¹ По сравнению с предыдущей работой [Хохлов и др., 2016, рис. 2] на карте не обозначена южная граница афанасьевского ареала в связи с появлением данных по наличию афанасьевских могильников в Джунгарии [Ковалев, 2019] и на Сауре и Тарбагатае в Восточном Казахстане [Ковалев, 2019; Мерц, 2021]. Уточнение даты погребения ямно-афанасьевского типа могильника Григорьевка II на Иртышане, череп из которого использовался для выявления ямно-афанасьевских расо-генетических связей [Хохлов и др., 2016], позволяет исключить его из рассматриваемой проблематики. Погребение датируется последней четв. III тыс. до н. э. (3752±35 BP, UBA-32665) [De Barros Damgaard, et al., 2018, table S3], что соотносится с краниологическим отличием погребенной от ямно-афанасьевского населения и сходством с местными азиатскими группами [Хохлов и др., 2016: 92–94].

Оба могильника представлены краниологическими материалами, исследованными авторами работы. Палеоантропологические материалы из могильника Инской Дол хранятся в кабинете антропологии Алтайского госуниверситета (Барнаул, Россия), из могильника Шатар-Чулуу — в лаборатории биоархеологии Монгольского национального университета (Улан-Батор, Монголия). Черепа изучены по краниометрической программе [Алексеев, Дебец, 1964] с добавлением угла поперечного изгиба лба [Гохман, 1961].

Исследованные черепа взрослых индивидов алтайского могильника происходят из курганов 5 и 6. Их данные дополнены измерениями мужского черепа из кургана афанасьевского времени 28 на могильнике Ханкаринский дол, также находящегося в Чинетинском археологическом микрорайоне в Северо-Западном Алтае. Как в курганах северной группы расположенного от него в 600 м могильника Инской Дол, положение костяка в его погребении головой на восток характерно для куротинского типа погребений Алтая [Дашковский, 2019]. Сохранность костной ткани антропологических останков из могильников Чинетинского микрорайона посредственная, черепа потребовали реставрационной работы, краниологические материалы из Шатар-Чулуу существенно лучшей сохранности.

Для статистического сопоставления полученных краниометрических данных проведен анализ главных компонент (программа Statistica 10) по наиболее важным расово-диагностирующим признакам, вместе достаточно полно описывающих морфологические параметры краниума человека. Это длина, ширина и высота черепа от порионов, ширина и угол профиля лба, ширина и высота лица, орбит и носового отдела, углы назо-малярный и зиго-максиллярный, общего лицевого профиля и выступления носа, симметрические размеры. Они дополнялись шириной основания черепа, лобной хордой и указателем выпуклости лба. Вместе эти двадцать признаков хорошо дифференцируют афанасьевское население и представителей автохтонных южносибирских популяций [Солодовников, Рыкун, 2018]. В случае отсутствия на черепе измерений не более шести из них, отсутствующие заменялись на средние для исследуемой совокупности значения. Вместе анализировались индивидуальные измерительные данные мужских и женских черепов. Последние приведены к условно «мужским» величинам в соответствии со средними коэффициентами полового диморфизма [Алексеев, Дебец, 1965, табл. 12], а для углов вертикальной профилировки использовалась средняя разница между значениями границ мужских и женских категорий размеров [Алексеев, Дебец, 1965, табл. 5, 6, 9, 10]. Парное статистическое сравнение сгруппированных серий черепов проведено с помощью критерия Манна-Уитни (программа Statistica 10). Для восстановления внешнего облика погребенного в профильной норме и анфас применена методика графической реконструкции лица по черепу М.М. Герасимова [1949; 1955] с модификациями [Лебединская, 1998; Никитин, 2009; Rynn et al., 2009].

Краниологические материалы из могильников Северо-Западного Алтая

Череп со следами охры мужчины зрелого возраста из кургана 5 могильника *Инской Дол* представлен неполной мозговой коробкой и нижней челюстью (рис. 2.-1). Краниум массивный, с развитым наружным рельефом, очень длинный и узкий, эллипсоид-

ный в вертикальной норме, высокий от порионов, резко долихокраний по черепному указателю и акрокраний по высотно-поперечному от порионов. Лоб среднеширокий в месте наибольшего сближения лобных линий, широкий на коронарном шве, мало выпуклый в сагиттальной плоскости и резко профилированный в горизонтальной, затылок среднеширокий, выступающий и изогнутый. Судя по поперечным размерам на сохранившихся скуловых дугах, как и на лобно-скуловом шве, лицевой отдел широкий, горизонтальная профилировка его на назо-малярном уровне резкая. Нижняя челюсть очень длинная, особенно от углов, среднеширокая, с широким подбородком, широкими и очень высокими вертикально поставленными ветвями (табл. 1).

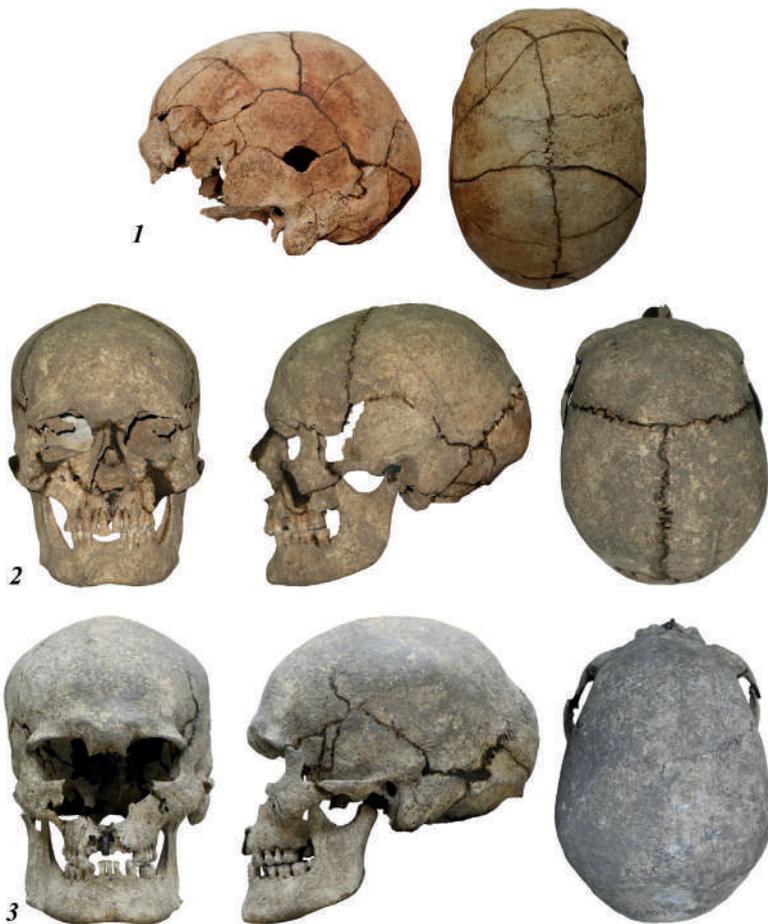

Рис. 2. Черепа из погребений куротинского типа Северо-Западного Алтая: 1 – Инской Дол, курган 5; 2 – Инской Дол, курган 6; 3-Ханкаринский дол, курган 28 (здесь и далее – фото К. Н. Солодовникова; масштаб единый за исключением рис. 3. -3)

Fig. 2. Skulls from Kurotin type burials of the Northwestern Altai: 1 – Inskoi Dol, kurgan 5; 2 – Inskoi Dol, kurgan 6; 3-Khankarinsky Dol, kurgan 28 (here and further – photo by K. N. Solodovnikov; the scale is the same except for Fig. 3.-3)

Череп со следами охры из кургана 6 (рис. 2.-2) принадлежал молодой женщине, также очень длинный и узкий, резко долихокраний, эллипсоидный, со средневыраженным наружным рельефом. Абсолютная и относительная к ширине черепа высота мозговой капсулы большая от базиона и средняя от порионов. Основание черепа очень длинное и широкое, лоб широкий на обоих уровнях, средневыпуклый, очень наклонный для женских категорий размеров, профилированный в горизонтальном плане. Затылок среднеширокий, выпуклый и изогнутый. Лицевой отдел очень широкий на уровне скуловых дуг и лобно-скулового шва, выраженно ортогнатный по указателю выступления и углам вертикальной профилировки, и резко клиногнатный в горизонтальной плоскости, клыковая ямка мелкая, скуловые кости покатые. Высота лица по отношению к его широтным размерам малая, по абсолютным значениям верхней и полной высоты лица — средняя. Орбиты очень широкие и очень низкие, гиперхамеконхные. Носовой отдел средних на границе с большими значениями основных диаметров, с атропинным нижним краем грушевидного отверстия. Переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения очень высокие абсолютно и по дакриальному и симотическому указателям, угол выступления носа к линии общего лицевого профиля крайне большой. Нижняя челюсть очень длинная среднеширокая, с высоким массивным телом, широким подбородком, широкими высокими вертикальными ветвями.

У черепа мужчины зрелого возраста из кургана 28 могильника *Ханкаринский дол* отсутствуют кости центральной части лицевого отдела (рис. 2.-3). Он массивный, очень крупный по обхватным размерам, овоидной формы, с сильно выраженным наружным рельефом, гипердолихокраний по поперечно-продольному указателю. Мозговая капсула с крайне большим продольным диаметром, большой шириной и высотой от базиона и порионов, основание черепа широкое и очень большой длины. Лоб очень наклонный, слабовыпуклый, и горизонтально сильно профилированный. Наименьшая ширина лба малой категории величин как абсолютно, так и, особенно, по отношению к ширине черепа и лица, наибольшая ширина лба — средняя. Затылок очень широкий и выступающий. Лицевой отдел ортогнатный по углам вертикальной профилировки и более выступающий по указателю Фогта-Флауэра, горизонтальная профилировка лица очень резкая, одновременно клыковая ямка очень мелкая, а скуловые кости слабоизогнутые. Лицо широкое на всех уровнях, высота его большая при измерении до альвеолярной точки и средней высоты до гнатиона, относительно скулового диаметра — средняя. Носовой отдел высокий с атропинным нижним краем, орбиты очень низкие и визуально широкие. Нижняя челюсть среднемассивная, очень длинная, узкая в мышелках и очень широкая в углах, с ветвью средних размеров и наклона, выступающим среднешироким и средневысоким подбородком для мужских категорий размеров.

В целом, черепа из Северо-Западного Алтая демонстрируют сходство в измерительных и описательных параметрах. Даже с учетом неполной сохранности можно уверенно полагать, что они относятся к массивному долихокранному широколицему антропологическому типу с резко выраженными европеоидными особенностями, называемому протоевропейским. Морфологические отличия черепов близки к обычной индивидуальной изменчивости, к которой можно отнести различия в особенностях вертикальной профилировке и высоте лица женского черепа из могильника *Инской Дол*

и мужского из Ханхаринского дола, т. е. сводятся в данном случае к второстепенным признакам.

Таблица 1

Индивидуальные измерения черепов из погребений афанасьевской культуры и куротинского типа Северо-Западного Алтая и Центральной Монголии

Регион	Северо-Западный Алтай			Центральная Монголия	
	Инской Дол		Ханкаринский дол	Шатар-Чулуу	
	Курган			Могила	
Памятник					
Курган (могила), шифр	5	6	28	3 АТ-25	2 АТ-26
Признак по Мартину и др.	♂40–50	20–25♀	♂40–50	♂40–50	♂45–55
1. Продольный диаметр от г.	195	185	203	193	199
1b. Продольный диаметр от оп.	192	182	196	191	193
8. Поперечный диаметр	135	133	148	151?	141
8:1. Черепной указатель	69,2	71,9	72,9	78,2?	70,9
17. Высотный диаметр от ба.	—	132	140	142**	140
17:1. Высотно-продольный указатель от ба.	—	71,4	69,0	73,6	70,4
17:8. Высотно-поперечный указатель от ба.	—	99,2	94,6	94,0?	99,3
20. Высотный диаметр от ро.	120	109	118	121	121
20:1. Высотно-продольный указатель от ро.	61,5	58,9	58,1	62,7	60,8
20:8. Высотно-поперечный указатель от ро.	88,9	82,0	79,7	80,1?	85,8
5. Длина основания черепа	—	108	111	—	105
9. Наименьшая ширина лба	94,1	98,5	91,5	107,4	94,8
ВПИЛ. Высота поперечного изгиба лба	25,4	24,6	22,2	27,5	22,9
∠ПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	123,3	126,9	128,2	125,8	128,4
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,7	74,1	61,8	71,1?	67,2
10. Наибольшая ширина лба	123	116	120?	122	115
9:10. Лобный указатель	76,5	84,9	76,3	88,0	82,4
11. Ширина основания черепа	121	123	132	135	127
12. Ширина затылка	108	104	118	113	116
29. Лобная хорда	115	106	121	118	120
Sub. Nβ. Высота изгиба лба	25,4	25,1	24,7	27,1	28,7
Sub. Nβ:29. Указатель выпуклости лба	22,1	23,7	20,4	23,0	23,9
30. Теменная хорда	124	116	116	110	124
31. Затылочная хорда	93	90	101	111	101
OS. Высота изгиба затылка	28,3	25,0	35,5	35,5	28,7
23а. Горизонтальная окружность через оп.	527	503	543	543	531
24. Поперечная дуга	334	308	328	341	332
25. Сагиттальная дуга	383	352	395	396	399
26. Лобная дуга	130	120	132	137	137
27. Теменная дуга	135	128	125	119	141

Продолжение таблицы 1

Регион	Северо-Западный Алтай			Центральная Монголия	
	Памятник	Инской Дол	Ханкаринский дол	Шатар-Чулуу	
		Курган		Могила	
28. Затылочная дуга	118	104	138	140	121
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	33,9	34,1	33,4	34,6	34,3
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	35,2	36,4	31,6	30,1	35,3
28:25. Затылочно-сагиттальный указатель	30,8	29,5	34,9	35,4	30,3
28:27. Затылочно-теменной указатель	87,4	81,3	110,4	117,6	85,8
7. Длина затылочного отверстия	—	32,3?	36,8	—	34,0*
16. Ширина затылочного отверстия	—	29,0?	30,2	—	—
16:7. Указатель затылочного отверстия	—	89,8?	82,1	—	—
32. Угол профиля лба от п.	—	79	77	83	81*
GM/FH. Угол профиля лба от г.	—	72	71	74	72***
33 (1). Угол верхней части затылка	—	94	87	89	—
33 (2). Угол нижней части затылка	—	30	34	25	—
33 (4). Угол перегиба затылка	118	124	121	114	114
34. Угол затылочного отверстия	—	-7	-5	—	—
Надпереносье (1–6)	4	3	5	5	5,5
Надбровные дуги (1–3)	3	2	3	2	3
Наружный затылочный бугор (0–5)	—	1	4	3	3
Сосцевидный отросток (1–3)	3	1	3	3	3
Форма черепа сверху	ellips.	ellips.	ovoid.	ovoid.	ovoid.
40. Длина основания лица	—	101?	112?	—	100*
40:5. Указатель выступания лица	—	93,5?	100,9?	—	95,2
45. Скуловой диаметр	138	134?	139	147	136
48. Верхняя высота лица	—	68	76?	66,5	68***
47. Полная высота лица	—	108	121	112	116*
48:45. Верхний лицевой указатель	—	50,7?	54,7?	45,2	50,0
47:45. Полный лицевой указатель	—	84,8?	87,1	76,2	85,3
45:8. Поперечный фацио-церебральн. ук-ль	102,2	94,7?	93,9	97,4?	96,5
48:17. Вертикальный фацио-церебр. ук-ль	—	51,5	54,3?	45,2	48,6
9:45. Лобно-скуловой указатель	68,2	76,5?	65,8	73,1	69,7
43. Верхняя ширина лица	110	109	110	118	112
46. Средняя ширина лица	—	92?	102	103	103*
60. Длина альвеолярной дуги	—	52	—	—	—
61. Ширина альвеолярной дуги	—	59?	64	69,5	—
61:60. Челюстно-альвеолярный указ-ль	—	113,5?	—	—	—
62. Длина нёба	—	—	—	—	—

Продолжение таблицы 1

Регион	Северо-Западный Алтай			Центральная Монголия	
	Памятник	Инской Дол	Ханкаринский дол	Шатар-Чулуу	
		Курган		Могила	
63. Ширина нёба	—	38,0	—	42,0*	—
63:62. Нёбный указатель	—	—	—	—	—
51. Ширина орбиты от mf.	—	44,0	—	45,5	42,0**
51а. Ширина орбиты от d.	—	41,4	—	43,0	41,0**
52. Высота орбиты	—	30,0	29,4	29,5	30,0*
52:51. Орбитный указатель от mf.	—	68,2	—	64,8	71,4
52:51а. Орбитный указатель от d.	—	72,5	—	68,6	73,2
55. Высота носа	—	50,7	56,4	49,0	46,0***
54. Ширина носа	—	25,9?	—	25,8	27,0*
54:55. Носовой указатель	—	51,1?	—	52,7	58,7
Нижний край грушевидного отверстия	—	anth.	anth.	fos. pr.	fos. pr.*
Передненосовая ось (1–5)	—	3	3?	3	1**
SC. Симотическая ширина	—	8,0?	—	10,2	8,0*
SS. Симотическая высота	—	5,0	—	6,5	5,0*
SS: SC. Симотический указатель	—	57,8?	—	63,7	62,5*
MC. Максиллофронтальная ширина	21,0?	18,3	—	23,7	25,0*
MS. Максиллофронтальная высота	—	8,6	—	8,8	10,0*
MS: MC. Максиллофронтальный указатель	—	47,0	—	37,1	40,0*
DC. Дакриальная ширина	—	22,0	—	26,7	25,0*
DS. Дакриальная высота	—	14,2	—	15,5	14,0*
DS: DC. Дакриальный указатель	—	64,5	—	58,1	56,0*
FC. Глубина клыковой ямки	—	2,2 ^{pp}	0,5	5,0	1,0*
Hз. Высота изгиба скуловой кости	—	10,3	10,7	13,3	14,0*
Bz. Ширина скуловой кости	—	53,0	54,7?	53,5	57,0*
lhz. Указатель изгиба скуловой кости	—	19,4	19,6?	24,9	24,6
43 (1). Биорбитальная ширина	103,2	101,0	102,0	107,2	104,2
BH. Высота назиона	19,8?	21,4	23,5	20,8	20,0
77. Назо-малярный угол	138,0?	134,1	130,5	137,6	138,0
Zm'-Zm'. Зиго-максиллярная ширина	—	90,0?	103,0	104,6	98,0*
BC. Высота субспинале	—	24,0	30,4	23,8	20,0*
∠Zm'. Зиго-максиллярный угол	—	123,9?	118,9	131,1	135,6
72. Общий лицевой угол	—	88	86?	90	85*
73. Средний лицевой угол	—	90	89	94	89*
74. Угол альвеолярной части лица	—	78	77?	84	67*
75. Угол носовых костей к горизонтали	—	49	—	50	51*
75 (1). Угол выступления носа	—	39	—	40	34*

Окончание таблицы 1

Регион	Северо-Западный Алтай			Центральная Монголия	
	Памятник	Инской Дол	Ханкаринский дол	Шатар-Чулуу	
		Курган		Могила	
68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	119	109	115	108	111**
79. Угол ветви нижней челюсти	115	117	122	117	116
68. Длина нижней челюсти от углов	92	85	87	83	86
70. Высота ветви нижней челюсти	73	64	61	70	66
71а. Наименьшая ширина ветви	37,0	35,0	35,0	39,2	34,9
65. Мыщелковая ширина	115?	118	116	—	—
66. Угловая ширина	98	96	110	100	115
67. Передняя ширина	47,5	46,5	45,4	46,7	48,0
69. Высота симфиза	—	—	32,7	33,9	37,7
69 (1). Высота тела нижней челюсти	—	31,7	32,6	33,7	33,0 ^{pp}
69 (3). Толщина тела нижней челюсти	—	12,5	12,5	13,3	15,9
∠C'. Угол выступания подбородка	—	—	62	72	68

Примечание: измерения отсутствующих частей краниумов приведены по: * — Д. Тумэн [1979, табл. 1]; ** — Н. Н. Мамоновой [1980, табл. 5]; *** — исправлениям В. П. Алексеева и И. И. Гохмана. В соответствие с ними вычислены указатели и углы.

Краниологические материалы из Центральной Монголии

Череп из могильника Шатар-Чулуу исследовались ранее по краниометрической программе Д. Тумэн [1979], Н. Н. Мамоновой [1980] и повторно В. П. Алексеевым и И. И. Гохманом совместно с Д. Тумэн¹ [Алексеев и др., 1987]. В последней работе дана краткая таблица средних значений по двум черепам без индивидуальных измерений. Рассмотрение опубликованных индивидуальных данных обнаруживает ряд разночтений, выходящих за обычные межисследовательские отличия. По-видимому, только часть из них могут объясняться выявленными расхождениями методического характера [Алексеев и др., 1987, примеч. 7], а часть — сохранностью материала, ошибками по шкале измерений или при вычислении из исходных размеров. Приведенные в таблице 1 краниометрические данные можно считать конвенциональными, учитывающими эти особенности материала, и ранее опубликованные измерения в связи с утерей некоторых фрагментов черепов.

Череп мужчины зрелого возраста из могилы 3² Шатар-Чулуу (шифр лаборатории биоархеологии АТ-25) без мыщелка левой ветви нижней челюсти и основания черепа, густо окрашенный красной охрой. Краниум массивный, с очень большими обхватными размерами, сильно выраженными элементами наружного рельефа, овоидной фор-

¹ Выражаем искреннюю признательность профессору Монгольского национального университета Д. Тумэн за полную предоставленную информацию о краниометрических данных и обстоятельствах исследования черепов из могильника Шатар-Чулуу.

² В публикации Н. Н. Мамоновой [1980, табл. 1] и в статье Д. Тумэн [1979, табл. 1] обозначен как Мог. 5.

мы. Основные диаметры черепа, ширина его основания и наименьшая ширина лба очень больших категорий размеров, их соотношения — средних. Лобная кость длинная, относительно выпуклая в сагиттальной и горизонтальной плоскостях, средненаклонная во франкфуртской горизонтали. Затылок широкий, выпуклый и сильно изогнутый. Лицевой отдел выраженно ортогатный, низкий, очень широкий на всех уровнях как абсолютно, так и по лицевым и вертикальному фацио-церебральному указателям, со среднеглубокой клыковой ямкой и средне изогнутыми скуловыми костями. Орбиты очень широкие и столь же низкие, гиперхамеконхные. Носовой отдел с нижним краем грушевидного отверстия в виде предносовых ямок и выступающей передносовой остью, низкий и среднеширокий хамеринный. Назо-малярный угол малый, зиго-максиллярный — близ границы малых и средних величин. Переносье и носовые кости в наиболее узком месте довольно большой ширины, значения симотического и дакриального указателей, а также угла выступания носа находятся около верхних границ среднегруппового мирового максимума (рис. 3.-1). Нижняя челюсть массивная, длинная от углов и средней длины от мышцелков, с прямо поставленными очень широкими и высокими ветвями. Ширина её средняя в углах и на уровне подбородочных отверстий, подбородок средневысокий и средневыступающий.

Рис. 3. Черепа из погребений Центральной Монголии: 1 — Шатар-Чулуу, могила 3 (АТ-26); 2 — Шатар-Чулуу, могила 2 (АТ-26); 3 — АТ-26, фрагменты свода черепа и нижней челюсти женщины (?)

Fig. 3. Skulls from burials of Central Mongolia: 1 — Shatar-Chuluu, grave 3 (AT-26); 2 — Shatar-Chuluu, grave 2 (AT-26); 3 — AT-26, fragments of the skull vault and lower jaw of a woman (?)

На черепе мужчины зрелого возраста из могилы 2 могильника Шатар-Чулуу¹ (АТ-26), ярко окрашенного красной охрой (рис. 3.-2), отсутствует лицевая часть по сравнению с измерительными данными в предыдущих работах. С учетом последних, его морфологическая характеристика (табл. 1) следующая. Краниум с резко выраженными элементами наружного рельефа, очень крупный и массивный, овоидный в вертикальной норме. Мозговая капсула очень длинная, высокая и среднеширокая, резко долихокранная и акрокранная по указателям, основание черепа также очень длинное и среднеширокое. Лобная кость по поперечным размерам близ границ средних и малых величин, длинная и выпуклая в обеих плоскостях. Затылок широкий, выпуклый и резко преломленный. Лицевой отдел ортогнатный по общему и среднему лицевым углам и указателю выступления, и, возможно, более прогнатный в альвеолярном отделе. Клыковая ямка очень мелкая, скуловые кости довольно выпуклые как у другого черепа из Шатар-Чулуу, лицевой скелет также резко профилирован на верхнем горизонтальном уровне, и средне — на уровне нижнего края скуловых костей. Лицо у черепа АТ-26 широкое на среднем и верхнем уровне, и на границе средних и больших категорий величин на уровне скуловых дуг. Верхняя высота лица абсолютно и относительно малая, полная высота лица — средняя. Орбиты, по-видимому, среднеширокие или широкие, абсолютно и относительно очень низкие. Носовой отдел широкий и одновременно очень низкий гиперхамеринный, с нижним краем грушевидного отверстия в форме предносовых ямок и слабо выступающей передненосовой остью. Вместе с тем переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения абсолютно и относительно очень высокие, а угол выступления носа к общему лицевому профилю очень большой. Нижняя челюсть массивная, очень длинная и очень широкая от углов, с вертикально поставленными высокими среднеширокими ветвями. Подбородок высокий и широкий, средневыступающий.

Также под инвентарным номером АТ-26 имеются фрагменты затылочной и теменной кости, и нижней челюсти со следами охры (рис. 2.-3), принадлежащих, по-видимому, молодой женщине (?) 25–35 лет. Приводим наличествующие измерительные и описательные данные, для которых использованы только нумерация или иные обозначения признаков: 30–106; 31–95; 27–115; 28–118; OS — 28,0; НЗБ — 1; 71a — 37,5; 69 (1) — 32,4; 69 (3) — 13,2. Судя по ним, в соответствии с женскими категориями размеров теменные и затылочная кости недлинные, соотношение их сагиттальных дуг соответствует средним по мужским черепам (табл. 1), нижняя челюсть с очень широкой ветвью, очень высоким и очень массивным телом. Существует некоторая возможность, нуждающаяся в проверке, что данные фрагменты происходят из разрушенного основного погребения в афанасьевском кургане (возможно, могила 6), где раскопано впускное средневековое погребение, череп женщины из которого был изначально опубликован [Алексеев и др., 1987, табл. 2] как принадлежащий к афанасьевской культуре [Солодовников, Эрдэнэ, 2022, прим. 4]. Последний в хранении лаборатории биоантропологии Монгольского национального университета отсутствует.

В целом, морфологические различия между мужскими черепами из Шатар-Чулуу сводятся к большим или меньшим поперечным размерам мозгового и лицевого отделов.

¹ В работе Д. Тумэн [1979] — могила 3, в статье Мамоновой [1980] — также могила 2.

В качестве их общих особенностей сравнительно с афанасьевскими материалами Южной Сибири можно отметить несколько более выпуклую в сагиттальной плоскости лобную кость, низкое лицо, тенденцию к его средней уплощенности на уровне подносовой точки и более выступающие скуловые кости. С учетом этих возможных локальных особенностей вслед за другими исследователями следует признать, что антропологический тип афанасьевцев Центральной Монголии сходен с типом единокультурного населения Южной Сибири. Женский и мужской черепа, для которых генетики выявили биологическое родство пятого порядка, на фоне остальных краниологических материалов афанасьевской культуры и близких культурных типов Алтая обнаруживают сходство своей низколицестью и крайне большим скуловым диаметром (близко к групповому мировому максимуму) вместе со столь же большим углом выступания носовых костей. Однако такое сочетание морфологических признаков встречается и на других афанасьевских черепах.

Различия антропологического типа населения афанасьевской культуры и куротинского типа Алтая и Центральной Монголии

Для более объективной оценки морфологического сходства между женщиной из кургана 6 могильника Инской Дол и мужчиной из могилы 3 Шатар-Чулуу проведен анализ главных компонент, для которого использованы индивидуальные измерения мужских и пересчитанных на «мужские» значения женских черепов афанасьевской культуры и близких культурных типов Алтая [Алексеев, 1961; Исмагулова, 1989; Чикишева, 1994; 2000; 2012; Солодовников, 2003; 2005; 2010] (а также неопубликованные материалы авторов). Судя по нагрузкам (табл. 2) на признаки, первая главная компонента (ГК I) является по существу фактором размера и дифференцирует черепа афанасьевской культуры, куротинского и арагольского типов на более и менее крупные. Оба черепа из Северо-Западного Алтая расположены в отрицательном поле «массивных» значений ГК I. Сравнительно недалеко от женского черепа из Инского Дола в двухфакторном поле и положение мужского черепа из могилы 3 Шатар-Чулуу. При этом оба краниума из Центральной Монголии полностью вписаны во внутригрупповую морфологическую изменчивость алтайских черепов, располагаясь в центральном скоплении около нейтральных значений по обоим ГК (рис. 4).

Таблица 2

Факторные нагрузки двух первых главных компонент (I–II) мужских и пересчитанных на «мужские» женских черепов

Признак		ГК I	ГК II
1	Продольный диаметр	-0,624	0,167
8	Поперечный диаметр	-0,531	-0,081
20	Высотный диаметр от ро.	-0,519	-0,121
9	Наименьшая ширина лба	-0,502	-0,527
11	Ширина основания черепа	-0,562	0,059
29	Лобная хорда	-0,747	0,047
Sub. №:29	Указатель выпуклости лба	0,057	-0,712
32	Угол профиля лба	0,292	-0,740

Окончание таблицы 2

Признак		ГК I	ГК II
45	Скуловой диаметр	-0,641	0,193
48	Верхняя высота лица	-0,575	0,209
72	Общий лицевой угол	-0,342	-0,022
77	Назо-малярный угол	0,324	-0,088
$\angle Zm'$	Зиго-максиллярный угол	-0,262	-0,198
51	Ширина орбиты	-0,622	0,128
52	Высота орбиты	-0,229	0,078
55	Высота носа	-0,571	0,039
54	Ширина носа	-0,283	-0,264
75 (1)	Угол выступания носа	-0,158	0,127
SC	Симотическая ширина	-0,253	-0,644
SS	Симотическая высота	-0,356	-0,489
λ	Собственные числа	4,249	2,278
P, %	Доля в общей дисперсии	21,243	11,389

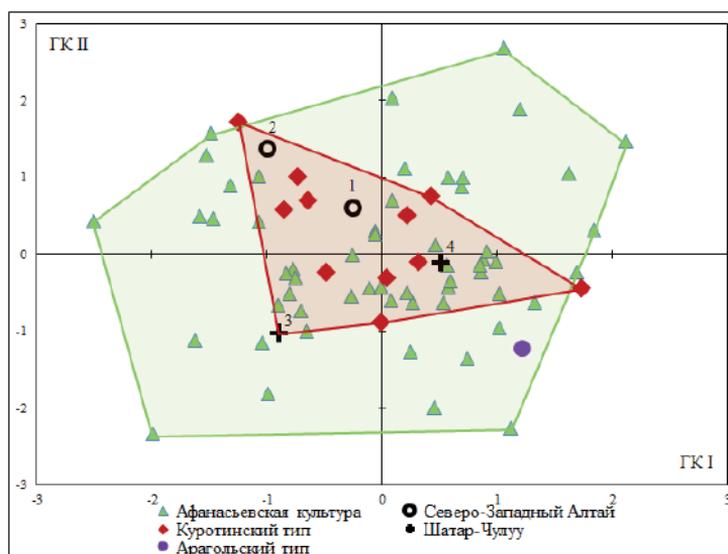

Рис. 4. Положение мужских и пересчитанных на «мужские» женских черепов в пространстве I и II главных компонент (ГК): 1 – Инской Дол, кург. 6; 2 – Ханкаринский дол, кург. 28; 3 – Шатар-Чулуу, мог. 3 (АТ-25); 4 – Шатар-Чулуу, мог. 2 (АТ-26). Обведено положение черепов из погребений афанасьевской культуры и куротинского типа (в том числе из могильника Шатар-Чулуу)

Fig. 4. The position of male and female skulls converted to «male» in the space of the I and II main components (GC): 1 – Inskoi Dol, kurgan. 6; 2 – Khankarinsky Dol, kurgan. 28; 3 – Shatar-Chuluu, mog. 3 (AT-25); 4 – Shatar-Chuluu, mog. 2 (AT-26). The position of skulls from the burials of the Afanasiev culture and the Kurotin type (including from the Shatar-Chuluu burial ground) is circled

Вторая главная компонента дифференцирует преимущественно краниологические материалы афанасьевской культуры. Она формирует морфологический комплекс, включающий менее широкий, наклонный и слабовыпуклый лоб, меньшие синомические размеры. Наибольшие положительные нагрузки по ГК II у трех черепов из могильника Кара-Коба I, чьи краниологические материалы по сравнению с сериями из других могильников отличаются морфологическим своеобразием. По таким характерным признакам, как меньшие размеры (особенно высота) черепной коробки, узкий покатый лоб и относительная узконосость, серия из Кара-Кобы очень гомогенна [Солодовников, 2003: 4]. Отличающиеся обратными соотношениями черепа из находящегося в том же Теньгинском микрорайоне могильника Первый Межелик I [Солодовников, 2003: 4] на поле двух первых главных компонент противостоят происходящим из Кара-Кобы I. Не исключено, что выявляемые различия по ГК II являются отражением семейной или родовой изменчивости. Отсутствие значимых нагрузок на углы горизонтальной профилировки лица и выступания носа по первым двум главным компонентам, по-видимому, свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь заметного влияния автохтонных южносибирско-центральноазиатских антропологических комплексов на антропологический состав афанасьевского населения не только на групповом [Хохлов и др., 2017; Солодовников, Эрдэнэ, 2022], но и на индивидуальном уровнях.

Черепы из погребений собственно афанасьевской культуры морфологически более разнообразны, чем черепы куротинского типа, в числе которых включенные в анализ по критерию сохранности два черепа из Северо-Западного Алтая и два из Шатар-Чулуу. Можно также предположить, что на графике (рис. 4) куротинские материалы тяготеют к положительным значениям ГК II. Однако они существенно уступают в численности афанасьевским, поэтому оценить значимость этого наблюдения сложно. К тому же при сопоставлении серий афанасьевской культуры и куротинского типа Алтая¹ различия по отдельным признакам, имеющим наибольшие нагрузки по второй главной компоненте, противоположны — в куротинской группе указатель сагиттального изгиба лба у мужчин даже несколько больше, чем в афанасьевской (табл. 3). В целом, различия между афанасьевскими и куротинскими сериями Алтая статистически отсутствуют. Достоверных отличий по 39-ти краниометрическим признакам с помощью критерия Манна-Уитни (при $p < 0,05$) ни по одному из них не выявляется.

---

¹ Суммированы на основании сведений в «Своде памятников афанасьевской культуры» [Вадецкая и др., 2014]. В серию афанасьевской культуры добавлены измерения фрагментарного черепа из Катанды-2 [Полосьмак, Чикишева, 2020], женского из могильника Сапа [Мерц, 2021] в Тарбагатае (измерения К. Н. Солодовникова), в куротинскую — краниума мужчины из могильника Черновая II в долине р. Нарым [Исмагулова, 1989]. Измерения женского и мужского черепов из Каминной пещеры [Чикишева, 2000] включены в афанасьевскую серию на основании присутствия в её слоях афанасьевской керамики [Вадецкая и др., 2014: 3–37] и соответствующей ей радиоуглеродной даты XXX в. до н. э. [Narasimhan et al., 2019, Table S1], выполненной, вероятно, по образцу из скорченного на боку погребения женщины [Ефремов, 2005].

Таблица 3

**Серии черепов афанасьевской культуры и куротинского типа
Алтая и Центральной Монголии**

Регион	Горный Алтай				Центральная Монголия
	Культура, тип погребений	Афанасьевская культура		Куротинский тип	
Признак по Мартину и др.	♂ x (n)	♀ x (n)	♂ x (n)	♀ x (n)	♂ x (n)
1. Продольный диаметр	192,1 (40)	183,3 (31)	192,5 (11)	185,3 (8)	196,0 (2)
8. Поперечный диаметр	142,8 (41)	138,7 (30)	144,0 (11)	139,1 (8)	146,0 (2)
8:1. Черепной указатель	74,3 (39)	75,7 (28)	74,9 (11)	75,1 (8)	74,5 (2)
17. Высотный диаметр от ba.	138,8 (26)	134,3 (26)	140,2 (6)	136,0 (5)	141,0 (2)
17:1. Высотно-продольный указатель	72,6 (26)	73,3 (26)	73,2 (6)	74,0 (5)	72,0 (2)
17:8. Высотно-поперечный указатель	97,5 (26)	97,0 (26)	96,0 (6)	98,9 (5)	96,6 (2)
20. Высотный диаметр от ро.	116,6 (36)	112,4 (28)	116,9 (9)	114,1 (7)	121,0 (2)
5. Длина основания черепа	107,0 (26)	103,8 (26)	109,7 (7)	104,4 (5)	105,0 (2)
9. Наименьшая ширина лба	100,3 (43)	96,6 (30)	98,9 (14)	97,8 (11)	101,1 (2)
11. Ширина основания черепа	128,7 (35)	122,2 (26)	130,5 (8)	122,4 (7)	131,0 (2)
29. Лобная хорда	113,6 (41)	111,1 (30)	116,4 (11)	111,1 (11)	119,0 (2)
Sub. Nβ. Высота изгиба лба	24,8 (40)	26,2 (30)	25,9 (11)	25,9 (11)	27,9 (2)
Sub. Nβ:29. Указ-ль выпуклости лба	21,8 (40)	23,6 (30)	22,3 (11)	23,3 (11)	23,4 (2)
32. Угол профиля лба	80,3 (38)	83,9 (27)	80,2 (6)	83,6 (7)	82,0 (2)
40. Длина основания лица	102,8 (24)	98,6 (22)	108,3 (4)	98,6 (5)	100,0 (2)
40:5. Указатель выступания лица	96,1 (24)	94,6 (22)	98,4 (4)	94,5 (5)	95,2 (2)
45. Скуловой диаметр	139,8 (39)	129,7 (29)	139,9 (10)	131,5 (6)	141,5 (2)
48. Верхняя высота лица	70,3 (35)	68,1 (25)	71,5 (11)	66,6 (7)	67,3 (2)
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	50,4 (24)	50,7 (22)	51,5 (5)	50,6 (5)	46,9 (2)
48:45. Верхний лицевой указатель	50,2 (33)	52,6 (24)	51,2 (9)	51,0 (6)	47,6 (2)
43. Верхняя ширина лица	111,0 (36)	106,7 (27)	110,4 (11)	109,7 (11)	115,0 (2)
72. Общий лицевой угол	84,9 (33)	86,2 (25)	87,5 (6)	85,2 (6)	87,5 (2)
77. Назо-малярный угол	137,9 (37)	136,6 (27)	137,3 (12)	138,2 (10)	137,8 (2)
∠Zm'. Зиго-максиллярный угол	125,9 (32)	126,4 (25)	123,9 (7)	123,9 (7)	133,3 (2)
51. Ширина орбиты от mf.	44,1 (37)	42,8 (26)	44,9 (7)	42,8 (7)	43,8 (2)
51а. Ширина орбиты от d.	41,4 (37)	40,1 (28)	41,8 (8)	40,4 (9)	42,0 (2)
52. Высота орбиты	30,8 (40)	31,2 (28)	30,5 (10)	30,3 (9)	29,8 (2)
52:51. Орбитный указатель от mf.	70,1 (37)	72,9 (26)	68,7 (7)	71,6 (7)	68,1 (2)
52:51а. Орбитный указатель от d.	74,6 (37)	77,9 (28)	73,2 (8)	75,1 (9)	70,9 (2)
55. Высота носа	51,7 (37)	49,1 (26)	53,2 (9)	48,8 (7)	47,5 (2)
54. Ширина носа	26,1 (38)	24,8 (27)	27,0 (8)	25,8 (7)	26,4 (2)
54:55. Носовой указатель	50,6 (36)	50,7 (26)	51,2 (8)	53,1 (7)	55,7 (2)

Окончание таблицы 3

Регион	Горный Алтай				Центральная Монголия
	Афанасьевская культура		Куротинский тип		
75 (1). Угол выступания носа	35,0 (26)	30,3 (25)	38,9 (7)	31,4 (5)	37,0 (2)
SC. Симотическая ширина	9,1 (31)	8,7 (26)	8,2 (8)	7,8 (6)	9,1 (2)
SS. Симотическая высота	5,5 (29)	4,8 (25)	5,7 (8)	4,3 (6)	5,8 (2)
SS: SC. Симотический указатель	60,7 (29)	56,5 (25)	70,3 (8)	55,1 (6)	63,1 (2)
DC. Дакриальная ширина	22,6 (32)	21,9 (23)	22,9 (6)	21,3 (7)	25,9 (2)
DS. Дакриальная высота	14,2 (28)	13,5 (23)	14,5 (6)	12,9 (6)	14,8 (2)
DS: DC. Дакриальный указатель	63,8 (28)	62,3 (23)	63,6 (6)	62,5 (6)	57,0 (2)

Обсуждение результатов

Ранее проведенное исследование [Солодовников, Эрдэнэ, 2022] и полученные результаты анализа подтверждают принадлежность афанасьевского населения Центральной Монголии к тому же протоевропейскому антропологическому типу, что и население данного времени Южной Сибири. Связанные родством индивиды из противоположных периферийных районов афанасьевского ареала на внутрigrупповом фоне демонстрируют некоторую морфологическую близость, но она не является специфичной. По-видимому, более определенным выводам препятствует и достаточно отдаленное биологическое родство 5-го порядка. Во всяком случае, наши данные не противоречат выводам палеогенетиков [Ringbauer et al., 2023: 17–18].

На краниологических материалах из Шатар-Чулуу можно отметить придающее им своеобразие сочетание признаков, касающееся второстепенных морфологических черт. Как и в отношении материалов могильников Теньгинского и менее многочисленных из Чинетинского микрорайонов на Алтае, возможно, это свидетельствует о кровном родстве погребенных на отдельных могильниках. В этой связи является важным наблюдение А. В. Полякова [2019; 2022] о статистике образцов митохондриальной ДНК по материалам афанасьевской культуры Минусинской котловины. На основании опубликованных палеогенетических данных отмечено, что прослеживается явное разделение могильников по «материнским линиям», которые на примере трех памятников практически не пересекаются. Сделан вывод, что внутри афанасьевской культуры отдельные родовые или семейные общины были относительно замкнуты, и перемещения женщин из одной общины в другую не происходило [Поляков, 2019; 2022: 51]. Уровень накопления палеогенетических данных по алтайским могильникам пока что не дает возможности провести такой анализ, но полученные выводы позволяют экстраполировать их и на алтайский вариант, а также дают основания предполагать матрилокальность групп афанасьевского населения¹.

¹ Все же отметим на присутствие у всех трех палеогенетических образцов из могильника Ело I одной мтДНК гаплогруппы T1a1 [Narasimhan et al., 2019, Table S1].

Возвращаясь к материалам из Центральной Монголии, вновь подчеркнем, что по комплексу культурных черт оба могильника этого региона проявляют сходство с куротинским типом погребений, выделенных на материалах Горного Алтая. Примечательно, что автор раскопок афанасьевских курганов в Центральной Монголии относил их именно к алтайскому варианту культуры [Волков, 1980: 16]. Подтверждением этому может служить наибольшее сходство черепов из Шатар-Чулуу среди региональных вариантов афанасьевской культуры на межгрупповом фоне предковых популяций степной части Восточной Европы с алтайскими сериями. Минусинские же афанасьевцы по краниологическим данным уклоняются от алтайских и центрально-монгольских в направлении иных восточно-европейских групп [Солодовников, Эрдэнэ, 2022]. Антропологические особенности афанасьевцев Хангая, сохранявшие в мало модифицированном виде морфологические черты предкового восточноевропейского населения, демонстрирует графическая реконструкция по черепу мужчины из могилы 3 Шатар-Чулуу (рис. 5).

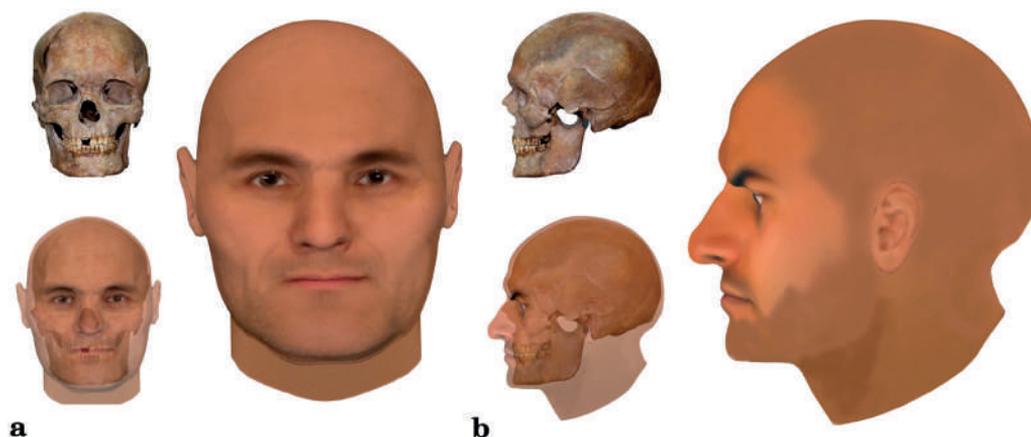

Рис. 5. Графическая реконструкция по черепу мужчины из могилы 3 могильника Шатар-Чулуу (АТ-25): анфас (а) и профиль (б)

Fig. 5. Graphic reconstruction of the skull of a man from grave 3 of the Shatar-Chuluu burial ground (AT-25): full face (a) and profile (b)

Также отметим, что выделенный сравнительно недавно [Степанова, 2012а] по алтайским материалам куротинский тип с определенными отличиями в погребальной обрядности и традициях изготовления керамики в настоящее время сложно отрывать в хронологическом отношении от афанасьевской культуры. Об этом свидетельствует встречаемость характеризующих его баночных сосудов с остродонными афанасьевскими в одних погребениях, имеющаяся дата по одному из куротинских погребений Алтая [Вадецкая и др., 2014: 326–328], а также обе радиоуглеродные даты по костям погребенных в Шатар-Чулуу, датирующие могильник в пределах XXXII–XXX вв. до н. э. [Taylor et al. 2019, S1 Table]. Судя по зачастую периферийному положению куротинских памятников в афанасьевском ареале (Северо-Западный Алтай, Черно-

вая II в Восточном Казахстане, Шатар-Чулуу и Алтан-сандал в Центральной Монголии), и отсутствию их в наиболее благоприятных в Южной Сибири для скотоводческого хозяйства районах Минусинской котловины (рис. 1), можно допустить, что его население являлись подчиненной субкультурной группой по отношению к носителям афанасьевской культуры. Вероятно, характеристики и культурные особенности куротинского типа погребений, как и в целом сопутствующий характер, могут помочь в решении вопросов «узкой» прародины афанасьевцев на территории степных областей Восточной Европы.

Заключение

1. Результаты проведенного анализа подтверждают принадлежность населения афанасьевского времени Центральной Монголии и Северо-Западного Алтая к протоевропейскому антропологическому типу восточноевропейского происхождения.

2. Краниологические данные не противоречат выявленному палеогенетиками биологическому родству индивидов из противоположных периферийных районов ареала афанасьевской общности.

3. Среди населения других территориальных вариантов афанасьевской общности люди из погребений в Центральной Монголии морфологически наиболее сходны с алтайскими популяциями.

4. Население афанасьевской культуры Горного Алтая и выделяемого из неё куротинского типа погребений по данным антропологии практически не различается.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках госзадания № 121041600045-8.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев В. П. О происхождении древнейшего европеоидного населения Минусинской котловины // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан : ХакНИИЯЛИ, 1981. С. 4–10.

Алексеев В. П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Труды Института этнографии (новая серия). 1961. Т. LXXI (71). С. 107–206.

Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумен Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 208–241.

Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 380 с.

Волков В. В. Курганы афанасьевского типа в Монголии // Археологический судлал. Улан-Баатар, 1980. Т. IX. С. 13–16.

Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Труды Ин-та этногр. АН СССР. Новая серия. Т. XXXVIII. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.

Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М. : Советская наука, 1949. 188 с.

Гохман И. И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. 1961. Вып. 8. С. 88–98.

Дашковский П. К., Степанова Н. Ф. Инской Дол — памятник эпохи ранней бронзы в Западном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 1. С. 41–50. DOI 10.17746/1563–0102.2018.46.1.041–050

Дашковский П. К. Курган эпохи палеометалла из могильника Ханкаринский дол (Горный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2019. № 3 (20). С. 19–33. DOI 10.14258/nreur(2019) 3–02.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М. ; Л. : АН СССР, 1948. 389 с. (ТИЭ; Т. 4).

Ефремов С. А. Погребение афанасьевского времени в пещере Каминная (Горный Алтай) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 44–47.

Исмагулова А. О. Энеолитический череп из Восточного Казахстана // Маргулановские чтения : материалы конф. Алма-Ата, 1989. С. 75–78.

Ковалев А. А. 2019. Распространение афанасьевской культуры на территории Синьцзяна: хронологические рамки и типологические особенности // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург : ОГПУ. С. 188–209.

Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство. М. : Старый Сад, 1998. 125 с.

Мамонова Н. Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по антропологическим данным // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980. С. 60–74.

Мерц И. В. Афанасьевские памятники Восточного Казахстана // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований : материалы Междунар. науч. конф. СПб. : ИИМК РАН, 2021. С. 39–42. DOI 10.31600/978–5–907298–16–3.39–42.

Никитин С. А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: материалы исследований : в 4 т. Т. 1: История усыпальницы и методика исследования захоронений. М. : Московский Кремль, 2009. С. 137–167.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М. : Наука, 1989. 384 с.

Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А. Исследование кургана на памятнике Катанда-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 579–586. DOI 10.17746/2658–6193.2020.26.579–586.

Поляков А. В. Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 2 (26). С. 91–108. DOI 10.14258/tpai (2019) 2 (26).–08.

Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб. : ИИМК РАН, 2022. 364 с. DOI 10.31600/978–5–907298–32–3.

Солодовников К. Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. № 10. Горно-Алтайск, 2003. С. 3–27.

Солодовников К. Н. Антропологические материалы из могильника Сальдьяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О. В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул, 2005. С. 120–154.

Солодовников К. Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // Вестник антропологии. Научный альманах. М., 2009. Вып. 17. С. 117–135.

Солодовников К. Н. Черепа из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катгуни // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 233–244.

Солодовников К. Н., Рыкун М. П. К вопросу об автохтонном компоненте в составе населения энеолита-бронзы Горного Алтая : материалы из коллекции и архива кабинета антропологии Томского госуниверситета // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1. С. 46–59. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-046-059.

Солодовников К. Н., Эрдэнэ М. Феномен высокорослости афанасьевцев Алтая и Хангая: влияние среды или восточно-европейское наследие? // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2022. № 2. С. 373–394. DOI 10.55086/sp222373394.

Солодовников К. Н., Кравченко Г. Г., Рыкун М. П. Морфологические особенности населения энеолита — ранней бронзы как результат адаптации к географическим и биоклиматическим условиям Алтайской горной страны // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4. С. 120–135. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-120-135.

Степанова Н. Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьевский сборник 2. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012а. С. 173–182.

Степанова Н. Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник 2. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012б. С. 183–195.

Суразаков А. С., Тишкин А. А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул : Азбука, 2007. 232 с.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Энеолитические объекты Уркошского и Кур-Кечуского археологических микрорайонов (Центральный Алтай) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул : Азбука, 2012. С. 196–203.

Тумэн Д. Палеоантропологическая находка у горы Шатар-Чулу // Studia Archeologica. T. VII. F. 10–18. Улаанбаатар, 1978. С. 23–31.

Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // Советская археология. 1975. № 1. С. 17–34.

Хохлов А. А., Солодовников К. Н., Рыкун М. П., Кравченко Г. Г., Китов Е. П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3. С. 86–106.

Цыб С. В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 38–51.

Цыб С. В. Афанасьевская культура Алтая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

Чикишева Т. А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины: Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск : Наука, 1994. С. 157–175.

Чикишева Т. А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 139–148.

Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2012. 468 с.

Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K. G., Rasmussen S., Rasmussen M. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 167–172.

De Barros Damgaard P., Víctor Moreno-Mayar J., Zacho C., Seguin-Orlando A., Ullah I. et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia // *Science*. 2018. Vol. 360, No. 6396. P. 7711. DOI 10.1126/science.aar7711.

Hermes T. R., Tishkin A. A., Kosintsev P. A., Stepanova N. F. et al. 2020. Mitochondrial DNA of domesticated sheep confirms pastoralist component of Afanasievo subsistence economy in the Altai Mountains (3300–2900 cal BC). *Archaeological Research in Asia* (24), 100232. DOI: 10.1016/j.ara.2020.100232.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W. T. T., et al. 2020. A dynamic 6,000-year genetic history of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell*, 183 (4). P. 890. DOI: 10.1016/j.cell.2020.10.015.

Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., Bernardos R. et al. 2019. The formation of human populations in South and Central Asia. *Science*, 365 (6457), 7487. DOI: 10.1126/science.aat7487.

Poliakov A. V., Svyatko S. Modern Data on the Bronze Age Radiocarbon Chronology in the Minusinsk Basins // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021. Vol. 66, No. 3. P. 934–949. DOI 10.21638/11701/spbu02.2021.314.

Poliakov A. V., Svyatko S. V., Stepanova N. F. A review of the radiocarbon dates for the afanasyevo culture (Central Asia): Shifting towards the shorter chronology // *Radiocarbon*. 2019. Vol. 61, No. 1. P. 243–263. DOI 10.1017/RDC.2018.70.

Ringbauer H., Huang Y., Akbari A., Mallick S., Patterson N., Reich D. ancIBD — Screening for identity by descent segments in human ancient DNA // *bioRxiv*, 2023. DOI: 10.1101/2023.03.08.531671.

Rynn C., Wilkinson C. M., Peters H. Prediction of nasal morphology from the skull // *Forensic Science, Medicine and Pathology*. 2009. Vol. 6. № 1. P. 20–34.

Taylor W., Wilkin S., Wright J., Dee M., Erdene M. et al. 2019. Radiocarbon dating and cultural dynamics across Mongolia's early pastoral transition. *PLoS*. 14 (11), e0224241. DOI: 10.1371/journal.pone.0224241.

Wang C.-C., Yeh H.-Y., Popov A. N., Zhang H.-Q., Matsumura H. et al. 2021. Genomic insights into the formation of human populations in East Asia. *Nature*, (591), 413–419. DOI: 10.1038/s41586-021-03336-2.

REVERENCE

Alekseev V. P. O proiskhozhdenii drevnejshego evropeidnogo naseleniya Minusinskoj kotloviny [On the Origin of the Ancient Caucasoid Population of the Minusinsk Basin].

Voprosy etnografii Hakasii [Issues of Ethnography of Khakassia]. Abakan: HakNIYALI, 1981. S. 4–10.

Alekseev V. P. Paleoantropologiya Altae-Sayanskogo nagor'ya epohi neolita i bronzy [Paleoanthropology of the Altai-Sayan Highlands of the Neolithic and Bronze Ages]. *Trudy Instituta etnografii (novaya seriya)* [Proceedings of the Institute of Ethnography (new series)]. 1961. T. LXXI (71). S. 107–206.

Alekseev V. P., Debec G. F. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Cranio-metry: Methods of Anthropological Research]. M.: Nauka, 1964. 128 s.

Alekseev V. P., Gohman I. I., Tumen D. Kratkij ocherk paleoantropologii Central'noj Azii (kamennyj vek — epoha rannego zheleza) [Brief outline of the paleoanthropology of Central Asia (Stone Age — Early Iron Age)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia]. Novosibirsk: Nauka, 1987. S. 208–241.

Vadeckaya E. B., Polyakov A. V., Stepanova N. F. *Svod pamyatnikov afanas'evskoj kul'tury* [Code of monuments of Afanasiev culture]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014. 380 s.

Volkov V. V. Kurgany afanas'evskogo tipa v Mongolii. Arheologijn sudla [Mounds of the Afanasiev type in Mongolia. Archeological Sudla]. Ulan-Baatar, 1980, T. IX. S. 13–16.

Gerasimov M. M. Vosstanovlenie lica po cherepu (sovremennyj i iskopaemyj chelovek) [Reconstruction of the face from the skull (modern and fossil man)]. *Trudy In-ta etnografii AN SSSR* [Tr. Institute of Ethnogr. Academy of Sciences of the USSR]. Novay. seriy, T. XXXVIII. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. 585 s.

Gerasimov M. M. Osnovy vosstanovleniya lica po cherepu [Fundamentals of facial reconstruction from the skull]. M.: Sovetskaya nauka, 1949. 188 s.

Gohman I. I. Ugol poperechnogo izgiba lba i ego znachenie dlya rasovoj diagnostiki [The angle of the transverse bend of the forehead and its significance for racial diagnostics]. *Voprosy antropologii* [Questions of Anthropology]. 1961. Vyp. 8. S. 88–98.

Dashkovskiy P. K., Stepanova N. F. Inskoj Dol — pamyatnik epohi rannej bronzy v Zapadnom Altae [Inskoy Dol — a monument of the Early Bronze Age in Western Altai]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2018. T. 46, № 1. S. 41–50. DOI 10.17746/1563–0102.2018.46.1.041–050.

Dashkovskiy P. K. Kurgan epohi paleometalla iz mogil'nika Hankarinskij dol (Gornyj Altaj) [Mound of the Paleometal Age from the Khankarinsky Dol burial ground (Gorny Altai)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2019. № 3 (20). S. 19–33. DOI 10.14258/nreur(2019)3–02.

Debec G. F. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. M.; L.: AN SSSR, 1948. 389 s. (TIE; T. 4).

Efremov S. A. Pogrebenie afanas'evskogo vremeni v peshchere Kaminnaya (Gornyj Altaj) [Burial of the Afanasiev period in the Kaminnaya cave (Gorny Altai)]. *Pogrebal'nye i poselencheskie komplekсы epohi bronzy Gornogo Altaya* [Funeral and settlement complexes of the Bronze Age of Gorny Altai]. Barnaul, 2006. S. 44–47.

Ismagulova A. O. Eneoliteskij cherep iz Vostochnogo Kazahstana [Eneolithic skull from East Kazakhstan]. *Margulanovskie chteniya* [Margulan Readings]. Alma-Ata, 1989. S. 75–78.

Kovalev A. A. 2019. Rasprostranenie afanas'evskoj kul'tury na territorii Sin'czyana: hronologicheskie ramki i tipologicheskie osobennosti [Distribution of the Afanasiev culture in the territory of Xinjiang: chronological framework and typological features]. *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoj i lesostepnoj polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodejstviya v V–III tys. do n. e.* [Cultural phenomena of the early Bronze Age of the steppe and forest-steppe zone of Eurasia: ways of cultural interaction in the 5th — 3rd millennium BC.]. Orenburg: OGPU. S. 188–209.

Lebedinskaya G. V. Rekonstrukciya lica po cherepu. Metodicheskoe rukovodstvo [Skull facial reconstruction. Methodological guide]. M.: Staryj Sad, 1998. 125 s.

Mamonova N. N. Antropologicheskij tip drevnego naseleniya Zapadnoj Mongolii po antropologicheskim dannym [Anthropological type of the ancient population of Western Mongolia according to anthropological data]. *Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR* [Studies in paleoanthropology and craniology of the USSR]. L., 1980. S. 60–74.

Merc I. V. Afanas'evskie pamyatniki Vostochnogo Kazahstana [Afanasiev monuments of East Kazakhstan]. *Arheologicheskie pamyatniki YUzhnoj Sibiri i Central'noj Azii: ot poyavleniya pervyh skotovodov do epohi slozheniya gosudarstvennyh obrazovanij* [Archaeological monuments of South Siberia and Central Asia: from the appearance of the first pastoralists to the era of the formation of state formations]. SPb.: IIMK RAN, 2021. S. 39–42. DOI 10.31600/978–5–907298–16–3.39–42.

Nikitin S. A. Plasticheskaya rekonstrukciya portreta po cherepu [Plastic reconstruction of a portrait from a skull]. *Nekropol' russkih velikih knyagin' i caric v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya* [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Empresses in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin]. *Materialy issledovanij v 4 tomah. Istoriya usypal'nicy i metodika issledovaniya zahoronenij* [Research materials in 4 volumes. Volume 1. The history of the tomb and the methodology for studying burials]. M.: Moskovskij Kreml', 2009. Tom 1. S. 137–167.

Novgorodova E. A. Drevnyaya Mongoliya [Ancient Mongolia]. M.: Nauka, 1989. 384 s.

Polos'mak N. V., CHikisheva T. A. Issledovanie kurgana na pamyatnike Katanda-2 [Study of the barrow at the Katanda-2 site]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. 2020. T. 26. S. 579–586. DOI 10.17746/2658–6193.2020.26.579–586

Polyakov A. V. Obzor rezul'tatov nachal'nogo etapa paleogeneticheskikh issledovanij naseleniya epohi bronzy Minusinskih kotlovin [Review of the results of the initial stage of paleogenetic studies of the population of the Bronze Age of the Minusinsk depressions]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2019. № 2 (26). S. 91–108. DOI 10.14258/tpai(2019)2(26).–08.

Polyakov A. V. *Hronologiya i kul'turogenез pamyatnikov epohi paleometalla Minusinskih kotlovin* [Chronology and cultural genesis of the monuments of the Paleometallic era of the Minusinsk depressions.]. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 2022. 364 s. DOI 10.31600/978–5–907298–32–3.

Solodovnikov K. N. Materialy k antropologii afanas'evskoj kul'tury [Materials for the anthropology of the Afanasiev culture]. *Drevnosti Altaya* [Antiquities of Altai]. Gorno-Altajsk, 2003. № 10. S. 3–27.

Solodovnikov K. N. Antropologicheskie materialy iz mogil'nika Sal'dyar-1 v svyazi s voprosami proiskhozhdeniya afanas'evskoj kul'tury [Anthropological materials from the Saldyar-1 burial ground in connection with the issues of the origin of the Afanasiev culture]. Larin O. V. *Afnas'evskaya kul'tura Gornogo Altaya: mogil'nik Sal'dyar-1* [Afnasievskaya culture of Gorny Altai: Saldyar-1 burial ground.]. Barnaul, 2005. S. 120–154.

Solodovnikov K. N. Antropologicheskie materialy afanas'evskoj kul'tury: k probleme proiskhozhdeniya [Afnasiev culture: to the problem of origin]. *Vestnik antropologii. Nauchnyj al'manah* [Bulletin of Anthropology. Scientific almanac]. M., 2009. Vyp. 17. S. 117–135.

Solodovnikov K. N. 2010. Cherepa iz pogrebenij afanas'evskoj kul'tury Srednej i Nizhnej Katuni [Skulls from the burials of the Afanasiev culture of the Middle and Lower Katun]. *Afnas'evskij sbornik* [Afnasiev collection]. Barnaul: Azbuka. S. 233–244.

Solodovnikov K. N., Rykun M. P. K voprosu ob avtohtonnom komponente v sostave naseleniya eneolita-bronzy Gornogo Altaya: materialy iz kollekcii i arhiva kabineta antropologii Tomskogo gosuniversiteta [On the issue of the autochthonous component in the composition of the population of the Eneolithic-Bronze Age of Gorny Altai: materials from the collection and archive of the Anthropology Cabinet of Tomsk State University]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2018. № 1. S. 46–59. DOI: 10.20874/2071–0437–2018–40–1–046–059.

Solodovnikov K. N., Erdene M. Fenomen vysokoroslosti afanas'evcev Altaya i Hangaya: vliyanie sredej ili vostochno-evropejskoe nasledie? [The Phenomenon of Tall Afanasievites of Altai and Khangai: Environmental Influence or Eastern European Heritage?]. *Stratum Plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum Plus. Archeology and cultural anthropology.]. 2022. № 2. S. 373–394. — DOI 10.55086/sp222373394.

Solodovnikov K. N., Kravchenko G. G., Rykun M. P. Morfologicheskie osobennosti naseleniya eneolita-rannej bronzy kak rezul'tat adaptacii k geograficheskim i bioklimaticheskim usloviyam Altajskoj gornoj strany [Morphological features of the population of the Eneolithic-Early Bronze Age as a result of adaptation to the geographical and bioclimatic conditions of the Altai mountainous country]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2018. № 4. S. 120–135. DOI: 10.20874/2071–0437–2018–43–4–120–135.

Stepanova N. F. Afnas'evskaya kul'tura Gornogo Altaya i pogrebeniya kurotinskogo tipa [Afnasievskaya culture of Gorny Altai and burials of the Kurotinsky type]. *Afnas'evskij sbornik 2* [Afnasievskiy collection 2]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012a. S. 173–182.

Stepanova N. F. Problemy hronologii afanas'evskoj kul'tury [Problems of the chronology of the Afanasiev culture]. *Afnas'evskij sbornik 2* [Afnasievskiy collection 2]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012b. S. 183–195.

Surazakov A. S., Tishkin A. A. *Arheologicheskij kompleks Kyzыk-Telan' — I v Gornom Altae i rezul'taty ego izucheniya* [The archaeological complex of Kyzыk-Telan-I in Gorny Altai and the results of its study]. Barnaul: Azbuka, 2007. 232 s.

Tishkin A. A., Seregin N. N. Eneoliticheskie ob'ekty Urkoshskogo i Kur-Kechuskogo arheologicheskikh mikrorajonov (Central'nyj Altaj) [Eneolithic objects of the Urkoshsky and Kur-Kechusky archaeological microdistricts (Central Altai)]. *Afnas'evskij sbornik 2* [Afnasievskiy collection 2]. Barnaul: Azbuka, 2012. S. 196–203.

Tumen D. Paleoantropologicheskaya nahodka u gory SHatar-CHulu [Paleoanthropological find near Mount Shatar-Chulu]. *Studia Archeologica* [Studia Archeologica]. T. VII. F. 10–18. Ulaanbaatar. 1978. S. 23–31.

Hlobystina M. D. Drevnejshie mogil'niki Gornogo Altaya [The most ancient cemeteries of Gorny Altai]. *Sovetskay archeology* [Soviet archeology]. 1975. № 1. S. 17–34.

Hohlov A. A., Solodovnikov K. N., Rykun M. P., Kravchenko G. G., Kitov E. P. Kraniologicheskie dannye k probleme svyazi populyacij yamnoj i afanas'evskoj kul'tur Evrazii nachal'nogo etapa bronzovogo veka [Craniological data on the problem of the connection between the populations of the Yamnaya and Afanasev cultures of Eurasia in the initial stage of the Bronze Age]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2016. № 3. S. 86–106.

Cyb S. V. Rannyya gruppa afanas'evskih pamyatnikov i vopros o proiskhozhdenii afanas'evskoj kul'tury [The early group of Afanasevo monuments and the question of the origin of the Afanasevo culture]. *Drevnyaya istoriya Altaya* [Ancient history of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1980. S. 38–51.

Cyb S. V. *Afanas'evskaya kul'tura Altaya: avtoref* [Afanasevskaya culture of Altai: author's abstract]. dis. ... kand. ist. nauk. Kemerovo, 1984. 19 s.

CHikisheva T. A. Harakteristika paleoantropologicheskogo materiala pamyatnikov Bertekskoj doliny [Characteristics of the paleoanthropological material of the sites of the Bertek Valley]. *Drevnie kul'tury Bertekskoj doliny: Gornyj Altaj, ploskogor'e Ukok* [Ancient cultures of the Bertek Valley: Gorny Altai, Ukok Plateau]. Novosibirsk: Nauka, 1994. S. 157–175.

CHikisheva T. A. Novye dannye ob antropologicheskom sostave naseleniya Altaya v epohi neolita-bronzy [New data on the anthropological composition of the population of Altai in the Neolithic-Bronze Age]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2000. № 1. S. 139–148.

CHikisheva T. A. *Dinamika antropologicheskoy differenciacii naseleniya yuga Zapadnoj Sibiri v epohi neolita-rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia in the Neolithic-Early Iron Age]. Novosibirsk: Izd-vo IAiE SO RAN, 2012. 468 s.

Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K. G., Rasmussen S., Rasmussen M. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 167–172.

De Barros Damgaard P., Víctor Moreno-Mayar J., Zacho C., Seguin-Orlando A., Ullah I. et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia // *Science*. 2018. Vol. 360, No. 6396. P. 7711. DOI 10.1126/science.aar7711.

Hermes T. R., Tishkin A. A., Kosintsev P. A., Stepanova N. F. et al. 2020. Mitochondrial DNA of domesticated sheep confirms pastoralist component of Afanasevo subsistence economy in the Altai Mountains (3300–2900 cal BC). *Archaeological Research in Asia* (24), 100232. DOI: 10.1016/j.ara.2020.100232.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W. T. T., et al. 2020. A dynamic 6,000-year genetic history of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell*, 183 (4). P. 890–904. e29. DOI: 10.1016/j.cell.2020.10.015.

Narasimhan V.M., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., Bernardos R. et al. 2019. The formation of human populations in South and Central Asia. *Science*, 365 (6457), 7487. DOI: 10.1126/science.aat7487.

Poliakov A. V., Svyatko S. Modern Data on the Bronze Age Radiocarbon Chronology in the Minusinsk Basins // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021. Vol. 66, No. 3. P. 934–949. DOI 10.21638/11701/spbu02.2021.314.

Poliakov A. V., Svyatko S. V., Stepanova N. F. A review of the radiocarbon dates for the afanasyevo culture (Central Asia): Shifting towards the shorter chronology // *Radiocarbon*. 2019. Vol. 61, No. 1. P. 243–263. DOI 10.1017/RDC. 2018.70.

Ringbauer H., Huang Y., Akbari A., Mallick S., Patterson N., Reich D. ancIBD — Screening for identity by descent segments in human ancient DNA // *bioRxiv*, 2023. DOI: 10.1101/2023.03.08.531671.

Rynn C., Wilkinson C. M., Peters H. Prediction of nasal morphology from the skull // *Forensic Science, Medicine and Pathology*. 2009. Vol. 6. № 1. P. 20–34.

Taylor W., Wilkin S., Wright J., Dee M., Erdene M. et al. 2019. Radiocarbon dating and cultural dynamics across Mongolia's early pastoral transition. *PLoS*. 14 (11), e0224241. DOI: 10.1371/journal.pone.0224241.

Wang C.-C., Yeh H.-Y., Popov A. N., Zhang H.-Q., Matsumura H. et al. 2021. Genomic insights into the formation of human populations in East Asia. *Nature*, (591), S. 413–419. DOI: 10.1038/s41586-021-03336-2.

Статья поступила в редакцию: 09.05.2023

Принята к публикации: 10.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 39 (571.651)

DOI: 10.14258/nreur(2023)3–07

Ю. И. Ожередов, А. А. Ярзуткина

Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета имени
М. К. Аммосова, Анадырь (Россия)

«ДЕРЕВЯННЫЙ» ОГОНЬ У ЧУКЧЕЙ

Исследование направлено на изучение семантического аспекта чукотского нуминозного «деревянного», «живого» или «чистого огня», возжигаемого с применением традиционного прибора, входящего в набор родовых священных предметов чукчей. Главными элементами приспособления являются «огнивая доска», она же деревянное огниво, в форме антропоморфной фигуры и лучок со сверлом, вращением которого создается трение, инициирующее появление огня. Согласно архаическим воззрениям, процесс добывания огня посредством трения-сверления осмысливается в качестве священного соития, а детали прибора олицетворяются соответственно в сочетании — рождающее женское тело в образе огнивой доски и мужской фаллос в форме сверла. Культурологический контекст данного ритуала обнаруживается в среде самых разных народов и сообществ и находит объяснение в сфере психической деятельности человека. Зигмунд Фрейд и Карл Юнг рассмотрели вопрос доместикации огня с точки зрения психоанализа. Первый пришел к выводу о победе в данном вопросе культурной составляющей человеческой природы над ее инстинктивной частью. Второй считал, что добывание огня сверлением — пережиточная форма кровосмесительного соития, где обрядовые сокоупления исполняются не людьми, а символами.

Ключевые слова: мировоззрение, огонь, чукчи, добывание «живого огня», продуцирующая магия.

Цитирование статьи:

Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. «Деревянный» огонь у чукчей // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 151–183. DOI: 10.14258/nreur(2023)3–07.

Y. I. Ozheredov, A. A. Yartzutkina

Head of the Scientific and Educational Center of the Chukotka Branch of the NorthEastern Federal University M. K. Ammosov

«WOODEN» FIRE AT THE PEOPLE OF THE CHUKCHI

The objective of the research is to understand the semantics of the Chukchi term “wooden”, “living”, or “pure” fire, which is kindled with a traditional tool from the Chukchi collection of sacred objects. The “firing board”, a wooden fire starter in the form of an anthropomorphic figure, and a drill-equipped bow are the two main components of the tool. The rotation of the drill causes friction, which sets the fire. In archaic beliefs, the friction drilling method is viewed as a sacred intercourse. As such, the tool's details are personified as follows: a drill appears as a male phallus, and a “firing board” represents a woman giving birth. The ritual's culturological context can be found among the traditions of many different peoples and communities and can be explained in terms of human psychology. Sigmund Freud and Carl Jung examined the question of fire domestication from the perspective of psychoanalysis. The first concluded that in this matter, the cultural component of human nature triumphs over its instinctive part. The second believed that fire-making through drilling is a vestigial form of blood-mixing intercourse, where ritualistic unions are performed not by humans, but by symbols.

Key words: worldview, fire, Chukchi, obtaining «living fire», reproductive magic.

For citation:

Ozheredov Y. I., Yartzutkina A. A. “Wooden” fire at the people of the chukchi. Nations and religions of Eurasia. 2023. Т. 28, № 3. P. 151–183. DOI: 10.14258/nreur(2023)3–07.

Ожередов Юрий Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Анадырь (Россия). **Адрес для контактов:** nohoister@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>.

Ярзуткина Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, начальник научно-образовательного центра Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Анадырь (Россия). **Адрес для контактов:** jarzut@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5157-7166>.

Ozheredov Yuri Ivanovich, candidate of historical sciences, researcher at the Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University of M. K. Ammosov, Anadyr ((Russia). **Contact address:** nohoister@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>.

Yartzutkina Anastasia Alekseevna, candidate of historical sciences, Head of the Scientific and Educational Center of the Chukotka Branch North-Eastern Federal University of M. K. Ammosov, Anadyr ((Russia). **Contact address:** jarzut@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5157-7166>.

Введение

Значение огня в жизни человека весьма точно охарактеризовал в свое время немецкий исследователь Юлиус Липс: «Существование дома, племени и самой человеческой жизни было бы невозможно без благословенного огня, этого таинственного брата солнца. Значение огня настолько всеобъемлюще, что нет ни одного народа на земле, который в своих сказаниях и преданиях не пытался бы объяснить его происхождение. Огонь представляется настолько большой ценностью, что согласно большинству мифов, люди похищают его у богов, которые его ревностно оберегали и отнюдь не собирались делиться им со смертными» [Липс, 1954: 34]. Русский ученый Д. Н. Анучин позже добавил: «Огонь является одним из элементарных признаков культуры. Незвестно ни одного народа, как бы ни был низок его культурный уровень, который не был бы знаком с огнем, не умел им пользоваться, его поддерживать, его добывать. Старинные рассказы о народах-сыроядцах, не использующих огонь и употребляющих только сырую пищу (не умея еще печь, варить), были, вероятно, сильно преувеличены. По крайней мере, в близкие к нам века мы не находим таких известий; мореплаватели часто, наоборот, по присутствию огня и дыма заключали о заселении человеком встреченных ими островов и берегов, хотя бы там и не находили жителей, убежавших при виде корабля или скрывавшихся в лесу» [Анучин. 1923: 1].

Появление огня у людей скрыто в толще тысячелетий, сохранивших и донесших до современности лишь мифологические нарративы о доместикации огненной стихии человеком. Мировая мифология знает достаточно много историй получения огня, сводящиеся к двум основным категориям: «в одних рассказывается, что огонь был добыт из-под земли, из преисподней, по другим — что он упал или был принесен с неба, откуда падает молния и откуда посылает нам свой свет и жар Солнце» [Анучин, 1923: 6]. Согласно мифологеме одного из австралийских племен в ходе борьбы героев один из них швырнул горящую головешку, загорелась сухая трава, возник степной (лесной) пожар, «и таким образом огонь стал известен людям» [Токарев, 1999: 188].

Варианты метафизического происхождения огня известны не только полудиким племенам тропиков, но отложились и в памяти развитых народов. Во множестве, к примеру, находим их у славян: «В славянских списках средневековых апокрифических сочинений на вопрос «Как огонь зачась?» дается ответ, что огонь произошел от очей Божиих: «Архангел Михаил заже огонь от зеница Господня и снес на землю». Бытуют представления о похищении огня Богом у его противника (у чёрта) и передаче его людям, а также о передаче огня Богом после изгнания первых людей из рая. Помимо идей метафизического характера существуют поверья, основанные на наблюдениях физических явлений. Мифы рассказывают, как Небесный Огонь «падает» на землю в виде молнии, громовой стрелы, огненного дождя, кометы и является знаменем или знаком Божьей кары. Однако существуют и варианты, близкие нашему вопросу. Украинская и польская легенды рассказывают, что первый огонь человек получил трением одного куска дерева о другой или ударяя камни друг о друга. Так якобы огонь получил царь Соломон, ударив два кремня друг о друга» [Белова, Узенёва, 2004: 513].

Что касается научного объяснения данного вопроса, то познание и доместикация огня человеком на разных территориях земного шара проходили примерно по одина-

ковому сценарию. Об этом можно судить по целому ряду публикаций иностранных и отечественных специалистов, исследовавших разные времена и народы. Максимально полно и обстоятельно этнография огня на разных территориях рассматривается в монографическом исследовании В. Н. Харузиной, затронувшей все известные на тот момент формы явного и символического огня и способы обращения с ним [Харузина, 1906: 105–125]. По мнению известных исследователей, древнейшими источниками «домашнего» огня были природные пожары, возникавшие от ударов молний, вулканических извержений или, по предположению некоторых авторов, от самовозгораний отдельных пород деревьев, у которых под воздействием ветра случалось трение веток (лиан) друг о друга [Анучин, 1923: 7–9; Тэйлор, 1939: 143]. Несмотря на свидетельства зарубежных коллег, в последнем утверждении явно сомневались отечественные ученые, как старые российские, так и советские, например, В. Н. Харузина и С. А. Токарев [Харузина, 1906: 70; Токарев, 1999: 185].

Между тем немецкий исследователь Лео Фробениус отыскал доказательства того, «что еще совсем недавно были народы, которые не умели сами добывать огонь и только прилагали все свое искусство к поддержанию огня». По сведениям А. Гофмана, когда тот прибыл в 1892 г. в Новую Гвинею, прибрежные жители уже употребляли шведские спички. А на вопрос, как раньше разводили огонь, ему ответили, что они «никогда не давали ему угаснуть»¹. На этом основании ученый пришел к выводу, что до эпохи добывания существовала эпоха поддержания случайно найденного огня [Фробениус, 1914: 306]. Аналогичный вывод сделал Д. Н. Анучин на основании сходных сведений, собранных Н. Н. Миклухо-Маклаем в 1870-х гг. у папуасов Новой Гвинеи [Анучин, 1923: 10, 12, 13]. Длинный перечень народов и культур, сохранявших и поддерживавших священный огонь, можно найти у английского исследователя Дж. Леббока [Леббок, 2011: 215–217]. В примечании к работе З. Фрейда «О добывании огня» прозвучало: «Вероятно, искусство сохранения огня предшествовало искусству разведения огня; ... сегодняшнее пигмеевидное население Андаманских островов владеет огнем и сохраняет его, хотя и не знакомо с автохтонным разведением огня» [Фрейд, 2009: 23]. Данная традиция существовала на протяжении тысячелетий и прижилась у цивилизованных народов. К примеру, восточные славяне при кладке печи оставляли в стенке шестка специальное углубление, куда закладывали горячие угли и присыпали их золой. Тем самым хозяйки запасались горячими углями, из которых всегда можно раздуть огонь [Зеленин, 1991: 130].

По мнению ряда исследователей традиционной культуры, человечество пришло к созданию искусственного огня на пути технического прогресса. Немецкий ученый Л. Фробениус и отечественный этнограф Д. Н. Анучин писали, что бурение отверстий на всевозможных поделках способствовало открытию сверла, послужившего прототи-

---

¹ «Есть род дерева, который загорается очень трудно, но очень долго тлеет. Такое тлеющее дерево всегда лежит на очаге туземца». В том случае, если огня не окажется во всей деревне, за ним посылали в соседнюю. На случай полной утраты огня у пигмеев внутренней Африки существовал обмен с соседями монгосами, от которых они получали тлеющие головни. Когда такой обмен нарушился, пигмеи создали во многих местах некие «станции огня» из тлеющих деревьев, тем самым обезопасив себя от потери огня [Фробениус, 1914: 307–308].

пом огневого прибора с ручным и лучковым приводом. В свою очередь пиление бамбуковых стволов привело к открытию «огневой пилы», а рубка богатого кремнием покрова бамбука кремниевыми топорами — к высеканию искры [Анучин, 1923: 17–18; Фробениус, 1914: 310–313].

Наблюдения, сделанные в XIX в. у украинских народов, ученые экстраполировали на древнюю историю всего человечества. При наличии довольно обширного ассортимента этнографически описанных огневых приборов добыча огня на Земле долгое время ограничивалась преимущественно двумя, относительно простыми и удобными способами, последовательно сменившими друг друга². Чайлд Гордон писал: «Приспособления для добывания огня, наиболее широко применяемые современными примитивными племенами, основаны на трении двух кусков дерева друг о друга... Первые свидетельства о преднамеренном добывании огня доходят до современности из верхнего палеолита Европы. В нескольких бельгийских пещерах, служивших человеку жилищем в течение последней ледниковой эпохи, были найдены поцарапанные куски железного колчедана вместе с осколками кремня, края которых притупились, что обычно бывает с кремнем от частых ударов по огниву. При ударе железный колчедан дает искру, точно такую же, как огниво. Таким образом, европейцы верхнего палеолита открыли способ добывания огня, которым их преемники пользовались вплоть до изобретения в XIX в. фосфорной спички³. Единственным усовершенствованием, введенным на протяжении этого долгого времени, была замена во времена железного века куска руды куском металлического железа» [Гордон, 1949: 86–87]⁴. Позже советский ученый С. И. Токарев подтвердил данную цитату следующими словами: «...большинство археологов считают, что это не древнейший способ (ударный. — Ю. О., А. Я.): для получения «горячей» искры, принимаемой на трут, недостаточно иметь два кремня, нужен пирит (серный колчедан), залежи которого достаточно редки...» [Токарев, 1999: 187]. В тех местах, где отсутствовали выходы на поверхность колчедана или других «искря-

² Попытка Б. Ф. Поршнева доказать экспериментальным путем обратное, т. е. приоритет искрового способа, основанного на высекании искры с помощью двух обломков кремня, не увенчалась успехом. По мнению С. А. Токарева, убедительных аргументов в пользу той или другой версии нет. В зависимости от местных условий мог входить в употребление то «деревянный», то «каменный» огонь» [Токарев, 1984: 76; Токарев, 2009: 187].

³ Изобретение «фосфорных спичек относится приблизительно к 1840 г.» [Тэйлор, 1939: 145]. Подробное описание процесса изобретения и прогрессирования производства спичек в XIX в. находим у А. Д. Анучина [Анучин, 1923: 37–39]. Простота применения таких орудий сопровождалась их эффективностью. При определенной сноровке разжечь огонь деревянным огнивом удается за несколько минут [Lykkegård, 2023].

⁴ Л. Я. Штернберг добавил: «Доисторическая археология показала нам, что уже в межледниковую эпоху... которую многие исключают в сотни тысяч лет (некоторые в 400 000 лет), что уже в то время человек знал употребление огня. В раскопках Крапины (Югославия), относящейся к среднему палеолитическому периоду, найдены явные следы очагов. Но есть основания думать, что огнем человек умел пользоваться и в самые ранние периоды палеолита» [Штернберг, 2012: 366]. Мирча Элиадэ писал со ссылкой на Карла Нарра, что следы самого древнего «приручения» огня найдены в Чжоу-Коу-Тяне (совр. КНР), они оставлены приблизительно 600 тыс. лет до н. э. [Элиадэ, 2008: 12]. С. А. Токарев полагал, что «наши неандертальские предки охотились на крупных животных... охота была не только средством добычи мяса, но и борьбой за жильё, за жилые пещеры — ведь как раз на холодную мустьерскую эпоху приходится большинство жилых пещер. Вот тут-то, в борьбе за изгнание крупных и опасных зверей из пещер, и пригодились людям горящие головешки. Полезны они были и при облавных степных охотах» [Токарев, 1999: 187].

щих» пород, люди повсеместно применяли деревянные приспособления. Археологу Чайлду Гордону вторил этнограф Эдуард Тейлор: «...дикари большей частью применяли трение двух кусков дерева один о другой, и путешественники могут наблюдать этот простой прием до сего времени» [Тэйлор, 1939: 143–145]¹.

В рамках условной земной мета-культуры представляют интерес наблюдения Ю. Липса, который писал: «Так называемое огнивное сверло представляет собой круглую палочку, которую вращают в углублении, сделанном в другом обрубке дерева. Вращение длится до тех пор, пока не начнут тлеть древесные опилки и подложенный трут, на которые осторожно дуют, вплоть до появления пламени... Интересные разновидности представляют собой сверла с веревкой, с луком... у которых веревка и подобие веретена облегчает трудную работу сверления» [Липс, 1954: 35–36]. Аналогичные приборы отмечены на территории России и многих зарубежных стран [Анучин, 1923: 20; Тэйлор, 1939: 144].

Чукотские огневные доски. Обсуждение проблемы

Сходную ситуацию застали русские и европейцы в XVII–XVIII вв. у коренных обитателей Чукотки. Причем в силу местных условий наблюдатели встречали такого рода орудия огнедобычи вплоть до середины XX столетия. Судя по наблюдениям исследователей, чукчи и их соседи пользовались именно разновидностью, отмеченной Ю. Липсом. В первой половине XVIII в. С. П. Крашенинников писал: «Огнива камчадалов имели вид дощечек из сухого дерева, на которых вдоль края делались дырочки. При вращении ставившихся в эти дырочки кругленьких палочек из сухого дерева получался огонь. Вместо трута употреблялась мягкая трава — тоншич, в которой раздували загоревшуюся при верчении сажу» [Крашенинников, 1948: 171]. В. Г. Богораз, изучавший жизнь чукчей во второй половине XIX — начале XX в., приводит несколько сходных описаний деревянного огнивного прибора, различающихся лишь в деталях. В книге «Очерк материального быта оленных чукчей», созданной по коллекции Л. Н. Гондатти, ученый писал: «Чукчи добывают огонь посредством особого деревянного огнива... которое состоит из деревянного бруска, отесанного в виде грубого идола, деревянного сверла... рогового лучка... и костяной головки к сверлу». Все деревянные детали — из одной породы, обычно это «осиновое или сосновое дерево» из сплавленного леса, скопившегося по морским берегам. Головки делали из коленной чашки или бабки быка дикого оленя [Богораз, 1901: 27].

¹ Простейший способ заключался в трении друг о друга двух кусков дерева. Вместе с тем первобытные люди изобрели несколько конструктивно разных приспособлений, действующих от силы трения. Одни из них работали от прямолинейного движения, другие от вращения. Соответственно, в первой группе Ю. Липс отметил огнивную пилу (полено из мягкого дерева «пилят» пластиной из твердого дерева) и огнивный плуг (огонь получают трением палочки по продольной борозде). Вторая группа включает простое огнивное сверло, приводимое в движение перекачиванием его древка в ладонях, и огнивное сверло с луком, где древко закреплено на тетиве лучка и вращается при движении последнего из одной стороны в другую. Наиболее сложным устройством в ряду известных стал поршневого прибор, в котором точно подогнанный поршень двигается в деревянной трубке, натираясь вдоль ее стенок [Липс, 1954: 35–36; Тэйлор, 1939: рис. 55-h].

При этом автор уточнил, что «прибор для добывания огня посредством сверления дерева у оленных чукочек (чукчей. — Ю. О., А. Я.) такой же, как у оленных коряков» [Богораз, 1991: 166, рис. 166]. Особенностью огневого орудия этих народов, в отличие от других, стала форма нижней огнивной доски, выполненной в виде антропоморфной фигуры.

В работе «Материальная культура чукчей» В. Г. Богораз отмечает: «Прибор... состоит из доски, обычно грубо обтесанной в виде человеческой фигуры, из круглого деревянного сверла и лучка отдельного от сверла» [Богораз, 1991: 166–167, рис. 166]. При этом исследователь упускает такую важную деталь, как «верхняя головка на сверло». Д. Н. Анучин называл ее «верхняя накладка или мундштук», которым у эскимосов служила «деревянная палочка или костяшка (иногда астрагал оленя или позвонок крупной рыбы)» [Анучин, 1923: 20–21]². Наиболее детальное описание деревянного огнива В. Г. Богораз привел в книге, посвященной религиозным воззрениям чукчей. Предваряя описание, исследователь напоминает, что «деревянное огниво — доска, имеющая «грубую человеческую форму», в дырочках которой вращается деревянное сверло. Обозначены лишь голова, плечи, иногда и ноги, но при этом на лице «вырезаются глаза, нос и рот». Там, где доски использовали ежедневно, «священное огниво» сохранялось исключительно для праздников, для утилитарного употребления служили простые доски, которым лишь иногда придавали человекоподобную форму. В то же время повседневно в хозяйственных целях использовали преимущественно ударные приборы [Богораз, 1991: 166, рис. 167; 1901: 27; 2016: 55–56, рис. 46, 48]. Кроме того, ученый пишет: «К весне у многих хозяек уже нет трута, и они поневоле должны принимать за свое старинное деревянное огниво», а «спички (шаркающее огниво) попадают к чукчей в виде исключения» [Богораз, 1901: 27].

На протяжении долгого времени вокруг огнивных досок образовалось обширное поле мифо-поэтического и бытового нарратива, отразившего утилитарные и символические воззрения многих поколений. У В. Г. Богораза находим: «Каждый мальчик в возрасте четырех-пяти лет получает из семейного имущества доску для добывания огня и оленье тавро. Если не хватает старых приборов для добывания огня, то делается новый...». Однако обязательным это условие становится лишь при разделении семьи и стада, когда каждой части требуются своя доска и тавро, необходимые для символической защиты людей и оленей, а также для владельческой маркировки последних. По представлениям чукчей, одна из досок, обычно самая старая, являлась покровителем стада. Другие покровительствовали охоте, третьи служили при жертвоприношениях. Во время оела оленных самок огнивные доски *выставляли*, ожидая от них помощи рожающим важенкам [Богораз, 2016: 56–57].

---

² Хотелось бы обратить внимание, что такого рода накладки, изготовленные, например, из мягкого камня, могут встречаться среди чукотских археологических древностей. В наборах «амулетов» вместе с огнивными досками иногда можно увидеть предметы, напоминающие такие накладки (рис. 2.-2).

1

2

3

4

5

6

Рис. 1. Чукотские огневые доски: 1, 2, 3 – огневые доски в экспозиции музея «Берингийское наследие», пос. Провидения, Чукотский АО. 2023 г. 4 – огневые доски (чук. – гыргытти) из массива дерева, дл. 59 см., на лицевой стороне 30 углублений в три ряда, лучок из ребра оленя. Билибинский краеведческий музей. БKM ИП-1 № 1280, поступление 1987 г.; 5 – огневая доска в связке священных предметов, с. Ваеги, Чукотка, 2019 г.; 6. Антропоморфные огневые доски, село Ваеги, Чукотка, 2019 г. Фото из архива А. А. Ярзуткиной

Fig. 1. Forms of Chukotka fireboards: 1, 2, 3 – Fireboards in the exhibition of the «Beringia Heritage» Museum, Provideniya village, Chukotka Autonomous Okrug. 2023; 4 – Fireboards (Chukotka – gyrgytty) made of a single piece of wood, length 59 cm, with 30 depressions in three rows on the front side, the arc is made of reindeer bone. Bilbino Regional Museum. BKM IP-1 No. 1280, acquired in 1987; 5 – Fireboard in a set of sacred objects, Vaegi village, Chukotka, 2019; 6 – Anthropomorphic fireboards, Vaegi village, Chukotka, 2019. Photo from the archive of A. A. Yarzutkina

По прошествии более чем полувека В. Г. Кузнецова практически повторила характеристику «огневых досок» В. Г. Богораза, слегка разнообразив ее собственными наблюдениями: «...нижний конец палочки вставляют в углубление на туловище и при помощи лучка начинают быстро вращать палочку, придерживая при этом ее верхний конец костяной пластинкой. Пластинку обычно держали в левой руке, а лучок вращали правой¹. В каждой яранге имелось несколько таких приборов, от 2 до 6» [Кузнецова, 1957: 271–272].

¹ «Сверло вертят в одном из глаз бруска до появления раскаленного угля, который переносят на сухие уголья и затем раздувают огонь» [Богораз, 1901: 27].

1

2

Рис. 2. Огневые доски. Добывание огня. Фото из архива А. А. Ярзуткиной:
 1 – праздник молодого оленя в Энмеленской тундре. 1970-е гг. Музей «Берингийское наследие», пос. Провидения, Чукотский АО. Фото, инв. № КПОФ 675; 2 – огневые доски в действии (имитация). Село Ваеги, Чукотка, 2019 г.
 Fig. 2. Fireboards. Fire extraction. Photo from the archive of A. A. Yarzutkina: 1. Young reindeer festival in the Enmelen tundra. 1970s. "Beringia Heritage" Museum, Provideniya village, Chukotka Autonomous Okrug. Photo, inventory No. KPOF 675; 2 – Fireboards in action (imitation). Vaegi village, Chukotka, 2019

Древность происхождения чукотских огневых приборов убедительно доказывает космогонический миф, согласно которому Творец-Ворон, спустившийся к людям во времена оные, «высверлил огонь указательным пальцем из своей правой ноги». Однако на этом он не остановился и новый огонь «высек ударом двух своих больших когтей» [Богораз, 1991: 166]. В изначальном по полноте тексте говорится следующее: «Поставил Творец палец руки на ногу, стал сверлить, добыл из ноги огонь. Вот огонь из ноги добыл, а вы не верите!.. Буйные люди кричат, — огонь погас. Черкнул Творец ногтем о ноготь, добыл снова огонь. «Вот вам огонь!»» [Богораз, 1900: 168]¹. Вполне очевидно, что мифологема фиксирует появление двух инструментов для извлечения огня — трением и ударным способом. В то же время она не разделяет эти приборы хронологически, определяя лишь последовательность их появления. В одной из публикаций В. Г. Богораз констатировал: «В настоящее время среди чукоч более распространено высекание огня из кремня посредством стальной пластинки. Среди приморских чукоч добывание огня путем сверления вышло из употребления. У оленых чукоч оно применяется при добывании священного огня во время различных праздничных обрядов. В отдаленных местах оно применяется и в повседневной жизни, особенно в тех случаях, когда не имеется березового трута, необходимого для добывания огня посредством кремня и огнива. В настоящее время прибором для добывания огня служит камень и стальная пластинка» [Богораз, 1991: 166, рис. 167а; 1901: 27]. На иллюстрации к тексту В. Г. Богораз показал калачевидное кресало (огниво) русского типа. Одновременно с этим исследователь заметил, что шведские спички у чукчей бытовали уже в 1890-е гг. — точно так же, как их фиксировали европейские наблюдатели у обитателей Океании, знакомых с добыванием огня путем трения. Не лишне заметить, что некогда географически близкие соседи чукчей юкагиры пользовались кресалами другого типа, схожими с южно-сибирскими и монгольскими образцами [Иохельсон, 2005: 604, рис. 64].

Вполне очевидно, что история чукотских приспособлений для добывания огня следует теми же путями и прошла аналогичные стадии развития («деревянную» и «металлическую»), свойственные огненным орудиям других народов. Однако совсем недавно группа исследователей расширила диапазон способов доместикиции огня, включив в него новейшее достижение технического прогресса. Для родственных коряков, принципиально не отличавшихся от чукчей в этом вопросе, авторы коллективного исследования, опубликованного в 2014 г., определили третью стадию, назвав ее «спичечная», которая, собственно, не противоречит процессам, известным у примитивных культур тропиков и других регионов земного шара. Помимо исторического и технического анализа, в исследовании, посвященном ударным (кремниевым-кресальным) способам, авторы упоминают деревянные огневые приборы и справедливо указывают на функциональную бинарность тех и других, одинаково служивших не только профанным, ути-

¹ Вместе с тем чукотская мифология отмечает и другой, вероятно, хронологически удаленный вариант, в котором говорится, что добывать огонь чукчей научил демиург «старик» *Тэнантомгын* [Вдовин, 1976: 228].

литарным, но и сакральным, ритуальным целям [Воробей, Хаховская, Митько, 2014: 164–165]¹.

В связи с последним замечанием уместно вспомнить высказывание К. Ф. Карьялайнена о том, что «вместе с другими народами Сибири чукчи почитали огонь не только как живительную субстанцию, дающую тепло и свет, но и как надежное средство магической защиты от злых сил» [Карьялайнен, 1994: 26]. Широко известно, что «огни... служат для отогнания злых духов... обезвреживания козней колдунов, ведьм и т. п.» [Фрэзер, 1983: 599; Штернберг, 2012: 371]. В начале XX столетия В. Г. Богораз говорил, что у чукчей огонь, добытый трением, «в настоящее время имеет более обрядовое значение и обязателен во время праздников» [Богораз, 1901: 27]. Особенно востребованными такого рода ритуалы были при возвращении оленьего стада из многомесячной летней кочевки. Жители поселений (стойбищ) встречали его не только с особым почетом, но и особыми мерами экзорцизма, где ведущая роль отводилась огню. Ему значалось «отогнать злых духов, приставших к стаду на чужой земле, не защищенной семейными охранителями». С этой целью при появлении оленей перед каждым жилищем разводили костер, причем «сначала огонь разжигали спичками («шаркающее огниво»), но далее к нему присоединяли огонь, зажженный деревянным огнивом, добытый трением священных дощечек-амулетов...» [Богораз, 1901: 27; 1939: 75].

Из цитаты видно, что, несмотря на профанацию ритуала и сужение его сакральной сферы, обусловленной введением спичек, последние не заменили огнивные доски в главном их назначении — ритуальном возжигании огня. Традиционное средство так и осталось главенствующей магической силой, еще долгое время питавшей сакральные костры «чистым огнем». В подтверждение этих слов можно припомнить, что в одной из лекций Л. Б. Штернберг рассказывал, как в 1922 г. в Кунсткамеру привезли остатки обгорелого бревна, посредством которого добывали «живой огонь». В завершение автор добавил: «И это не какое-нибудь исключительное явление: из года в год в разных концах СССР по разным поводам добывают посредством трения «живой огонь»» [Штернберг, 2012: 371].

Этнограф В. Г. Кузнецова, несколько лет прожившая в чукотском стойбище (1948–1951 гг.), наблюдала бытование «огневых досок» сверлящего типа еще в начале 1950-х гг. Но, как думается, от них не отказывались и в последующие годы, вплоть до массовой

¹ Выделенная авторами последняя стадия обусловлена появлением на северо-востоке Сибири спичек, однако не беремся судить, насколько она соответствует традиционной схеме. Дело в том, что спичками «огневой» ряд не ограничивается, так как по соседству с ними фиксируются зажигалки, кремневые (бензиновые и газовые), а затем с электрической искрой (пьезоэлемент или электросеть). Исходя из принципа получения огня, положенного авторами данной работы в основу классификации, бензиновые и газовые зажигалки попадают в один ряд с деревянными огнивыми досками, так как те и другие используют силу трения, и одновременно со спичками, так как кремни зажигалок по способу действия более напоминают серную головку спички, возгорающуюся от трения, нежели природный кремний, требующий для высекания искр сильных и резких ударов. Название синтетического материала из зажигалок «кремнем» основано лишь на формальном сходстве в части создания пучка искр. В том же условном соседстве с природным кремнем находятся зажигалки с электрическим «приводом», тоже дающие искру и, следовательно, подходящие для предложенной классификации. Любопытно в связи с этим замечание В. Г. Богораз о том, что чукчи называли спички «шаркающим огнивом» [Богораз, 1901: 27], тем самым не отделяя их от ударно-кремневого способа добычи огня.

поставки серных спичек. Следуя В. Г. Богоразу, В. Г. Кузнецова писала: «До варки каши в огонь очага «добавляли» искру, полученную лучковым способом из деревянного прибора для добывания огня...» [Кузнецова, 1957: 271]². По воспоминаниям стариков-чукчей, костры возжигались таким способом еще на их памяти, в относительно недалеком прошлом [Ожередов, Ярзуткина, 2021: 118–120; Ярзуткина. ПМА].

Огненные доски в культуре современной Чукотки³

В настоящее время вместе с изменением оленеводческого хозяйствования и значительным сокращением численности жителей Чукотки, проживающих в тундре⁴, трансформировалась и сакральная сторона чукотской культуры.

Большая часть огненных досок за ненадобностью утрачена, другие еще хранятся в семьях, некоторые попали в экспозиции музеев Чукотки, став маркерами национальной культуры чукчей в одном ряду с ярангой, жирником, ярамом.

Некоторые бывшие оленеводы, переселившиеся в села и поселки Чукотки, и их потомки сохранили огненные доски и перевели их в разряд священных предметов, сохраняющих память о предках и национальной культуре. Мы зафиксировали несколько слушателей хранения этих предметов в квартирах и домах людей. Чаще всего огненные доски хранятся в специальных мешках или простых пакетах вместе с другими священными предметами. Нередко их «кормят» в праздничные дни, намазывая жиром или оленьей кровью [Ярзуткина, ПМА].

---

² Исследователь приводит следующее описание: «Состоит из доски и палочки с лучком. Доска (в литературе часто называется «огненная доска» или деревянное огниво») имеет форму человеческой фигуры, грубо сделанной. В большинстве случаев вырезаются только голова и плечи. Как исключение нам попадались огненные доски, на которых были вырезаны и ноги. На лице черточками или углублениями показаны глаза, нос и рот. На туловище также имеются углубления. Огонь получается трением. Для этого нижний конец палочки вставляют в углубление на туловище и при помощи лучка начинают быстро вращать палочку, придерживая при этом ее верхний конец костяной пластинкой. Пластинку обычно держали в левой руке, а лучок вращали правой» [Кузнецова, 1957: 271–272].

³ Источником для описания современного использования огненных досок на Чукотке и воспоминаний об их использовании в прошлом послужили полевые материалы одного из авторов настоящей статьи — А. А. Ярзуткиной, полученные в ходе этнографических экспедиций в чукотские села в период с 2003 по 2023 г. Всего было обследовано 11 сельских поселений, 3 города, 3 поселка и одно оленеводческое стойбище. А. А. Ярзуткиной были изучены музейные коллекции и содержание экскурсий музея «Берингийское наследие» (пос. Провидения), музейного центра «Наследие Чукотки» (Анадырь), Билибинского краеведческого музея (Билибино), музея пос. Лаврентия и музея села Марково. Также в качестве источника были привлечены опубликованные данные антрополога Вирджини Вате, побывавшей в селах Амгуэма и Тавайваам и оленеводческих стойбищах в 1998 и 1999 гг.; Жанетт Ликкегорд, изучавшей культуру чукчей Камчатки в селе Ачайваам с 2011 по 2014 г., и Константина Клокова, собиравшего материалы в селе Мейныпильгыно в 2016–2019 гг.

⁴ По данным Департамента сельского хозяйства Чукотского автономного округа, на 2021 г. в оленеводстве занято примерно 600 человек, из которых непосредственно в тундре проживает около 350 человек.

1

2

3

4

Рис. 3. Огневые доски в современной «обрядовой» жизни чукчей: 1 – огневая доска для получения «повседневного» огня. Канчаланская тундра. Чумработница оленеводческой бригады. Огневая доска используется для ритуального «кормления» во время праздников. 2008 г.; 2 – добывание «чистого» огня (имитация). Праздник «Килвэй», с. Канчалан, Чукотка.

Май 2006 г.; 3 – огневая доска у костра. Праздник «Тиркинэлвэт», с. Канчалан, Чукотка, март 2007 г.; 4 – обряд благодарения на открытии выставки-дегустации национальных блюд.

Имитация добывания «чистого» огня. Анадырь, Чукотка, 2023 г.

Фото из архива А. А. Ярзуткиной

Figure 3. Fireboards in the contemporary " ritual" life of the Chukchi people:
1 – Fireboard for obtaining " everyday" fire. Kanchalanskaya tundra. Chum worker of the reindeer herding brigade. The fireboard is used for ritual " feeding" during festivals. 2008; 2 – Obtaining " pure" fire (imitation). " Kilvei" festival, Kanchalan village, Chukotka. May 2006; 3 – Fireboard by the bonfire. " Tirkinelvet" festival, Kanchalan village, Chukotka, March 2007; 4 – Ritual of thanksgiving at the opening of an exhibition-tasting of national dishes. Imitation of obtaining " pure" fire, Anadyr, Chukotka, 2023. Photo from the archive of A. A. Yarzutkina

Люди, длительное время работавшие в тундре, сохраняют огнивные доски для поддержания связи оленей и людей, предков и потомков. Один из бывших оленеводов ваежской тундры показал два приспособления для добывания огня, к «шее» которых были привязаны веревочки с узелками, означающими умерших родственников, кожаные нитки с белыми бусинами, железное кольцо и кусочки шерсти (рис. 1.-6). «У меня [с оленеводческой бригады] вот эти вот, как он называется? Вот... от родителей у меня достались вот эти, как вот типа как вот... человечков видели? Ыр-гыр, вот эти вот. Но это я всё уже должен дочкам передать их. Мы их возили с собой. Мы вот приезжаем к старикам, и они нам на радостях дарят. Что ихняя молодежь. Оленя вот. И вот раз, оленя подарили. Мы раз ему [огнивной доске] и этот самый [бусинку] туда привязали уже. К этому. Ага. Вот это олень [показывает на белую бусинку]» [Ярзуткина. ПМА, село Ваеги, 2019].

Согласно пояснениям нашего информанта, огнивные доски были связаны с плодородием оленей, людей и потустороннего мира. Продуцирующая магия касалась одновременно всех связанных между собой объектов. Люди радовались своим детям и внукам, от этого у потомков становилось больше оленей, а потомки в свою очередь, символически завязывая бусинки, умножали количество оленей у своих предков, умерших и проживающих в другом мире. Огнивные доски были определенным образом связаны с этим процессом и продуцирующей магией.

В оленеводческой бригаде канчаланской тундры нам показывали две огневые доски. В первом случае холостой оленевод достал из нарты, в которой он хранил меховую одежду и шкуры, антропоморфную доску с тремя рядами углублений (без лучка), длиной 40 см. Мужчина сказал, что это его идол и он его «кормит». «Мать передала, ей передала ее мать. Храню его как хранителя. Прошу его стадо пасти. Помогал чтобы. Ну, мол, я тебя кормлю, а ты мне помогай. Мажем кровью... На праздник в ярангу относят. Справа от входа кладут... Раньше на нем огонь разжигали. В выемку палочку вставляли и крутили, чтобы огонь получить. Кто хотел от идола избавиться — его сжигают, уничтожают. Были случаи, что он обижался» [Ярзуткина А. А. ПМА, Канчаланская тундра, 2008]. Во втором случае чумработница оленеводческой бригады показала огневую доску, использовавшуюся в прошлом для добывания «повседневного» огня. Она хранилась у нее в одном мешке с другими ритуальными предметами и на момент сбора информации использовалась только как объект для «кормления» во время праздников [Ярзуткина А. А. ПМА, Канчаланская тундра, 2008] (рис. 3.-1).

Жанетт Ликкегорд, описывая праздник Килвей в оленеводческом стойбище — спутнике чукотского села Ачайваам на Камчатке, указывала на важное место огневой доски в процессе мероприятия и представлениях людей. По ее сведениям, гыр-гыр вначале намазывают жиром, вываренным из костей оленя, а затем «делают ритуальный огонь». Добыть огонь с помощью гыр-гыра необходимо хотя бы один раз в год, «чтобы поддерживать жизнь семьи». Если человек не может зажечь огонь или сделать искру с помощью своего гыр-гыра, это, по мнению ее информантов, может быть признаком приближающейся смерти [Lykkegård, 2023: 494].

Жительница села Ваеги показала нам свою антропоморфную огнившую доску и сравнила использование этих досок на празднике Кильвей в селе и в тундре. В селе, по ее словам, во время праздника делается имитация: *«Я вон каждый раз выношу ее [огнившую доску] сюда. И прям показываю, что надо делать. Ну, имитирую. Там как будто огонь разжигаем. Вроде вот от него [огнившей доски] загорелось. Ну, на самом деле зажигалкой. Потом все идут, огонь кормят. И начинается праздник... А в тундре, там с самого утра. Первая сначала добыча огня. Добывают огонь, уже настоящий, трением, с этого вот [огнившей доски] ... Сделали огонь — и выносят впереди яранги уже треногу с ним. Всё. Вешают туда котел и все готовят для праздника на нем»* [Ярзуткина А. А. ПМА, с. Ваеги, 2019] (рис. 1.-5, 6).

Вирджини Вате в процессе сравнения двух праздников Килвей — одного, проводимого в оленеводческом стойбище в амгуэмской тундре, другого в селе Тавайваам — спутнике окружной столицы Чукотки, также отметила, что в тундре в день праздника хозяйка рано утром зажигает костер в яранге с помощью антропоморфной огневой доски. В городском варианте огонь в установленной на площади яранге не зажигают, а еду готовят на улице. При этом используются репродукции ритуальных предметов, в том числе и огневая доска, которую просто «кормят» мясом и кладут рядом с ярангой [Vaté, 2005: 48, 53].

В селе Мейныпильгыно, согласно материалам Константина Клокова, некоторые семьи сохранили оленеводческие традиции и, несмотря на отсутствие оленей и кочевого хозяйства, соблюдают свой традиционный обрядовый календарь. Знаковая фигура оленя в обрядах замещается на маленькие фигурки, слепленные из ивовой каши, рорат (колбасу из оленьих кишок), ивовые веточки, сушеный лосось, бусинки или шарики бисера. При этом огонь перед праздником добывается с помощью антропоморфной доски гыр-гыр. Его добыча не имитируется, как в представленных нами примерах. В селе Мейныпильгыно ритуал добывания огня проводит женщина — «хозяйка яранги и хранительница очага» [Клоков, 2021: 45, 50].

В современной городской культуре чукчей проводятся стилизованные обряды весеннего цикла оленеводов: Тиркитаарон/Тиркинэлвэт — праздник встречи солнца (март) и Килвэй — праздник молодого оленя (апрель-май). Оба праздника мы наблюдали в селах Канчалан, Алькатваам и Тавайваам. В частности, в селе Канчалан на празднике Килвэй в самом начале праздника мальчик имитировал добывание «чистого» огня с помощью лучка и огневой доски (рис. 3.-2, 3). В процессе имитации другие участники обряда зажигали рядом небольшой костерок спичками [Ярзуткина А. А. ПМА, село Канчалан, 2006]. Эти символические действия оказались очень устойчивыми в совре-

менной праздничной культуре чукчей. Например, детские фольклорные коллективы часто используют подобные действия в качестве вступления для различных мероприятий. В 2023 г. воспитанницы национального клуба «Эйн'эк'эй» провели обряд благодарения перед вполне светским мероприятием — открытием выставки-дегустации национальных блюд, в ходе обряда они «покормили» репродукцию антропоморфной огнивной доски и имитировали добычу огня. «Огонь» при этом заменили на электрические лампочки, расположенные внутри мха и оленьих рогов [Ярзуткина А. А. ПМА, Анадырь, 2023] (рис. 3.-4).

На празднике Тиркинэлвэт в селе Канчалан, по сведению жителей, не было принято добывать «чистый огонь», при этом необходимо было «покормить» сам огонь и огневую доску. Ее складывали недалеко от костра, и хозяйка, порезав на мелкие кусочки мясо, потчевала огонь и обмазывала ими антропоморфный предмет [Ярзуткина А. А. ПМА, село Канчалан, 2007] (рис. 3.-3).

Бывший оленевод Амгуэмской тундры рассказывал, что у него в яранге всегда было несколько средств для добывания огня: спички, камни и огневая доска. *«С раннего возраста ты должен был многому научиться. Например, как огонь правильно добывать. Из ничего. Камешки желтые. Просто берешь — чик! И искру на пушицу. Одним ударом — уже разгорелся... А еще у нас же первая яранга, и с собой обязательно огниво надо было вот таскать. Оно легонькое, маленькое: доска, кривой рог и веревочка. Палочкой крутим, то есть тянем туда-сюда, и огонь. Нужно обязательно уметь разжигать его»* [Ярзуткина А. А. ПМА, село Амгуэма, 2019]. Одним из вариантов использования огнивной доски был не только праздник, но и остановка на новом месте после кочевки, когда обитатели первой (главной) яранги добывали «чистый огонь».

Были варианты, когда огонь берегли, т. е. поддерживали в течение длительного времени, не давая потухнуть. *«Летом в яранге топшишь. А потом сверху головешки такие, гнилушки. Полусырые. Положишь на ночь. Сверху мхом закрыли. Чтоб он не гас. Потом целое лето... Бегаешь, бегаешь. Целый день, летом. Бегаешь, бегаешь — раз, пошел, подложил. Побегали, побегали — пришли, подложили»* [Ярзуткина А. А. ПМА, село Ваеги, 2019].

В прибрежных поселениях чукчей потомки морских зверобоев не помнили об использовании огневых досок и рассказывали, что их предки добывали огонь с помощью камней. Мы не зафиксировали у них представления о «чистом огне», разжигаемом на праздники. *«У нас огонь, — ну, просто. Мы кормим [духов] во все стороны. Вот, на четыре стороны, как бы даем. Всем... Сестра рассказывала, что с зятем в тундру пошли. Она покормила, а он эту [огневую] доску достал и стал крутить. Свой огонь там. Вот она в одной стороне — свое делает, а он свое. Терпели друг друга. Разные. Он — тундровой, а мы морские»* [Ярзуткина А. А. ПМА, с. Уэлен, 2023].

Хранение огнивных досок и их символическое использование свидетельствует о важности этих предметов в мировоззрении чукчей. Устойчивым оказалось и представление о «чистоте»: о разных по своей природе огнях — «ритуальном», или «чистом», и обычном огне. Огнивные доски, утратив свою утилитарную функцию как производителей огня, сохранили свою принадлежность к священным и «тайным» предметам, поддерживающим связь с предками и обеспечивающим передачу традиций следующим поколениям.

Семантика огнивых досок

Приведенное выше наблюдение К. Ф. Карьялайнена касается лишь общего формата настоящего исследования, локализующегося в пределах проблемы сакрального огня и темы огневого экзорцизма, достаточно изученной и присутствующей здесь в качестве контекста. По мнению В. Н. Харузиной, «для того чтобы составить себе ясное понятие о представлениях данной народности об огне, следует изучить его представления о нем, как о стихии живой и самостоятельной, персонифицированной или антропоморфизированной, об огне как духе-покровителе жилья, семьи и рода, самостоятельного или слившегося уже с духом предков и прочими домашними духами, об отношениях огня земного к огню небесному: солнцу и молнии, к огню подземному и вообще ко всякому проявлению огня и света» [Харузина, 1906: 123]. Однако нас интересует собственно инструмент для добывания огня путем трения (сверления), а точнее, его семантика.

В отечественных пределах деревянный прибор в действующем виде сохранился до новейшего времени, пожалуй, только у народов Чукотки, поэтому источниками для настоящей работы послужили старые и современные материалы, собранные у чукчей, коряков и эскимосов, но преимущественно чукотские. Из этнографии явствует, что одной из главных причин долгого бытования «огнивной доски» в Сибири явилась особая сакральная «сила» огня, добытого первобытным способом. Если у ряда народов данное воззрение сохранилось лишь в мифо-эпическом виде, то у чукчей и родственных им этносов оно бытовало в прагматической сфере почти до XXI столетия — прежде всего в прагматике ритуальной деятельности, но также и в утилитарной повседневной работе. При разжигании очага женщина всегда подспудно учитывала метафизические свойства огня. Косвенным подтверждением такой бинарности служат две упомянутые формы огнивной доски: антропоморфная и обычная.

Напомним, что одно из ранних свидетельств об огневых досках Северо-Востока Сибири находим у С. П. Крашенинникова [1948: 171]. Позже В. Г. Богораз отмечал: «Символом очага и вместе с тем главной семейной святыней считаются огнива», служившие для добывания огня способом трения. Их два типа, один из которых «для повседневного добывания огня не имеет никакой особой святости», другой, напротив, «употребляется для зажигания огня только во время известных праздников». Далее исследователь вносит важное уточнение: «...у многих чукчей, которые теперь употребляют, по преимуществу, трут и огниво, в эти дни в огонь, добытый кресанием, все-таки, добавляют искру, добытую трением... для придания ему обрядового значения» [Богораз, 1901: 49]. Из этого следует, что, невзирая на присутствие в мифологеме о рождении огня от когтей Ворона двух способов, сакральным для возжигания «чистого огня» оставался «деревянный» вращательный, зажженный особым приспособлением.

По сведениям И. С. Вдовина, у чукчей в каждой семье обязательно был деревянный снаряд для добывания огня путем трения, так называемый *уттымилгымил* — «деревянный огонь», который непременно входил в категорию семейных охранителей, был предметом культа¹. В. Г. Богораз называет такой огонь священным и уточняет, что ог-

¹ По сведениям В. Г. Кузнецовой, «в каждой яранге имелось несколько таких приборов, от 2 до 6» по числу обитателей [Кузнецова, 1957: 270–271]. Сходные процессы наблюдаются в культуре соседствующих коряков.

нива для трения переходят из поколения в поколение в течение очень долгого времени, но каждое из них приурочено к какому-нибудь отдельному человеку, специальным покровителем которого он является; когда ребенок родится, одно из освободившихся по смерти хозяина наследственных огнив переходит к нему [Богораз, 1991: 166]. Вполне понятно, что священный и «деревянный» огонь — это синонимы: речь идет об огне, добытом деревянным огнивым прибором. В советской этнографии утвердилось мнение, что такие инструменты обеспечивали людей светом, теплом, горячей пищей, защитой и поэтому относились к «предметам-фетишам» [Вдовин, 1977: 149, рис. 12].

Перечисленные мотивы сакрализации «деревянного» огня, безусловно, важны, но по природе своей вторичны. Очевидно, что данный термин соотносится не только с прибором для извлечения огня, но и непосредственно с ним самим. Согласно архаическим воззрениям «деревянный» огонь являет особой форму священной субстанции, известной под разными терминами, но с единой семиотической основой. Знарок первобытной культуры Э. Тэйлор писал о священном огне, извлекаемом с применением такого рода устройств у целого ряда народов земного шара. При этом «у цивилизованных народов старинное сверло для добывания огня уже в древние времена уступило место кремню и стали, сохраняясь лишь в обрядовой сфере. У древних римлян, в случае если зазевавшаяся весталка позволяла затухнуть священному огню, ее предавали смерти, а огонь вновь добывали сверлением деревянной доски. Индуистские жрецы при добывании божественного огня для своих жертвоприношений до сих пор «сбивают масло» сверлом, приводимым в движение при помощи «волосяного шнура», бывшим в употреблении у ранних арийцев в обыденной жизни [Тэйлор, 1939: 144]. Л. Я. Штернберг подтверждает это: «В Индии жрецы каждый день рано утром зажигали священный огонь путем трения...» [Штернберг, 2012: 370]. В. Д. Зеленин в своей книге «Восточнославянская этнография» именовал это рукотворное явление не иначе как «живой», «новый», «деревянный» огонь, а сам способ — «вытирать огонь» [Зеленин, 1991: 128; Фрэзер, 1983: 596]. Точно так же его называл Д. Н. Анучин, применявший и другие эпитеты: «летний», «древесный». Дж. Дж. Фрэзер отметил, что «у тевтонских народов такие огни известны под общим названием огней бедствий [Фрэзер, 1983: 596], в Германии использовали термин «дикий» огонь, а добывали его в случаях, когда во всех домах селения был погашен «ручной» или домашний огонь, а также во время эпидемий и падежа рогатого скота [Анучин, 1923: 27; Фрэзер, 1983: 596], т. е. при решении проблем, требующих особых мер метафизического воздействия.

У большинства народов мира данный огонь почитается «чистым», тем самым подразумевается его нуминозная, божественная природа. Отсюда столь трепетное к нему отношение, переходящее порой в религиозное поклонение, сближающееся с умилованием божественной силы. Так, например, на северо-востоке Сибири у коряков во время праздников «женщины кормили жертвенной пищей прибор для добывания „чистого огня“, огневую доску — *гычгый*, персонифицирующуюся в качестве охранителя, „хозяина“ стада, некоего метафизического существа, по формальным признакам и образу жизни сходного с человеком. Ритуал состоял в намазывании пищей ртов священных фигурок, а пищей служил костный мозг оленя, выступавший в качестве лакомства. Сакральное кормление являлось женской заботой, точно так же, как обыден-

ное питание человеческой части семьи. В тех хозяйствах, где этот прибор не сохранился, кормили непосредственно сам огонь». Этим стремились предотвратить болезни оленей. После кормления *гычгый* угощали гостей под приговор хозяйки: «Рождайтесь, оленията — *каюю*, хорошими» [Горбачева, 2004: 47, 50]. Смысл приговора определенно был направлен на репродукцию, инициирующую воспроизводство, в конечном итоге — на преумножение стада.

Чукотские ритуальные кормления мало чем отличались от корякских как в процедурной части, так и в наборе приношений: в обоих случаях это мозг из голенной кости оленя или жир. Сюжет кормления огнивых досок чукчей описан в публикациях В. Г. Богораза, на страницах, касающихся чукотских праздников, а также изготовления новой доски. В последнем случае ее кормили не только жиром и костным мозгом, но и кровью оленя [Богораз, 2016: 57]. Несколько раз с небольшими вариациями процедуру кормления описывала В. Г. Кузнецова: «Хозяйка яранги „кормила” огнивую доску, т. е. смазывала ее лицо. Добытым костным мозгом смазывали „лица” огнивых досок (часть прибора для добывания огня) ... связки семейных „охранителей” (тайныквут), висевшие... над огнивыми досками... Костным мозгом смазывались подложенные под шкуры жертвенного оленя огнивые доски, затем лежащие на нартах связки „охранителей” и череп медведя» [Кузнецова, 1957: 270–271, 278, 291]. В 2000-е гг. сходные процедуры кормления домашних талисманов зафиксированы одним из авторов настоящей работы, А. А. Ярзуткиной, отметившей в составе священной пищи костный и рыбий жир, костный мозг [Ярзуткина А. А. ПМА, село Иллирней, 2020].

Между тем на Чукотке, как, впрочем, и в других местах, помимо обязательного «натурального» кормления, духов убажали «эстетически». Каждый праздник сопровождался песнопениями, адресованными «своим» духам с «надеждой на хороший отёл важенок». Люди прибегали к метафизическим методам в надежде претворения своих чаяний, главным из которых было умножение оленьего стада, обусловленное увеличением прокреативных сил, отвечающих за данную сторону бытия. При этом «свои» духи олицетворялись в антропоморфной форме огнивой доски, явно указывающей на адресное фигуральное, а не абстрактное их осмысление. Не вызывает сомнений, что физические и эмоциональные жертвы адресовались «хозяину» огня, указывая тем самым на его очеловеченную ипостась. К такому пониманию склоняет наличие у досок основных черт лица (глаза, нос, рот), а также форма обращения хозяина яранги к ее обитателям после размещения новоизготовленной доски на месте хранения священных предметов за спальным пологом.

Вопреки бытующему мнению о том, что в религиозном пантеоне чукчей не существовало божеств, тем более имеющих антропоморфный облик, у В. Г. Богораза находим такую фразу: «Хозяин восклицал: „Я принес человека-огниво”. А обращаясь к доске, говорил ей: „Перенеси свое местопребывание сюда”, причисляя ее к пантеону своих помощников (буквально: один из моих молодых людей)» [Богораз, 2016: 57–58], тем самым признается человекоподобность духа. И. С. Вдовин по данному вопросу писал: «В мифах чукчей домашний очаг, костер не называется особым существом. Однако в сознании пожилых людей еще теплится представление, будто в огне есть скрытое существо в виде старика, способного оказывать людям некоторые услуги. В то же время он сам

находился под особым покровительством, которое осуществлялось хранителем очага, имевшимся в связке домашних хранителей» [Вдовин, 1977: 133]. Таким образом, фиксируется древнее свидетельство о существовании в очаге или около него двух символических существ — хозяина или духа огня и хранителя очага. В данном случае речь идет о персонах, казалось бы, мужского пола. В свою очередь Богораз сообщал о присутствии в связке охранителей женской фигурки, считавшейся «главной „госпожой дома” и покровительницей стада» [Богораз, 2017: 59].

В связках семейных охранителей у коряков, наряду с огнивной доской *гычгыи*, присутствовала маленькая рогулька, символизовавшая пастуха (мужчину). Известны случаи, когда антропоморфная доска и такая фигурка находятся в паре [Горбачева, 2004: 47, 48, рис. на с. 48, 49]. В таком составе данная пара антропоморфов априори символизировала двух разнополовых существ. Аналогичные связки носимых амулетов с рогулками присущи и чукотским сакральным наборам [Богораз, 1901: 50–51; Богораз, 2016: 59]. «...Связки семейных «охранителей» (тайныквут), висевшие на поперечной жерди над огнивными досками» [Кузнецова, 1957: 271]. Нет оснований полагать, что рогульки портретируют реальных оленеводов. Скорее здесь стилизованные образы личных духов, по сути, некое формальное *alter ego* реальных пастухов, из которых по их смерти формировался особый пантеон сакральных изображений духов предков, хранителей, присутствовавших в повседневности именно в таком виде. В дополнение в этому можно привести выводы, сделанные по чукотским связкам-охранителям. В некоторых из них «имеются два антропоморфных скульптурных изображения, вырезанные из дерева. Одно из них, возможно, мужское, высотой 6,1 см, шириной 2,1 см, без рук, с отдельным изображением ног. Другая фигурка, возможно, женская, высотой 5,6 см, шириной 2,1 см, также без рук, с обобщенным изображением нижней части туловища. У обеих скульптур головы переданы в виде шариков, но лица не проработаны. Второе изображение обвязано кусочком кожи, но к связке привязано с помощью шпагата, обвязывающего „шею”» [Дмитриева, Щербаков, 200: 184].

Однако у чукчей, помимо анонимных рогулек, имелись деревянные фигурки «духов-защитников», обладавших вполне определенным статусом. В. Г. Богораз пишет: «Некоторые из человекоподобных изображений считаются сверхъестественными мужьями и женами своих владельцев. При исполнении обрядов, они называются „обрядовый муж”... или „обрядовая жена”. При совершении обряда их помещают на полу в стоячем положении. Владелец выходит вперед и исполняет пляску перед своей обрядовой женой, которая считается также участвующей в пляске» [Богораз, 2017: 51]. Таким образом, в воззрениях чукчей вполне определенно имелись разнополые нуминозные существа, образом жизни уподобленные человеку, в том числе в интимной сфере.

При анализе огнивных досок чукчей и коряков внимание исследователей постоянно привлекает уникальный в культурологическом отношении антропоморфный аспект, манифестирующий формальное сходство инструмента с человеком (рис. 1.-1, 5, 6). Однако, как выясняется, имеются образцы без антропоморфизма (рис. 3.-1), но причина этого еще более акцентирует внимание на данном аспекте. В. Г. Богораз указывал, что для повседневного употребления доска не всегда имеет человекообразную форму, но в приборе, служащем для ритуальных целей, это обязательное условие [Богораз, 1991: 167]. Пер-

сонификацию данной фигуры находим в энциклопедической статье Л. Я. Штернберга: «Каждая семья... имеет свои семейные святыни: наследственные снаряды для добывания священного огня посредством трения... по одному на каждого члена семьи (нижняя дощечка снаряда представляет фигуру с головой хозяина огня) ...», функция этих предметов состояла в доставлении удачи в расширенном ее понимании [Борогаз, 2016: 56]. И. С. Вдовин, анализируя исследования В. Г. Богораза, заметил, что на протяжении пяти выделенных последним «стадий развития первобытных религиозных представлений» у чукчей появляется «поэтапное представление о человекоподобии некоторых ритуальных предметов, приобретающих со временем значение амулетов, далее вещи могут превращаться в людей, способствуя воззрению о появлении духов антропоморфного вида, с последующим появлением представления о человеческой душе и возникновении человекоподобных духов», нуждающихся в пище смертных [Вдовин, 1976: 220]. Тем самым в исследовании ученого утверждается матафизическое сближение человека и предмета, его антропоморфного аналога. Вместе с тем остается не до конца понятной половая принадлежность этого аналога. Как было процитировано ранее, Л. Я. Штернберг называет нижнюю дощечку, символизирующую духа огня, мужской персоной. Но есть повод усомниться в том, насколько верна в данном случае половая характеристика.

В мировой культуре данное обстоятельство имеет вполне обоснованную трактовку. В ряде отставших обществ огнивные палочки имели конкретную гендерную персонафикацию. Л. Я. Штернберг приводил пример племени *гереро*, у которого из железного дерева изготавливалась «мужская палочка» для высверливания огня [Штернберг, 2012: 371]. Дж. Дж. Фрэзер привел ряд исчерпывающих тему эпизодов из воззрений народов тропической зоны. В свое время ученый писал, что в Индии бихарцы, первобытное племя из Чхота Нагпур, до сих пор получают огонь при помощи древнего метода — с помощью трения палочек, которые считаются мужской и женской: «...одна из них ближе к середине имеет надрез и называется энга, или женская палочка. Палочку энга кладут на землю надрезом вверх... Другую палочку, которая называется санре, или мужская палочка, вставляют перпендикулярно в надрез на палочке энга и быстро вращают между ладонями, пока обуглившаяся труха, образующаяся в процессе сверления, не загорится... Зажигание огня в данном случае имитирует соитие между людьми» [Фрэзер, 2014: 148–149]. Здесь, как и в прочих сферах мировоззрения, действует психологическая модель подобия: по словам Дж. Дж. Фрэзера, «подобное подобно». Хорошей иллюстрацией к этим словам является папуасский миф о происхождении домашнего огня, где герой насильно овладел девушкой, но не смог высвободиться из любовного слияния. Односельчане призвали опытного человека, который с целью разъединить пару «принялся трясти и вертеть ее так и сяк». И тут появился дым, а затем и пламя. В древней мифологии любовную тему огня иллюстрирует история Афродиты, изменившей с Аресом мужу — кузнецу Гефесту, богу-распорядителю одомашненного «ремесленного» огня. Позже по этому поводу стали говорить, что кузнец «кует свадебку», чему, к примеру, имеется множество примеров в славянской традиции. Но еще задолго до этого Авеста повествует о том, что живой огонь воплощен в божестве Агни, рожденном «вытиранием», где нижняя палочка ассоциируется с богиней Урваши, верхняя — с ее возлюбленным Пуруранасом [Белова, Петрухин, 2008: 24–26]. Приведенные

примеры однозначны в своей интерпретации. В культурологическом аспекте огнивный прибор представляет собой разнополюю пару, которой на основании сближения с человеком приписывается присущая человеку сексуальность, а процесс возгорания рассматривается как результат соития.

Вместе с тем в истории чукотского огня, в том числе огнивных приборов, особая роль принадлежит женщине, на попечении которой находились «все священные предметы» [Борогаз, 2016: 63]. В контексте данного сближения любопытны два мифопоэтических факта. Первый рассказывает о том, что лучок огнивного прибора обычно изготавливался из изогнутого ребра оленя или лося (рис. 1.-2, 4; 2.-2), напоминая тем самым мифологическое тождество с ребром Адама, послужившего материалом для сотворения Евы. Другая чукотская мифологема, повествующая о происхождении женщины, опосредованно указывает на пол животного, которому принадлежало это ребро. Согласно тексту, человек (мужчина) довольно долго жил один, но однажды его посетил Творец и спросил, не скучно ли ему. Человек не знал, что такое скучно, но это знал демиург, сказавший: «Создам тебе товарища скуки. Зачем жить одному!.. Повернись боком! Вынул у него нижнее ребро, сделал из него женщину, положил рядом». Дальнейшая цель Творца состояла в размножении людей: «Ну, теперь умножьтесь, станьте народом!» [Богораз, 1890: 170]. В. Г. Богораз не прокомментировал происхождение женщины в контексте заимствования текста из библейского нарратива, что непременно сделал бы, будь у него основание для подобного рода суждений. Следовательно, обозначающаяся аналогия библейской и чукотской мифологем имеет автохтонное происхождение. Здесь важно то, что палочка-сверло, семантически структурируясь с лучком, приобретает мужское значение.

Симптоматично смысловое тождество мифологемы и факта из реальности, в которых с помощью «мужского» ребра творится (рождается) чукотский огонь — точнее, его символический дух, или хозяин. При этом в отсутствие наследника-мужчины женщина приобретала статус главного наследника, владельца тавра, огнивной доски, получала должность «хранительница очага» и звание «главно-огнивная» [Борогаз, 2016: 63]. В жилище, таким образом, сосуществовали две главенствующие мифические фигуры — хозяин огня и хранительница очага. Первая была сугубо символическим образом, а вторая осмыслялась в реальном и символическом воплощении одновременно. Нечто подобное находим в истории первобытных обществ и ранних цивилизаций, оформивших ранние воззрения в развитую религиозную систему. В традиционных храмах Уганды содержались невинные девочки для поддержания вечного огня, а в Риме существовал институт девственниц-весталок, поддерживавших огонь в царском очаге; предполагалось, что они — жены бога огня [Фрэзер, 2014: 144]. На сибирской почве символический нуминозный брак обитателей очага известен из мифологии енисейских эвенков, у которых существовало представление о «духе огня», женатом на хозяйке очага [Токарев. 1961: 15].

Примеры «женщины-хранительницы домашнего очага», точнее, женское олицетворение очага, «хозяйки очага» специалисты находят преимущественно у народов Северной Азии, где начиная с эпохи палеолита развивается особая форма воззрения и соответствующая ему изобразительная манера. К такому выводу склоняют находки

женских статуэток, располагавшихся у очагов древнейших жилищ [Токарев, 1961: 14]. В этом отношении весьма показателен рисунок женщины, сидящей предположительно у очага (костра), гравированный на фрагменте бивня мамонта, обнаруженном в местечке Парусинка на окраине Северска, города-спутника Томска. Фигура изображена резным контуром в профиль, без головы, в манере, свойственной палеолиту Франко-Кантабрийской области [Ожередов, 1997: 127; 2016: 189–190, рис. 2–4]. Аналогичные безголовые женские фигуры, обозначенные лишь контуром спины и таза, хорошо известны в пещерных памятниках Пеш-Мерль, Лоссель и др. [Фролов, 1987, с. 13]. В связи с этим следует заметить, что стилиевые характеристики гравировок на бивне сближаются с европейским мадленом, на что указывает результат AMS-датирования, определивший возраст в пределах 13100–13005 лет (11150–11055 лет до н. э.) (Beta-400624). [Ожередов, 1997: 127; 2016: 188; Есин, Магай, Монна, Ожередов, 2019: 41, 44; Esin, Magai, Monna, Ozheredov, 2020: 1, Fig. 5c, 6e].

1

2

Рис. 4. Безголовый женский профиль спины и бедра на фрагменте бивня мамонта из Парусинки: 1 – фото Ю. И. Ожередова; 2 – прорисовка Ю. И. Ожередова. 2016 г.
 Figure 4. Headless female profile of the back and hip on a fragment of a mammoth tusk from Parusinka: 1 – Photo by Yu. I. Ozheredov; 2 – Drawing by Yu. I. Ozheredov. 2016

Продолжение данной истории обнаруживается в трипольской культуре энеолита и раннего бронзового века, где помимо женских статуэток близ очагов, найден «женский идол», «сидящий около печи внутри модели жилища». В этнографии Чукотки женские статуэтки из кости фигурируют у эскимосов, а деревянные женские фигурки хранительниц очага алэлы имели распространение у эвенков [Токарев, 1961: 19, рис. 1, 2].

Несомненно, мотивы о происхождении женщины уходят в глубокую древность, к архетипам космогонических представлений о сотворении мира и изначальных его обитателей, исходя из обычного для архаического сознания состояния, постоянно экстраполирующего к подобиям. К примеру, символический брак обитателей очага «старика со старухой» у гиляков, подсмотренный в традиционной жизни. Или не менее символическая персонификация огнивого прибора, где нижняя доска в огневом инстру-

менте ассоциируется с женским образом, заключенным в антропоморфной фигурке, «рождающей» огонь после соития с фаллоподобным сверлом, подобно женщине, рождающей ребенка после коитуса. Вместе с тем в литературе упоминается, что антропоморфная доска отождествляется с персоной хозяина огня в мужском его воплощении, обусловленном статусом владельца стада. С другой стороны, при особых обстоятельствах прекращения наследования по мужской линии женщина в чукотском обществе имеет право стать наследницей стада, следовательно, «хозяйкой огня». В таком случае бытовая ситуация могла экстраполироваться на символическую.

Не будем утверждать, но весьма вероятно, что в данном случае наблюдается переход полового доминирования, обусловленный изменением социального статуса. Открытие и доместикация огня произошли в матриархальном обществе в условиях главенства Богини-Матери и ее персонификации в облике земной женщины. Вследствие этого женская ипостась доминировала в олицетворении половой принадлежности хозяйки огня, как, впрочем, и хозяйки очага. В. Н. Харузина обобщила данную тенденцию словами: «Не была ли на заре жизни человечества женщина естественной хранительницей огня на очаге, временном или постоянном? Мужчина, добытчик дичи, уходил иногда далеко; женщина постепенно принуждена была сократить свою подвижность. Если исходить из трудности добывания огня и удобств сохранять его поддержанием, не представляется ли возможным допустить... что женщина оставалась зачастую на месте стоянки, чтобы только сохранить огонь?... Женщина более, чем мужчина, имела случай обходиться с огнем, изучать его свойства, привычки... Она замечала, отчего он, сердитый, шипит и трещит, сыплет искрами, что заставляет его поднимать кверху свои языки, с какой жадностью он накидывается на подбрасываемую ему «пищу»– топливо. Ее внимание усиленно сосредоточивалось на стихии, поддержание которой было так существенно важно. В ее уме создавался ряд суеверных представлений, она составляла себе целый кодекс более или менее верных примет, относящихся к огню» [Харузина, 1906: 76–77].

В том числе складывались представления о коитусе между хозяйкой огня, олицетворенной в женщине, следящей за огнем, и духом огня в мужской ипостаси. Однако с развитием и доминированием мужской линии социализации общества возобладали мужская тенденция с соответствующим преобладанием половой окраски домашних духов и божеств. Согласно законам имитативной магии, утверждающей, что «подобное подобно», появляется некоторая возможность предположить, что чукотский огневой прибор — это имитация женского и мужского персонажей, совместными усилиями рождающих божественный «чистый» («деревянный») огонь.

Помимо значения символического ретранслятора и коммуникатора с потусторонним миром, огневые доски и сами служили предметами приношения. Их укладывали поверх кучи веток тальника (многоснежной зимой — ольхи), венчавшей груди оленьих рогов, сложенных за ярангой в ходе подготовки к празднику молодого оленя. Обладая магической силой, доска выступала в виде апотропея, замещавшего очистительный огонь. Однако при наличии разных ипостасей, обусловленных сверхъестественной природой, главное предназначение огневых досок состояло в получении «чистого» огня [Горбачева, 2004: 50].

Относительно огня, в частности домашнего очага, широко распространены поверья, суеверные запреты и пр. По воззрениям славян в огонь нельзя плевать, мочиться, бросать нечистоты. Зажигание нового огня должно происходить по определенным правилам, с соблюдением известных обрядов. Перечисленные запреты только подтверждают мысль о том, что огонь считался чистой и очищающей стихией. В основе подобной идеи лежали реальные факты: огонь и особенно дым костра и очага помогали людям освобождать жилье от всякого рода паразитов — гнуса, мошкар, комаров, москитов. Та же реальность отразилась и в повсеместном — у всех народов — использовании огня в народной медицине. Трудно перечислить все способы использования его «целительной» функции: прижигание больного места печной золой, окуривание, копчение, «освящение» лечебных средств и пр. [Плотникова, 2004: 519].

Убедительным подтверждением наблюдений и выводов археологов и особенно этнологов явились исследования в области человеческой психики, позволившие рассмотреть исторические предметы и явления с новой позиции в свете знаний медицинской науки. Впервые о связи огня и его покорении первобытным человеком на материале психоанализа заговорил Зигмунд Фрейд в работе «О добывании и покорении огня». Ученый указал на фаллическую природу огня и естественное природное стремление человека (мужчины) покорить огонь собственной мочой (подобно Гулливеру или Гаргантюа), вступив при этом в некое гомосексуальное соревнование и получая от него наслаждение. По мнению автора, тот, кто первым отказал себе в этом удовольствии и пощадил огонь, тот и получил его, поставив себе на службу. Автор писал: «Укротив огонь собственного сексуального возбуждения, он покорил природную силу огня. Это великое завоевание культуры было своеобразной наградой за отречение от инстинкта. В дальнейшем женщина была поставлена хранительницей домашнего очага, поскольку уже по своему анатомическому строению она не могла себе позволить такого удовольствия. Заслуживают внимания и постоянные свидетельства аналитического опыта о взаимосвязи честолюбия, огня и уретральной эротики» [Фрейд, 1998: 57]. Важным в нашем случае является постулат, гласящий, что женщина занимает свое место у очага в силу неспособности навредить огню таким способом. Возражения Альбрехта Шаффера побудили ученого вернуться к этой теме в статье «О добывании огня». На основе тонкого психологического анализа мифов о похитителе огня Прометее и победителе лернейской гидры Геракле автор исследования приходит к ранее высказанной мысли о победе культурной составляющей человеческой природы над ее инстинктивной частью [Фрейд, 1998: 58–62; 2009: 23, 29–31]¹.

Более обстоятельно с позиций психоанализа, в том числе в контексте нашего исследования, проблема доместикации огня изучена К. Г. Юнгом. Не вдаваясь в специальные вопросы, отметим наиболее важные в данном случае выводы. В частности, о том,

---

¹ В русской редакции данная работа с небольшими изменениями известна еще под названием «О добывании огня» (см. : [Фрейд, 1998: 57–62; 2009: 23–31]). Имеющиеся в публикациях отличия обусловлены разными переводами, в целом тождественными по смыслу. Однако существенная разница наблюдается в примечаниях. При этом в одном случае (2009 г.) имеется указание на их авторский вариант, в другом (1998 г.) указано: «Прим[ечание]. перев[одчика]». Второе более пространно и заметно отличается по содержанию от первого.

что «добывание огня сверлением — это десексуализованная форма кровосмесительного совокупления; здесь совокупление утратило свою *непосредственную* половую ценность и превратилось в *посредствующий* фактор продолжения жизни рода» [Юнг, 1998: 260]. На примерах инфантильного возраста и поведения людей с нарушенной психикой, отправляющей к детству, автор доказывал причастность либидо к первобытному осмыслению процессов, связанных с трением от вращения, обусловленных мастурбационными устремлениями. Основываясь на этнографических и ранних литературных наблюдениях, Юнг говорил об игровой ритуальной стратегии первобытных племен, где обрядовые совокупления исполняются не людьми, а символами, представляющими *фаллос* и *вульву*: трутом, высверливающим огонь, и отверстием в куске дерева [Юнг, 1998: 256, 260–261]. Исследователь приводит отрывок из ведийских Упанишад, повествующий об Атмане, природа которого представляет собой первосущность и всебытие, олицетворенное в двуполом существе (андрогин), что соответствует теории либидо. По словам Юнга, «мир возник из вожделения». Автор приводит текст, удивительно точно коррелирующий с чукотской мифологемой о происхождении женщины, приведенной ранее: «Вначале все это было лишь Атманом в виде *пуруши*. Он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя... Он боялся. Поэтому [и поныне], тот, кто одинок, боится... Поистине, он не знал радости. Поэтому тот, кто один, не знает радости. Он *захотел второго*». «Атман был таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга. Он сочетался с нею, тогда произошли люди. И она подумала: „Как может он сочетаться со мной после того, как произвел меня из самого себя? Что же — я прячусь“. Она стала коровой, он — быком и сочетался с ней; тогда родились коровы. Она стала кобылой — он жеребцом; она ослицей — он ослом и сочетался с ней; тогда родились однокопытные...». Он узнал: «Поистине я есмь творение, ибо я сотворил все это». Затем он потер [руки] и сотворил огонь изо рта, [словно] из материнского лона [Юнг, 1998: 261–262]. Столь близкое сходство чукотского и ведийского нарративов при значительной географической их разобщенности может свидетельствовать о сближении происхождения, обусловленного единством архаического прошлого, единством исходного первоисточника. Самое для нас интересное в разработке К. Г. Юнга — его мысль, доказывающая идею происхождения огня от трения, восходящую к глубинам человеческого коллективного бессознательного, к некоему всеобщему человеческому архетипу.

Заключение

В ходе работы собран корпус источников по теме исследования, включающий публикации и полевые материалы XVIII–XXI вв. Анализ источников показал не только неоднородность их содержания, но и отдельные противоречия, которые устраняются, как правило, при семантическом разборе информации.

Исследование позволило обобщить и предварительно проанализировать массу разрозненных сведений о чукотских приборах для добывания нуминозного ритуального огня.

Повсеместная гендерная грация двух основных деталей лучкового огнивого прибора нашла массу подтверждений в мифологии и этнографии, позволивших констати-

ровать в чукотской культуре факт символического брачного соития в процедуре получения магического «чистого» или «деревянного» огня.

В чукотской мифологии выявлены сведения, сближающие некоторые элементы чукотских воззрений с общевразийскими примерами, включая библейские сюжеты. Данное сближение обусловлено не только единством первоисточников, но и единством человеческого психотипа, что убедительно доказывает метод психоанализа, введенный в интерпретацию письменных, археологических и этнографических свидетельств К. Г. Юнгом.

Настоящее исследование, не претендуя на исчерпывающий результат, предлагает базовую основу для дальнейших усилий в данном направлении.

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств гранта НОЦ «Север: территория устойчивого развития» в рамках реализации технологического проекта 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анучин Д. Н. Открытие огня и способы его добывания. М. ; Пг. : Госиздат, 1923. 40 с.
- Белова О. В., Петрухин В. Я. «Живой огонь» в свете сравнительной мифологии // «Кирпичики»: Фольклористика и культурная антропология сегодня. М. : РГГУ, 2008. С. 24–28.
- Белова О. В., Узенёва Е. С. Огонь // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М. : Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 513–519.
- Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклору, собранные в Колымском округе. СПб. : Издание Имп. Академии наук, 1900. Вып. 1. 417 с.
- Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М. : Наука, 1991. 224 с.
- Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб. : Типография Императорской АН, 1901. Вып. II. 66 с.
- Богораз В. Г. Чукчи: Религия. М. : ЛЕНАНД, 2016. 208 с.
- Вдовин И. С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начала XX в.). Л. : Наука, 1976. С. 217–253.
- Вдовин И. С. Религиозные культы чукчей // Памятники народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л. : Наука, 1977. С. 117–171.
- Воробей И. Е., Хаховская Л. Н., Митько О. А. Дополнительные сведения о комплексах ударной огнедобычи в погребальной практике коряков Северо-Эвенского района Магаданской области // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 164–171.
- Горбачева В. В. Обряды и праздники коряков. СПб. : Наука, 2004. 152 с.
- Гордон Ч. Прогресс и археология. М. : Иностран. лит., 1949. 94 с.
- Дмитриева Т. Н., Щербакова Т. И. Животные в чукотских связках семейных охранителей (По материалам коллекции И. П. Лаврова). URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1639996622&tld=ru&lang=ru&name=978-5-88431-271-5_15.pdf&text=T.%20Н.%20\(дата обращения: 02.06.2023\)](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1639996622&tld=ru&lang=ru&name=978-5-88431-271-5_15.pdf&text=T.%20Н.%20(дата%20обращения%20:02.06.2023)).

Есин Ю. Н, Магай Ж., Монна Ф., Ожередов Ю.И. Изображения верблюдов эпохи палеолита с реки Томь в Западной Сибири // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 2 (64). С. 43–69.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991. 511 с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск : Наука, 2005. 375 с.

Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск. Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 1. 152 с.

Клоков К. Б. Этнокультурный ландшафт чукчей села Мейныпильгыно // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 37–54.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. : ОГИЗ. Гос. изд-во географ. лит., 1948. 292 с.

Кузнецова В. Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских чукчей // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л. : Наука, 1957. Вып. 2. С. 243–325.

Леббок Дж. Начало цивилизации и первобытное состояние человека: Умственное и общественное состояние дикарей. М. : Кн. дом ЛИБРОКОМ, 2011. 384 с.

Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М. : Изд-во иностр. лит., 1954. 488 с.

Ожередов Ю. И. Гравированный бивень мамонта из «Парусинки» // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово, 2016. С. 182–192.

Ожередов Ю. И. К вопросу о позднеплейстоценовой фауне по материалам археологии // Эволюция жизни на земле: материалы I-го Международного симпозиума. Томск, 1997. С. 126–127.

Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Копья и стрелы в ритуалах чукчей // Народы и религии Евразии. 2021. № 1 (26). С. 111–139.

Плотникова Л. Л. Огонь «живой» // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М. : Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 519–521.

Токарев С. А. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита // Советская археология. 1961. № 2. С. 12–20.

Токарев С. А. Символика огня в истории культуры // Природа. 1984. № 9. С. 75–79.

Токарев С. А. Символика огня в истории культуры // С. А. Токарев. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. Т. 2. С. 185–194.

Тэйлор Э. Первобытная культура. М. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. 568 с.

Фрейд З. О добывании и покорении огня // Между Эдипом и Озирисом: Становление психоаналитической концепции мифа. Львов : Инициатива ; М. : Совершенство, 1998. С. 57–62.

Фрейд З. О добывании огня. СПб. : Азбука-классика, 2009. С. 23–31.

Фробениус Л. Детство человечества. СПб. : Изд. книжн. магазина П. В. Луковникова, 1914. 368 с.

Фролов Б. А. Открытие человека (к опыту новых исследований первобытного искусства) // Звери в камне. Новосибирск : Наука, 1987. С. 8–18.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М. : Изд-во полит. лит., 1983. 703 с.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Новые плоды (исследование магии и религии). М. : Академический проект, 2014. 407 с.

Харузина В. Н. К вопросу о почитании огня // Этнографическое обозрение. М., 1906. Вып. 3–4. С. 68–205.

Чукчи // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/brockhaus-efron/articles/215/chukchi.htm> (дата обращения: 24.05.2023).

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. М. : Кн. дом ЛИБРОКОМ, 2012. 592 с.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М. : Академический Проект, 2008. 622 с.

Юнг К. Г. Перемещение либидо как возможный источник первобытного человеческого творчества // Между Эдипом и Озирисом: Становление психоаналитической концепции мифа. Львов : Инициатива; М. : Совершенство, 1998. С. 247–275.

Ярзуткина А. А. Полевые материалы автора — ПМА, Чукотский автономный округ (2003–2023 гг.).

Esin Y. N., Magail J., Monna F., Ozheredov Y. I. Images of camels on a mammoth tusk from West Siberia // *Archaeological Research in Asia*. 2020. Vol. 22 (100180). P. 1–13.

Lykkegård J. Feeding the girgir at Kilvei: An exploration of human-reindeer ancestor relations among the Siberian Chukchi // *The Siberian world*. New York, NY: Routledge, 2023. P. 488–500.

Vaté V. Kilvêi: The Chukchi Spring Festival in Urban and Rural Contexts // *Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin, 2005. P. 39–62.

REFERENCES

Anuchin D. N. *Otkrytie ognya i sposoby ego dobyvaniya* [The Discovery of Fire and the Matter of Its Production] M.; Petrograd: Gosizdat, 1923, 40 p. (in Russian).

Belova O. V., Petruhin V. Ya. “Zhivoj ogon” v svete sravnitel'noj mifologii [“Living fire” in the light of observed mythology]. *“Kirpichiki”: Fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statej v chest' 65-letiya S. Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoj deyatel'nosti* [“Bricks” Folklore and cultural anthropology today: a collection of articles in honor of the 65th anniversary of S. Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his scientific activity] M.: RGGU, 2008. P. 24–28 (in Russian).

Belova O. B., Uzenyova E. C. Ogon' [Fire]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, vol. 3. P. 513–519 (in Russian).

Bogoraz V. G. *Materialy po izucheniyu chukotskogo yazyka i fol'kloru, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on Great Britain of the Chukchi language and folklore collected in the Kolyma district.]. SPb.: Izdanie Imp. Akademii nauk, 1900, is. 3, 417 p. (in Russian).

Bogoraz V. G. *Material'naya kul'tura chukchej* [Material Culture of the Chukchi]. M.: Nauka, 1991, 224 p. (in Russian).

Bogoraz V. G. Oчерk material'nogo byta olennyh chukchej [Essay on the Material Life of the Reindeer Chukchi]. *Sbornik Muzeya Antropologii i Etnografii*. [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj AN, 1901, is. 2, 66 p. (in Russian).

Bogoraz V. G. *Chukchi: Religiya* [Chukchi: Religion]. M.: LENAND, 2016, 208 p. (in Russian).

Chukchi [Chukchi]. *Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [Encyclopedic Dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. SPb.: Brokgauz-Efron, 1890–1907. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/brockhaus-efron/articles/215/chukchi.htm> (accessed at May 24, 2023) (in Russian).

Dmitrieva T. N., Shcherbakova T. I. *Zhivotnye v chukotskih svyazkah semejnyh ohranitelej (Po materialam kollekcii I. P. Lavrova)* [Based on materials from the collection of I. P. Lavrov]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1639996622&tld=ru&lang=ru&name=978-5-88431-271-5_15.pdf&text=T.%20N.% (accessed at June 2, 2023) (in Russian).

Eliade M. *Istoriya very i religioznyh idej: Ot kamennogo veka do elevsinskih misterij* [History of Faith and Religious Ideas: From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries]. M.: Akademicheskij Proekt, 2008, 622 p. (in Russian).

Esin Yu. N, Magaj Zh., Monna F., Ozheredov Yu. I. *Izobrazheniya verblyudov epohi paleolita s reki Tom' v Zapadnoj Sibiri* [Images of Paleolithic Camels with the Tom Rivers in a Significant Part of Siberia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, and Culture]. 2019, no. 2 (64). P. 43–69 (in Russian).

Frejd Z. O dobyvanii i pokorenii ognya [«The Acquisition and Control of Fire']. *Mezhdou Edipom i Ozirisom: Stanovlenie psihoanaliticheskoj koncepcii mifa*. [Between Oedipus and Osiris: Formation of the Psychoanalytic Concept of Myth]. L'vov: Iniciativa; M.: Sovershenstvo, 1998. P. 57–62 (in Russian).

Frejd Z. *O dobyvanii ognya* [About Making Fire]. SPb.: Izd. gruppa “Azbuka-klassika”, 2009. P. 23–31 (in Russian).

Frezer Dzh. Dzh. *Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough. The study of magic and religion]. M.: Izd-vo polit. lit, 1983, 703 p. (in Russian).

Frezer Dzh. Dzh. *Zolotaya vetv'. Novye plody (issledovanie magii i religii)* [The Golden Bough. New Fruits (the study of magic and religion)]. M.: Akademicheskij proekt, 2014, 407 p. (in Russian).

Frobenius L. *Detstvo chelovechestva* [The Childhood of Man]. SPb.: Izd. knizhn. magazina P. V. Lukovnikova, 1914. 368 s. (in Russian).

Frolov B. A. Otkrytie cheloveka (k opytu novih issledovanii pervobitnogo iskusstva) [Motives of primitive animalistic creativity]. *Zveri v kamne* [Animals in stone]. Novosibirsk: Nauka, 1987. P. 8–18 (in Russian).

Gorbacheva V. V. *Obryady i prazdniki koryakov* [Rites and holidays of the Koryak]. SPb.: Nauka, 2004, 152 s. (in Russian).

Gordon Ch. *Progress i arheologiya* [Progress and Archeology]. M.: Inostr. lit. [“Foreign Literature”], 1949, 94 p. (in Russian).

Kar'yalajnen K. F. *Religiya yugorskih narodov* [Religion of the Ugra peoples]. Tomsk. Izd-vo Tom. un-ta, 1994, vol. 1, 152 p. (in Russian).

Klokov K. B. Etnokul'turnyj landshaft chukchej sela Mejnypil'gyno [The ethno-cultural landscape of the Chukchi in the village of Mejnypil'gyno]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. 2021, no. 4. P. 37–54 (in Russian).

Haruzina V. N. K voprosu o pochitanii ognya [On the question of the veneration of fire]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. M., 1906. Is. 3–4 P. 68–205 (in Russian).

Krasheninnikov S. P. *Opisanie zemli Kamchatki* [Description of the Land of Kamchatka]. M.: OGIZ. Gos. izd-vo geograf. lit., 1948, 292 p. (in Russian).

Kuznecova V. G. Materialy po prazdnikam i obryadam amguemskih chukchej [Materials on the Holidays and Rituals of the Amguem Chukchi]. *Sibirskij etnograficheskij sbornik* [Siberian Archaeological Collection]. M.; L.: Nauka, 1957, is. 2. P. 243–325 (in Russian).

Lebbok Dzh. *Nachalo civilizacii i pervobytnoe sostoyanie cheloveka: Umstvennoe i obshchestvennoe sostoyanie dikarej* [The Beginning of Civilization and the Primitive State of Man: The Mental and Social State of Savages]. M.: Knizhnyj dom “LIBROKOM”, 2011, 384 p. (in Russian).

Lips YU. *Proiskhozhdenie veshchej. Iz istorii kul'tury chelovechestva* [Origin of Things from the History of Human Culture]. M.: Izd-vo inostr. lit., 1954, 488 p. (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Gravirovannyj biven' mamonta iz “Parusinka” [Engraved mammoth tusk from the “Parusinka”]. *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Central'noj Azii (problemy interpretacii i sohraneniya): Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (Problems of Association and Collection): Proceedings of the International Conference Kemerovo]. Kemerovo, 2016. P. 182–192 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. K voprosu o pozdneplejstocenovoj faune po materialam arheologii [On the issue of the Late Pleistocene fauna based on materials from archeology]. *Evoljuciya zhizni na zemle: Materialy I mezhdunarodnogo simpoziuma* [Evolution of Life on Earth: Proceedings of the 1st International]. Tomsk: Izd-vo NTL, 1997. P. 126–127 (in Russian).

Ozheredov Yu. I., Yartzutkina A. A. Kop'ya i strely v ritualah chukchej [Spears and arrows in the rituals of the Chukchi]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2021, no. 1 (26). P. 111–139 (in Russian).

Plotnikova L. L. Ogon' “zhivoj” [Fire “live”]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic Antiquities. An ethnographic dictionary]. 2004. P. 519–521 (in Russian).

Shternberg L. Ya. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii: Issledovaniya, stat'i, lekcii* [Primitive religion in the light of ethnography: research, articles, and lectures]. M.: Knizhn. dom “LIBROKOM”, 2012, 592 p. (in Russian).

Tejlor E. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. M.: Gos. soc.-ekonom. izd-vo, 1939, 568 p. (in Russian).

Tokarev S. A. K voprosu o znachenii zhenskih izobrazhenij epohi paleolita [On the issue of the significance of female images of the Paleolithic era]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology]. 1961, no. 2. P. 12–20 (in Russian).

Tokarev S. A. Simvolika ognya v istorii kul'tury [The symbolism of fire in the history of culture]. *Izbrannoe. Teoreticheskie i istoriograficheskie stat'i po etnografii i religiyam narodov mira* [Favorites. Theoretical and historiographical articles on ethnography and religions of the peoples of the world] M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 1999, vol. 2. P. 185–194 (in Russian).

Tokarev S. A. Simvolika ognya v istorii kul'tury [The symbolism of fire in the history of culture]. *Priroda* [Nature]. 1984, no. 9. P. 75–79 (in Russian).

Yung K. G. Peremeshchenie libido kak vozmozhnyj istochnik pervobytnogo chelovecheskogo tvorchestva [Libido displacement as a possible source of primitive human creativity]. *Mezhdru Edipom i Ozirisom: Stanovlenie psihoanaliticheskoj koncepcii mifa* [Between Oedipus and Osiris: The Formation of the Psychoanalytic Concept of Myth]. L'vov: Iniciativa; M.: Sovershenstvo, 1998. P. 247–275 (in Russian).

Yarzutkina A. A. *Polevye materialy avtora — PMA, Chukotskij avtonomnyj okrug* [Field materials of the author. PMA, Chukotka Autonomous Okrug (2003–2023)] (2003–2023 gg.) (in Russian).

Vdovin I. S. Priroda i chelovek v religioznyh predstavleniyah chukche [Nature and man in the religious representations of the Chukchi]. *Priroda i chelovek v religioznyh predstavleniyah narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX — nachala XX v.)* [Nature and man in the reviews of the peoples of Siberia and the North (the second half of the 19th — early 20th centuries)]. L.: Nauka, 1976. P. 217–253 (in Russian).

Vdovin I. S. Religioznye kul'ty chukchej [Religious cults of the Chukch]. *Pamyatniki narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Monuments of the peoples of Siberia and the North (the second half of the XIX — beginning of the XX century)]. L.: Nauka, 1977. P. 117–171 (in Russian).

Vorobej I. E., Hahovskaya L. N., Mit'ko O. A. Dopolnitel'nye svedeniya o kompleksah udarnoj ognedobychi v pogrebal'noj praktike koryakov Severo-Evenskogo rajona Magadanskoj oblasti [Additional information about the complexes of impact fire mining in the burial practice of the Koryak people of the North-Evensky district of the Magadan region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. Story]. 2020, no. 66. P. 164–171 (in Russian).

Yohelson V. I. *Yukaghiri i yukagirizirovannye tungusi* [Yukaghirs and Yukagized Tunguses]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 675 p. (in Russian).

Zelenin D. K. *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. M.: Nauka, 1991, 511 p. (in Russian).

Esin Y. N., Magail J., Monna F., Ozheredov Yu. I. Images of camels on a mammoth tusk from West Siberia. *Archaeological Research in Asia*. 2020. Vol. 22 (100180). P. 1–13 (in English).

Lykkegård J. Feeding the gi'rgir at Kilvei: An exploration of human-reindeerancestor relations among the Siberian Chukchi. *The Siberian world*. New York, NY: Routledge, 2023. P. 488–500 (in English).

Vaté V. Kilvèi: The Chukchi Spring Festival in Urban and Rural Contexts. *Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin, 2005. P. 39–62 (in English).

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023

Принята к публикации: 22.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023

УДК 395.3, 94 (517)

DOI 10.14258/nreur(2023)3–08

Т.Д. Скрынникова

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург

ТИТУЛ «ХАГАН» — МАРКЕР ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В МОНГОЛЬСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Иерархия властных отношений имела важное значение, когда верховный правитель обозначался специальным титулом: в монгольской политической культуре титулом *хаган*, заимствованным из традиции древнетюркских каганатов. Уже в XIII в., на раннем этапе монгольской истории, титул *хаган* легитимизировал право претендента на верховную власть в монгольском обществе: он «ведал всеми монголами». С образованием Чингис-хаганом Монгольской империи даже после ее распада титул *хаган* сохранялся за старшими потомками Золотого линиджа (алтан уруг) Чингис-хагана: тем самым подтверждалась генеалогическая преемственность и, соответственно, легитимность их власти над всеми монголами. Какими бы ни были успехи ойратов по завоеванию монголов, в монгольской летописной традиции они никогда не назывались хаганами, хотя претендовали на это, что свидетельствовало о признании нелегитимности их власти в монгольском мире. В то же время в монгольской летописной традиции мы обнаруживаем два примера, когда титул *хаган* приписывался не представителям старшей линии чингисидов. Первый связан с Халхой, которая была дана Даян-хаганом своему младшему сыну Гэрэсэндзэ. То, что, начиная с внука, его потомки стали называться *хаган ахай*, т. е. старшими хаганами, является свидетельством того, что к началу XVII в. Халха становится самостоятельным политическим актором. Другой пример связан с обозначением титулом *хаган* маньчжурских императоров, что подтверждает признание монголами своего подчиненного положения.

Ключевые слова: Золотой линидж (алтан уруг), Чингис-хаган, власть, верховный правитель, легитимация, ойраты, маньчжурский император.

Цитирование статьи

Скрынникова Т.Д. Титул «хаган» — маркер верховной власти в монгольской летописной традиции // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 184–193.

DOI 10.14258/nreur(2023)3–08.

T. D. Skrynnikova

Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of sciences, St. Petersburg

THE “KHAGAN” TITLE AS A MARKER OF SUPREME POWER IN THE MONGOLIAN CHRONICLE TRADITION

The hierarchy of power relations was of prime importance when a special title was used to designate the supreme rulers. In Mongolian political culture, the *khagan* title, adapted from the ancient Turkic khaganates tradition, was applied. Already known in the 13th c., e. g. the early stage of Mongolian history, this title legitimized the right of the claimant upon supreme power in the Mongolian society, i. e., right to be considered “the one being in charge of the Mongols”. Since the establishment of the Mongol Empire by Chinggis Khan, the title was retained by the senior descendants of the Golden Lineage (*altan urug*). This practice confirmed the genealogical continuity and legitimacy of their power over the Mongols. Thus, for example, regardless of the Oirats success in conquering the Mongols and their claim for the supreme power, they were never called khagans in Mongolian chronicles. The Mongolian chronicle tradition provides only two examples when the *khagan* title was applied to people non-representatives of the Chinggisid dynasty. The first one is related to Khalkha, which was given by Dayan Khan to his youngest son Geresenze. The fact that his descendants, starting from his grandson, were called *khagan akhai*, i. e., senior khagans, denotes that by the beginning of the 17th c. Khalkha had become an independent political actor. The title was also applied to the Manchu emperors, which confirmed the Mongols recognition of their subordinate position.

Key words: Golden Lineage (*altan urug*), Chinggis Khan, power, supreme ruler, legitimation, the Oirats, the Manchu emperor.

For citation:

Skrynnikova T. D. The “khagan” title as a marker of supreme power in the Mongolian chronicle tradition. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. T. 28, № 3. P. 184–193. DOI 10.14258/nreur(2023)3–08.

Скрынникова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** skryta999@mail.ru; ORCID.org/0000–0002–0674–2764.

Skrynnikova Tatiana Dmitrievna, doctor of historical Sciences, Professor, the Head of the Department of Central and South Asia of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS, Sanct-Peterburg (Russia). **Contact address:** skryta999@mail.ru; ORCID.org/0000–0002–0674–2764.

Введение

Актуальность данной темы объясняется важностью и необходимостью решения проблем признания легитимности власти, мотивировки законности власти единоличного правителя, в руках которого полностью или частично сосредоточена верховная власть в обществе. Власть делала возможным представление об обществе как об определенной целостности, она воплощала нормы мирового порядка и обеспечивала их соблюдение. Носитель верховной власти воспринимался как символ единства в обществе, рассматриваемом как единый организм.

Монгольская летописная традиция возрождается в XVII в., когда после трех веков забвения монголы проявляются на политической арене как активные акторы, что актуализировало возрождение тех констант политической культуры, которые способствовали институционализации социальных и политических структур и появлению новых форм властных отношений. Этому способствовала деятельность Мандухай-Сэцэн-хатун и Даян-хагана, начавшим объединение монгольских земель в XV в. Общеполитическая традиция сохраняла свою актуальность и в XVII в., обозначаясь и как *великий Монгольский улус*, и как *великий улус шести тумэнов*, позиционируя идентичность всей Монголии, где возростала роль верховного правителя.

Безусловно, иерархия властных отношений имела важное значение, когда верховный правитель обозначался специальным титулом: в монгольской политической культуре титулом *хаган*, заимствованным из традиции древнетюркских каганатов, где этот титул означал «верховный правитель, главный хан», часто являясь компонентом собственного имени — Алтан-хаган, Бильгэ-хаган и др. [Древнетюркский словарь, 1969: 405]. Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» отмечают относительную синонимичность титулов хаган и хан, признавая за последним более частное значение: «хан, правитель, повелитель, предводитель, владетель, государь» [Сравнительно-историческая грамматика, 1997: 666–667].

Первые хаганы монголов

Уже первый монгольский письменный памятник *Тайная история монголов* отмечает появление у монголов носителей титула *хаган*, что свидетельствует о существовании достаточно крупных сложносоставных этносоциальных объединений. Известно, что первыми хаганами монголов были Хабул-хаган и Амбагай-хаган, о которых автор *Тайной истории монголов* говорит, что они «ведали всеми монголами»: «§ 52 **qamuq mongqol-i qabul-qahan meden aba qabul-qahan-nu qoyina qabul-qahan-nu üge-ber dolo'an kö'üd-iyen bö'etele senggüm-bilge-yin kö'ün ambaqai-qahan qamuq mongqol-i meden aba**» [Racheviltz, 1972: 22] «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана, хотя он и имел семь сыновей, по его слову всеми монголами ведал Амбагай-хаган, сын Сэнгум-Билгэ» (пер. мой. — Т. С.). «Все монголы» (*qamuq mongqol*) — это, в сущности, общество групп, возглавляемых потомками Бодончара согласно генеалогии (действительной или мнимой); хаган избирался на совете равными себе главами этих сообществ для организации облавных охот и проведения военных действий, что и было оговорено при избрании Темучжина ханом в 1201 г., когда он также был назван «владыкой улуса» (*ulus-un ejen*) и наречен хаганом. Анонимный автор *Тайной истории монголов*

перечисляет всех, кто пришел к Темучжину [Козин, 1941: 107–108], и сообщает следующее: «Посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и све прочие и сказали Темучжину: ‘Мы решили поставить тебя **ханом** (здесь и ниже выделено мной. — Т. С.). Когда же станет у нас **ханом** Темучжин, вот как будем мы поступать: то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасных дев и жен, дворцы-палаты, холопов, прекраснolanитных жен и девиц, прекрасных статей мерингов. При облавах на горного зверя будем быделять тебе половину, боюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдевать тебе брюхо к брюху (сполна), сдавать стянувши стегна. В дни, если мы в чем нарушим твой устав, отлучай нас от стойбищ, жен и женщин, черные (холопские) головы наши разбросай по земле, по полу. В мирные дни, если нарушим твой мир-покой, отлучай нас от наших мужей-холопов, от жен и детей, бросай нас в безхозяйственной (безбожной) земле!’. Так они высказались, такую присягу приняли, Темучжина же нарекли **Чингис-хаганом** и поставилили **ханом** над собою» [Козин, 1941, 108–109].

Мы видим, что, как и древнетюркской политической культуре, титулы **хан** и **хаган** синонимичны: автор сообщает нам, что лидеры разных этносоциальных сообществ выбрали себе общего правителя. Но то, что они обозначили его титул как хаган, подчеркивает, что ему вручено управление всеми монголами.

Значение генеалогии

С возрождением политической активности монголов с XV в. актуализировались и символические маркеры верховной власти. Прежде всего одним из важнейших символов является маркер идентичности властвующей элиты, претендующей на владение всеми монголами — этноним *борджигин* (*borjigin*), которым обозначались потомки Чингис-хана: «потомки хагана назывались „линидж Борджигин”» (пер. мой. — Т. С.) (монг. *qayan-u ür-e Borjigin-u uruü nereyidbei*) [Erdeni-yin tobci 1990: 122]. В XVII в. появляется новый концепт — *altan uruü* («Золотой линидж»), который закреплял верховную власть монголов за потомками Чингис-хана. Появление нового концепта *altan uruü* усиливает потестарный сюжет повествования, им акцентируется продинастически ориентированный имперский метанарратив, подтверждая право на власть потомков Чингис-хана. И патрилинейное родство уже фиксировало как «Золотой линидж» Чингис-хана (монг. *singgis qayan-u altan uruü*) [Kollmar-Paulenz 2001: 152] род *borjigin*. Принадлежность к линиджу Чингис-хана позволяла представителям старшей линии *borjigin* претендовать на трон и получить титул *хаган*, которым мог маркироваться носитель верховной власти над всей Монголией.

Таким образом, титул *хаган* остается значимым символом верховной власти и после смерти Чингис-хана и распада созданной им империи, именно в титуле *хаган* воплощалась идея политического единства монголов. Это определялось ориентацией средневекового сознания на прошлое, когда современную историю координировали по какому-либо историческому событию, монголы прежде всего по Чингис-хану и созданной им империи. Наследственная верховная власть позиционируется как важнейшее средство, которое способно обеспечить определенный тип этнополитического единства. Летописи XVII в., зафиксировавшие состояние взаимоотношений внутри обще-

монгольского мира (от борьбы за власть между отдельными группами до некоторой степени объединения их в борьбе против ойратов и китайцев), отмечают постоянную актуальность даже в период «малых ханств» титула *хаган*, носителем которого был потомок Чингис-хана.

Счет велся на поколения, причем в каждом из них отмечался законный носитель верховной власти — наследник Чингис-хана. Например, в летописи *Erdeni tunumal* о периоде от Тогон Тэмуря, последнего монгольского императора династии Юань, принадлежавшего «Золотому линиджу сына Неба Чингис-хана», до Болху-джинона, отца Даян-хагана, говорится: «С тех пор и до сегодняшнего дня было несколько поколений ханов» (монг. *Tegün-ece inaysida kedün kedün üy-e boltal-a*) [Kollmar-Paulenz, 2001: 152]. Такой счет летописцы соблюдали, реконструируя генеалогию, даже в том случае, когда примогенитурный принцип передачи власти нарушался. Так, эту летопись заключает генеалогия, в которой Даян-хаган является потомком Чингис-хана в тринадцатом поколении, а потомком Тогон Тэмуря — в шестом поколении. Третьим после Тогон Тэмуря был Аджай-тайджи, который был сыном Харгуцаг Дуурэн тайджи, сына Усхал-хагана и внука Тогон Тэмуря. [Kollmar-Paulenz, 2001: 216]. Тогда как, согласно *Шара туджи*, Аджай-тайджи был сыном Элбэг-хагана. Девятым после Тогон Тэмуря «оставшимися монголами правил потомок Владыки (т. е. Чингис-хагана. — Т. С.) Адай-тайджи» [Желтая история, 2017: 85]. Это показывает, что механизмом подтверждения легитимности его прихода к власти стало соотнесение Адай-тайджи с Чингис-ханом в качестве его потомка. Хотя на самом деле это не соответствовало истине. «Адай (Атай, 1390–1433) был ханом монголов в 1426–1433 гг. Его происхождение неясно. В некоторых источниках он назван потомком Отчигина, младшего брата Чингис-хана, а в других — потомком Хасара, сыном Элбэг-Нигулэсугчи, сыном Угэчи-хасхи или сыном Эсэху» [Желтая история, 2017: 119].

Для выявления идентификационных практик можно не принимать во внимание эти разночтения, поскольку феноменологической реальностью является тот факт, что несмотря ни на что, авторы хроник возвращались постоянно к одной теме — манифестации принадлежности верховного правителя к *алтан уруг* (Золотому линиджу) Чингис-хана в наследовании власти.

Ойратские правители

Как уже говорилось, присвоение титула *qaγan* легитимизировало претензии на верховную власть старших потомков Чингис-хана, что согласовывалось с монгольской политической традицией, выработанной уже в XIII в. Титул *qaγan* (глава всех монголов) сохранялся за старшими потомками Чингис-хана вплоть до смерти последнего из них — Лигдэн-хагана.

Именованье того или иного правителя хаганом означало признание его верховным правителем монголов, во-первых, а во-вторых, подтверждало его легитимность. Это довольно выразительно представлено в нарративах о подчинявших себе монголов ойратских лидерах, которые никогда в летописной традиции не обозначались титулом *хаган*. Это повествования о двух ойратских правителях Тогон-тайши и Эсэн-тайши.

Захватив монголов, Тогон-тайши отправился к Восьми белым юртам¹, где, как известно, проходила интронизация претендента на престол. «Тогон-тайши, обойдя Белые юрты Владыки (Чингис-хана. — Т. С.), сказал поношение: „Ты — великий-суту, А я — сын Сутай!”. [Тут же] стрелы, бывшие в колчане Владыки, зазвенели, а из носа и рта Тогона пошла кровь. ...„Сын Сутай, я убит Владыкой богдо”, — сказал и умер» [Желтая история, 2017: 85].

Мы видим, что несмотря на то, что Тогоон к своим ойратским владениям присоединил еще и монголов и сел на трон, авторы летописей по-прежнему называли его Тогон-тайши как главу ойратов. Более того, его желание освятить свою победу посещением священных Восьми белых юрт привело его к смерти, можно сказать, от самого Чингис-хана.

После этого, как сообщают монгольские летописи, Эсэн-тайши сел ханом (qan saγuju). Следовательно, монгольская летописная традиция сохраняет значение титульной иерархии: поскольку Эсэн-тайши не был легитимным главой всех монголов, его не считали хаганом. В то же время ойраты, говоря между собой, называют Эсэна хаганом. «После этого Алаг Тэмур-чинсан правого крыла и Хатан Тэмур левого крыла сказали: „Эсэн, ты сел хаганом (esen ci qaγan saγuba). Свой титул тайши дай нам”. [В ответ] на эти слова он сказал: «Свой титул я отдал своему сыну» и не дал им. Они сказали: „Благодаря богатырству Алаг Тэмюра, твердой решимости Хатан Тэмюра и способностям Абдара-сэцэна ты взял власть монголов и ойратов и сел хаганом. Разве только своими силами сделал?”. Собрав войско, напали. Эсэн сбежал, а его жену, сына, вещи и скот захватили. После этого Эсэн-тайши изможденный бродил в одиночестве и пришел к дому жены Сурсуна. Когда он выходил, выпив кумыса, жена Сурсуна, увидев его, сказала: „Походка этого человека как и походка ядовитого Эсэна: переваливается с боку на бок”. На эти слова матери сын сказал: „Как можно дойти до такого?”. Мать ответила: „Говорят, что Эсэн-тайши сам разрушил мир”... Когда после этого он опять пришел, Эсэна узнали, схватили и Бугун, сын Сурсуна, схватил и убил его» [Золотое сказание, 2005: 49].

Этот отрывок подтверждает правило политической культуры монголов, нашедшее отражение в летописной традиции: титул *хаган* является подтверждением легитимности претендента, воплощавшего верховную власть. То, что монгольский анонимный автор хроники Алтан тобчи продолжает называть ойратских правителей по-прежнему с их титулом тайши, указывает на нелегитимность претензий Тогона и Эсэна на верховную власть в монгольском мире, согласно традиции политической культуры.

Этот факт представляется еще более интересным и важным, если мы обратим внимание на то, как называет автор находящегося в ойратском плену китайского правителя. Автор Алтан тобчи сообщает: «захватили Даймин-хагана (императора династии Мин. — Т. С.). ... Хагана извлекли из ямы и, когда пытались разрубить, тело не поддавалось, а меч развалился на части, которые попадали. Когда [Джинтай-хагана] бросили в воду, он не тонул, а плавал. Убить не смогли и согласно предзнаменованию Джинтай-

¹ Восемь белых юрт — мемориальный комплекс, установленный в период правления Хубилая (династия Юань) в Эдзэн-хоро в Ордосе. По сведениям монгольских летописей, в нем хранились реликвии Чингис-хагана: колчан со стрелами, одежда, чулки, волосы и др. Сейчас это мавзолей, состоящий из нескольких зданий.

хагана отдали Эсэн-Сами. ... и он служил у Эсэн Сами из юншиебу. Хотя в этом улусе не было бескормицы, болезней и эпидемий, человек, у которого он служил, был недоволен. Когда он засыпал, из его тела исходил свет» [Золотое сказание, 2005: 49]. В этом повествовании именование его верховным монгольским титулом *хаган* маркировало его статус в китайской иерархии — как верховного правителя. Автор повествования дополнительно подчеркнул силу его харизмы: благодаря ей он сохранил не только собственную жизнь, но и обеспечивал гармонию природы и социума того народа, где он жил.

Хаганы Халхи

Поскольку правители Халхи, Северной или Внешней Монголии, не были старшими сыновьями в линидже Чингис-хана и не могли быть верховными правителями всей Монголии, то они не имели формального права на интронизацию у Восьми белых юрт в Ордосе и на получение титула *qaγan*. Но этот принцип традиционной монгольской политической культуры сохранялся лишь два поколения. Если первоначально Гэрэсэндзэ¹ и его старший потомок носили титул *хунтайджи*, а другие обозначались титулом *нойон*, то уже внуки Гэрэсэндзэ маркировались титулами *qaγan/qaγan*. Данные халхаских нативных источников XVII в. подтверждают тот факт, что и в Халхе становится актуальной маркировка верховного правителя региона титулом *хаган*. Следует обратить внимание на пункт закона 1620 г.: «5. Если несколько великих и малых нойонов, имеющих отоки на левом и правом крыле [владений] Хана-ахая (точнее: *Хаган-ахая* — *qaγan aqai*. — Т. С.), переменят место кочевья, взять [с них] пятьдесят лошадей и пять верблюдов» [Восемнадцать степных законов², 2002: 54]. Здесь действует тот же принцип: хаганами, т. е. титулом, маркировавшим верховное лидерство, могли именоваться только потомки Ашихая, старшего сына Гэрэсэндзэ, позднее Дзасаку-хаганы. Манифестируется верховный статус старших потомков Гэрэсэндзэ как глав Халхи или через маркер *Хаган-ахай* («Старший хан») в законе 1617 г. или *Хаган-ахай Золотого линиджа* в законе 1620 г., который зафиксирован в «18 законах» как титул Субантай Дзасаку-хагана, представителя старшей линии наследования Гэрэсэндзэ, титул которого закрепился за его наследниками. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что это является свидетельством претензий на политическую самостоятельность Халхи: старший представитель потомков Гэрэсэндзэ наделяется титулом хаган, подтверждающим его лидерство в своем регионе еще при жизни верховного правителя монголов Лигдан-хагана, погибшего в 1636 г. Ведь старшие потомки Гэрэсэндзэ называются хаганами в законах, принятых всеми князьями Халхи, что подтверждает легитимность их претензий.

Маньчжурские императоры — хаганы

Традиция обозначать верховного лидера титулом *хаган* сохранилась и после того, как монголы были завоеваны маньчжурами и вошли в состав Китая. Официально маньчжурский император, верховный правитель Китая, именовался соответственно (хуанди), что нашло отражение в написанной в середине XIX в. Галданом-тусалагчи рукописи *Эр-*

¹ Гэрэсэндзэ был младшим сыном Даян-хана, получившим во владение Халху.

² *Восемнадцать степных законов* — это памятник монгольского права XVI–XVII вв., в котором собраны законы, принятые князьями трех, четырех, шести и семи хошунов Халхи.

дэнийн эрихэ. Следует обратить внимание на то, что официальный титул маньжурского императора упоминался тусалагчи Галданом редко, и только с этим титулом в тексте мы встречаем указание на обладание императором сакральной субстанции (*sutu, sūr*), дающей ему легитимное право на верховную власть, согласно монгольской традиционной политической культуре. «За сим во второе лету Дэгэду-эрдэмту, в год красной мыши (1637) халхаские: тушэту хан *Гомбо-дорджи*, сэцэн хан *Шолой* и цзасаку хан *Субуди* представили доклад о добром соединении с маньжурским императором, тай-цзуном, светлым и величественным хуанди». («*Taitszung gegen sutu quvangdi*»). Галдан-тусалагчи, оценивая события 80-х гг. XVII в., писал, что примирение князей правого и левого крыльев в Хурэн-бэлчире произошло благодаря «удивительной харизме и мудрости императора (пер. мой. — Т. С.)». (монг. *quvangdi-yin γayiqamšiy-tu sūr erdem-ece* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 21]).

Гораздо чаще по отношению к императору в монгольских летописях употреблялся характерный для монгольской политической культуры маркер верховной власти — титул *qayan*. Единственное отличие заключается в том, что место интронизации — престол не обозначается характерным для монгольской традиции «великим престолом» (*yeke ogon*): «В год воды и барса (1662) сел на престол император Энхэ Амугулан» [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 59]. В монгольском тексте более точно написано следующее: «*Engke amuyulang qayan širegen-tü saγuji*» [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 7].

Часто титул *qayan* сочетался с другими словами, указывавшими на его исключительное качество. Например, маньжурский император обозначается также как Великий хаган (*Yeke Qayan* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 6]) или Верховный хаган (*Degedü Qayan* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 9, 11]).

Особого внимания заслуживают дополнительные слова-маркеры *gegen* и *boyda*. Выше говорилось о том, что только маньжурский император был отмечен тусалагчи Галданом как обладатель харизмы, одним из внутренних свойств которой, как известно, было сияние, свет. Потому становится возможным обозначение маньжурского императора титулами, содержащими указание на это качество: Светлость хагана (*Qayan-u gegen* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 39]) или Светлость великого богдо хагана (*Yeke boyda qayan-u gegen* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 23]).

Следует заметить, что значение включенного в последнюю титулатуру термина *boyda* было выработано еще в рамках традиционной политической культуры. Оно может переводиться как святой, августейший, верховный. Уже в *Тайной истории монголов* мы встречаем его в нескольких случаях. Например, этим маркером отмечены Бодончар-богда [Козин, 1941: 107], Богда-анда — Чингис-хан [Козин, 1941: 154] — персоны, в различной степени наделенные исключительными качествами. Маньжурский император также удостоился обозначения этим термином: *Boyda* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 28] или Богда-владыка (*Boyda ejen* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 18, 20, 23, 28, 37, 39]). *Boyda* и *Boyda ejen*, как и выше упоминаемые *qayan-u gegen*, употребляются как маркеры, которые подчеркивают сакральность верховной власти маньжурского императора.

Безусловно, титул *хаган* не входил в официальную титулатуру маньжурских императоров, но использовался монгольскими летописцами как знак признания того, что монголы являлись подданными маньжуров, а маньжурский император считался их верховным правителем.

Заключение

Можно говорить о том, что титул *хаган* играл важную роль в идентификационных практиках монгольской политической культуры, указывая на легитимность власти его носителя в монгольском мире. С XIII в., с начала образования первых крупных этносоциальных союзов монголов, титул *хаган* стал использоваться для обозначения верховного правителя этих объединений. После падения династии Юань в 1368 г. и распада монгольской общности титул *хаган* сохранял значение легитимного маркера верховной власти, закрепленной за старшим потомком Чингис-хагана. Именно поэтому ойратские правители Тогон и Эсэн, захватившие главные части монголов и претендовавшие на верховную власть над ними, в контексте монгольской политической культуры не считались верховными правителями и не имели права называться хаганами.

В связи с распространением среди монголов буддизма с XVI в. возрожденное летописание развивалось в соответствии с буддийской традицией, согласно которой монгольские правители являлись наследниками верховной власти правителей Индии и Тибета, которые в монгольских текстах называются хаганами. Монгольские правители, согласно генеалогии, реальной или фиктивной, принадлежавшие к старшей линии Золотого линиджа Чингис-хагана и «ведавшие всеми монголами», традиционно назывались хаганами даже во времена распада всемонгольской общности и вплоть до правления последнего верховного правителя монголов Лигдан-хагана в 1636 г.

Если ойратские правители, несмотря на то, что они покорили значительную часть монголов, не назывались в монгольской летописной традиции хаганами, что соответствовало правилам монгольской политической культуры, согласно которой ими могли быть только старшие потомки Золотого линиджа Чингис-хагана, кочевавшие в Южной Монголии, то следует обратить внимание на то, что носители титула *хаган* появились начале XVII в. в Северной Монголии, в Халхе, которая была выделена Даян-хаганом своему младшему сыну Гэрэсэндзэ. Если Гэрэсэндзэ и его следующий старший потомок назывался хунтайджи, то уже его внук по старшей линии наследования власти носил титул *хаган ахай*, т. е. старший хаган, что, безусловно, было свидетельством того, что Халха представляла собой самостоятельное политическое образование, а титул являлся маркером, легитимизирующим статус старших потомков, которые также принадлежали Золотому линиджу Чингис-хагана.

В 30-е гг. XVII в. с гибелью последнего всемонгольского хагана Лигдана власть над монголами перешла к маньчжурскому императору. И монгольские летописцы, признавая этот факт подчинения, называют хаганами маньчжурских императоров, хотя этот титул не входит в их официальную титулатуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв. СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. 160 с.

Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 676 с.

Желтая история (Шара туджи). М. : Наука — Восточная литература, 2017. 407 с.

Золотое сказание // История в трудах ученых лам. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2005. 275 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. // Труды института востоковедения. Т. XXXIV. М. ; Л., 1941. 620 с.

Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихе». Материалы по истории Халхи. 1636–1736. СПб., 1883. 413 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. : Наука, 1997. 800 с.

Kollmar-Paulenz, Karenina. *Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen / Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert.* Wiesbaden.: Harrassowitz Verlag, 2001. 390 s. (на англ. яз.).

Rachewiltz I. de. Index to the Secret History of the Mongols. — Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 121. Bloomington, 1972. 352 p. (на англ. яз).

Sagan Secen. *Erdeni-yin tobci* (“Precious summary”). A Mongolian Chronicle of 1662. The Urga Text Transcribed and Edited by M. Go, I. de Rachewiltz, J. R. Krueger and B. Ulaan. Vol. 1. Canberra.: 1990. 270 p. (на англ. яз.).

REFERENCES

Drevnetyurkskiy slovar' [Old turkic dictionary]. L.: Nauka, 1969, 676 p.

Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie: Mongol'skaya hronika 1240 g.* [The Secret Legend: the Mongolian Chronicle of 1240] // Trudy instituta vostokovedeniya. Vol. XXXIV. M.; L. 1941. 620 p. (in Russian).

Mongol'skaya letopis' "Erdeni-yin erihe". Materialy po istorii Khalki 1636–1736 [Mongolian chronicle “Precious Rosary”. Materials on the history of Khalkhi 1636–1736]. SPb. 1883, 413 p. (in Russian).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. M. : Nauka, 1997, 800 p. (in Russian).

Vosemnadcat' stepnykh zakonov [Eighteen steppe laws]. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie, 2002, 160 p. (in Russian).

Zheltaya istoriya [Yellow History]. M.: Nauka — Vostochnaya literatura. 2017, 407 p. (in Russian).

Zolotoe skazaniye [The Golden story]. *Istoriya v trudakh uchonykh lam* [History in the works of learned Lamas]. M. : Tovarishchestno nauchnykh izdaniy KMK, 2005, 275 p. (in Russian).

Kollmar-Paulenz, Karenina. *Erdeni tunumal neretü sudur* [Sutra, named Precious Clarity]. Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen / Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Wiesbaden.: Harrassowitz Verlag, 2001. 390 p. (in German, in English).

Rachewiltz I. de. Index to the Secret History of the Mongols. *Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series.* Bloomington. 1972, vol. 121, 352 p. (in English).

Sagan Secen. *Erdeni-yin tobci* (“Precious summary”). A Mongolian Chronicle of 1662. The Urga Text Transcribed and Edited by M. Go, I. de Rachewiltz, J. R. Krueger and B. Ulaan. Canberra. 1990, vol 1, 270 p. (in English).

Статья поступила в редакцию: 10.06.2023

Принята к публикации: 22.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 902.03

DOI 10.14258/nreur(2023)3-09

Л. С. Марсадоллов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (Россия)

САКРАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ДРЕВА, ЖИВОТНЫХ, БОГИНИ И БЛИЗНЕЦОВ У ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

В статье анализируются образы Древа с предстоящими перед ним существами и тысячелетняя традиция сохранения древними кочевниками основных изображений в I тыс. до н. э. Изделия этого семантического ряда были найдены на наскальных рисунках; на зеркале из кургана в Келермесе (VII в. до н. э.); на золотой поясной пластине со сложной композицией «Всадники под деревом» из Сибирской коллекции Петра I (V–IV вв. до н. э.); на ряде образов с головного убора из кургана Иссык в Казахстане (V–IV вв. до н. э.) и др. На войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана изображены сидящая на троне Великая богиня, вероятно, с Древом «Жизни и смерти» в руках и предстоящий перед ней на коне всадник-воин с луком в колчане.

Наиболее полно образы Богини и животных, предстоящих перед Древом, представлены на диадеме из кургана Хохлач в городе Новочеркасске, являющейся одним из шедевров древнего ювелирного искусства, хранящихся в Эрмитаже. Эта уникальная диадема была изготовлена из золота со вставками из полудрагоценных камней в I–II вв. н. э. и принадлежала сарматской царице-жрице. В данной статье предложена новая сакральная семантика, объединяющая вышеуказанные предметы.

Ключевые слова: кочевники, Евразия, сакральность образов, семантика, дерево, олень, козёл, Богиня, Близнецы, Келермес, Пазырык, Хохлач, Сибирская коллекция Петра I.

Цитирование статьи:

Марсадоллов Л. С. Сакральные образы Древа, Животных, Богини и Близнецов у древних кочевников Евразии // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 194–217.

DOI 10.14258/nreur(2023)3-09.

L. S. Marsadolov

The State Hermitage Museum, St. Petersburg (Russia)

SACRED IMAGES OF THE TREE, ANIMALS, GODDESS AND GEMINI AT THE ANCIENT NOMADS OF EURASIA

The article analyzes the images of the Tree with creatures standing in front of it and the thousand-year tradition of preserving the main images by the ancient nomads in the 1-st millennium BC. Products of this semantic series were found: on rock paintings; on a mirror from the barrow in Kelermes (7 century BC); on a gold belt plate with a complex composition «Riders under a Tree» from the Siberian Collection of Peter I (5–4 centuries BC); on a number of images from a headdress from the barrow Issyk in Kazakhstan (5–4 centuries BC) and others. On a felt carpet from the barrow Pazyryk-5, the Great Goddess is depicted sitting on a throne, probably with the Tree of “Life and death” in her hands, and a rider-warrior with a bow in a quiver standing in front of her on horseback.

The most complete images of the Goddess and animals standing in front of the Tree are presented on the diadem from the barrow Khokhlach in the city of Novocherkassk, which is one of the masterpieces of ancient jewelry kept in the Hermitage. This unique diadem was made of gold, with inserts of semi-precious stones in the 1–2 centuries AD and belonged to the Sarmatian queen-priestess.

This article proposes a new sacred semantics that combines the above subjects.

Key words: nomads, Eurasia, sacrality of images, semantics, tree, deer, goat, Goddess, Gemini, Kelermes, Pazyryk, Khokhlach, Siberian collection of Peter I

For citation:

Marsadolov L. S. Sacred images of the Tree, Animals, Goddesses and Gemini at the ancient nomads of Eurasia. Nations and religions of Eurasia. 2023. T. 28, № 3. С. 194–217. DOI 10.14258/nreur(2023)3–09.

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** marsadolov@hermitage.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>.

Marsadolov Leonid Sergeevich, Doctor of Cultural Studies, Leading Researcher, Department of Archeology of Eastern Europe and Siberia, The State Hermitage Museum, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** marsadolov@hermitage.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>.

Введение

Данная статья посвящается 60-летнему юбилею профессора Алексея Алексеви-ча Тишкина. Более 35 лет он изучает археологию и историю кочевников Евразии —

от эпохи поздней бронзы до этнографического времени. В круг его постоянно расширяющихся научных интересов постепенно всё больше входят сакральные изобразительные объекты — от раннескифских / майэмирских образов, петроглифов, бронзовых наверший, «оленных» камней, к хуннским и средневековым изображениям, изваяниям и предметам.

Очень трудно перечислить все научные работы А. А. Тишкина по изобразительной тематике, поэтому желающие сами могут найти интересные для них библиографические ссылки на опубликованные материалы в книге — «Доктор исторических наук, профессор Алексей Алексеевич Тишкин: биобиблиография». Составители А. Л. Кунгуров, Т. В. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 172 с.

Священные Дерево = Древо и Лотос

В мировоззренческих системах многих народов мира большое значение имеет священное Дерево = Древо = Столб = Кол, с их многочисленными сакральными функциями.

Мировое Древо — один из вариантов своеобразной модели мира, в котором главная роль отводится самому дереву. Образ Мирового Древа встречается у многих народов, как в чистом виде, так и в вариантах, связанных с одной или несколькими его функциями — древо жизни, древо плодородия, древо центра, древо восхождения, небесное дерево, мистическое древо, шаманское древо, древо познания, древо зла, древо смерти, древо нисхождения, древо подземного царства (нижнего мира), ось мира, мировой столп, древо-храм, мировой человек в виде древа, крест и т. п. [МНМ, 1980: 398–407].

По обе стороны от ствола Древа находятся чаще всего симметричные изображения копытных и человеческих фигур (боги, люди, животные), которые иногда дополнительно выделяются с помощью 4-х или 8-ми объектов.

Древо Жизни — вариант Мирового Древа. Основная идея Древа Жизни связана с жизненной силой, вечной жизнью и бессмертием, хранящимся в нём. Все три яруса древа — вершина, ствол, корни и связанные с ними разные животные по-своему отражают идею жизни и плодородия. Довольно часто Древо Жизни бывает связано с женским/материнским образом. Распространены и композиции, в которых у Древа Жизни стоит или сидит женское божество, что будет более подробно рассмотрено ниже на примерах золотой поясной бляхи «Всадники под деревом» и диадемы из кургана Хохлач.

По этнографическим данным у разных народов известны реальные родовые деревья разных пород, «священные рощи», а также деревья, растущие на горных перевалах, у священных источников и т. д. Почитаемые деревья выделяются среди остальных привязанными к ним лоскутками материи, находящимися на их ветвях рогами и черепами животных, остатками приносимой жертвенной пищи и другими предметами.

Сакральные образы древа и лотоса часто заменяют или дополняют друг друга. В Передней Азии известны изображения деревьев с цветками лотосов вместо веток или листьев (рис. 1.–5, 7–9). Образ в виде раскрытого цветка лотоса, который учёные часто называют «розеткой», находится и в центре сакрального зеркала и чаши из Келермеса, датированных второй половиной VII в. до н. э.

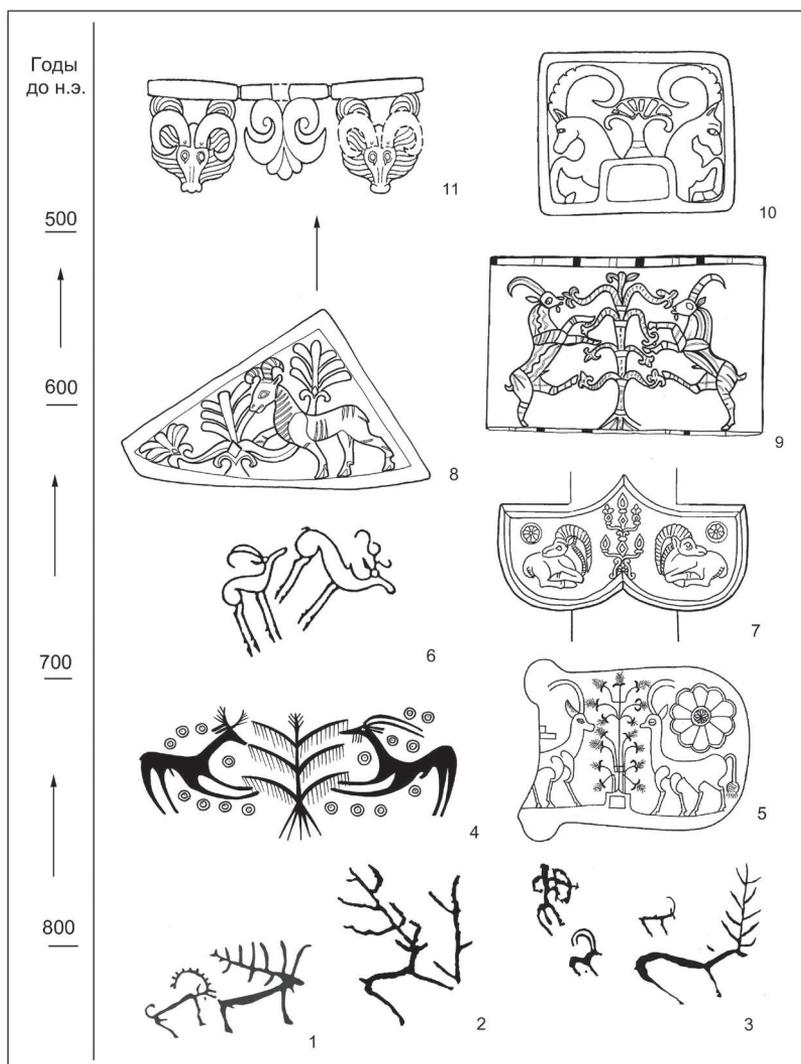

Рис. 1. Изображения сакральных сцен охоты и копытных животных с «древовидными рогами»; стоящих у «Древа» или «Лотоса» оленей, козлов, баранов из разных регионов Евразии: 1, 2 – Юго-Восточный Алтай, Туру-Алты/Барбургазы (IX–VIII вв. до н. э.); 3 – Западный Алтай, Майэмер-2/Майэмир (IX–VIII вв. до н. э.); 4 – Анатолия, Гордион, изображение на глиняном сосуде (IX–VIII вв. до н. э.); 5 – Луристан, костяная пластинка? (VIII–VII вв. до н. э.); 6 – Западный Алтай, Бухтарма, бронзовое зеркало (конец VIII–VII вв. до н. э.); 7 – Северное Причерноморье, Литой (Мельгуновский курган), золотая обкладка перекрестья меча (середина VII в. до н. э.); 8 – Анатолия, Гордион, костяная пластинка (VII–VI вв. до н. э.); 9 – Анатолия, Пазарли, керамическая облицовочная плитка (VI в. до н. э.); 10 – Верхнее Приобье, Новотроицкое 2, к. 16, п. 2, бронзовая поясная обойма (V в. до н. э.); 11 – Алтай, Пазырык-1, деревянные украшения узды коня (середина V в. до н. э.).
По материалам разных авторов, прорисовано и составлено Л. С. Марсадоловым

Fig. 1. Images of sacred hunting scenes and hoofed animals with "tree-like horns"; standing at the "Tree" or "Lotus" of deer, goats, rams from different regions of Eurasia: 1, 2 – SE Altai, Turu-Alty/Barburgazy (9–8 centuries BC); 3 – Western Altai, Mayemer-2/Maiemir (9–8 centuries BC); 4 – Anatolia, Gordion, image on a clay vessel (9–8 centuries BC); 5 – Luristan, bone plate? (8–7 centuries BC); 6 – Western Altai, Bukhtarma, bronze mirror (late 8–7 centuries BC); 7 – Northern Black Sea region, the barrow Litoj (Melgunov), gold lining of the crosshair of the sword (middle of 7 century BC); 8 – Anatolia, Gordion, bone plate (7–6 centuries BC); 9 – Anatolia, Pazarli, ceramic tiles (6 century BC); 10 – Upper Ob region, Novotroitskoe 2, bronze belt clip (5 century BC); 11 – Altai, the barrow Pazyryk-1, wooden decorations of a horse's bridle (middle of 5 century BC). Based on materials from various authors, drawn and combined by L. S. Marsadolov

Впервые на Алтае изображения лотоса появились в VI в. до н. э. — в 1-м Туэктинском и 2-м Башадарском курганах [Руденко, 1960: 256–258]. Не исключено, что мотив лотоса был принесён на Кубань и на Алтай из Передней Азии при переселении кочевых племён в начале VI в. до н. э. [Марсадолов, 1997; 2000]. В культурах, предшествовавших скифскому времени, изображение лотоса не встречается. Изображения лотоса на Алтае известны в основном на предметах из погребений — снаряжении коня, одежде, коврах и др. Правильнее, вероятно, интерпретировать рисунки лотоса исходя из сложных многофигурных композиций, как, например, на войлочном или ворсовых коврах из Пазырыка-5.

То, как могла происходить сакрализация основных природных объектов, в какой-то степени можно проследить на примере одного из излюбленных мотивов в искусстве древних кочевников Алтая — изображении лотоса.

Лотос — многолетнее травянистое растение, живущее в умеренном и тропическом поясах. Известно несколько видов лотоса:

1) земноводное, древовидное, листья и розовато-красноватые цветы приподняты над водой на высоком стебле (*Nelubium speciosum*), встречается на Юге и Дальнем Востоке России, Передней Азии, Индии, Китае, Тибете и других странах Азии;

2) водяная лилия (семейство кувшинковых) — египетский лотос, его листья и цветы плавают на воде. В Египте встречался белый лотос (*Nymphaea lotus*) и голубой (*Nymphaea caerulea*), или, как его называли, — небесная водяная лилия.

Полезные свойства лотоса. Человек использует разные части лотоса для питания, лечения и украшения. Корневище египетского лотоса (нимфеи) считалось съедобным. Употреблялось в пищу в отварном виде. Мучнистые зёрна лотоса размалывали в муку и пекли лепёшки. Из корня и семян приготавливали лекарство. В Индии лотос «нелюбиум» разводится даже как овощ. В пищу идут корневища, зёрна и листья. Корневище едят сырым и варёным или делают из него муку. Засахаренные зёрна употребляют как лакомство. Листья едят в вареном виде, как спаржу.

Китайцы употребляют в пищу тычинки, стебель, корневище лотоса, считая, что это возвращает старикам красоту и молодость. Китайянки украшают себя его цветами. В день китайского нового года лотос украшает дома китайцев, так как, по их поверью, он приносит счастье.

В древнеегипетских медицинских текстах цветок розового лотоса упоминается как средство для заживления ран [Померанцева, 1977: 157]. В тибетской медицине ис-

пользовались корнями лотоса. Современные учёные установили, что все части лотоса содержат витамин С и каучук, а черешки и проростки — ядовитое вещество.

Сакральность лотоса. Можно выделить следующие замечательные качества лотоса, которые могли послужить причиной отождествления его с сакральным цветком.

Лотос растёт в заболоченной, «грязной» воде, но, резко контрастируя с окружающей грязью, остается чистым и красивым — связь с этикой, нравственностью человека, живущего в сложном мире. Белый цвет лотоса подчёркивает эту связь и в буддизме считается символом абсолютной чистоты и непорочности [Невский, 1960: 159].

Корни лотоса находятся в земле, длинный стебель — в воде, прекрасный цветок — связан с воздухом. В сушёном виде лотос использовался не только для питания, лечения, но и для жертвоприношений / воскурений через огонь — богам. Образ лотоса и пламени символизирует в буддизме не только идею союза воды и огня, но и форму, в которой Ади-Будда впервые открылся на горе Сумеру.

Лотос — посредник между Богом — человеком и четырьмя стихиями: низ — корень — земля — вода; средняя часть — стебель — вода — воздух; верх — цветок — воздух — огонь. Каждая из этих стихий отождествлялась с определёнными божествами.

Цветок египетского лотоса всплывал на воду и распускался при восходе солнца, закрывался и погружался в неё на закате. Поэтому египтяне предположили какую-то таинственную связь лотоса с движением небесных светил и обожествовали его.

За основу мироздания в древнем Египте принималась водная стихия — хаос «Нун». Из хаоса поднялся лотос, в чашечке цветка которого был божественный младенец — бог солнца Ра. Цветок раскрыл лепестки, и солнечное дитя осветило «землю, пребывавшую во мраке». Поэтому и сам лотос стал считаться символом жизни и света, восхода и движения солнца по небосводу. Умершие же, подобно царю загробного мира Осирису, воскресают на востоке с восходом солнца и достигают священного озера, совершая там омовение, символизирующее духовное очищение [Померанцева, 1977: 159].

Таким же поклонением, каким пользовался лотос у древних египтян, он до сих пор пользуется у буддистов в Тибете, Монголии, Китае, Индии, Японии и других странах Азии. По буддистскому верованию, сотворение мира является как бы последовательным творением бесчисленных лотосов, заключающихся один в другом до бесконечности. Космический лотос выступает как образ творения мира из космических вод. Демиург вселенной порождает из своего тела гигантский лотос. По мере роста тысячелесткового золотого лотоса растёт вселенная. На самом лотосе изображались символы земли или богиня земли, под лепестками лотоса — демоны, змеи и др. [Топоров, 1982]. На лотосе нередко восседает Будда с лotosовой супругой по имени Праджня-парамита (совершенная мудрость), несущей лотос. В Китае «западное» небо изображается как лotosовый рай («западный рай») с обилием лotosов разных форм, размеров и оттенков. В Тибете считается, что на теле человека расположено 5 невидимых энергетических центров-чакр, каждая из которых представлена лotosом с разным числом лепестков. В мусульманской традиции лotosовое дерево находится на седьмом небе, справа от трона Аллаха [Топоров, 1982: 72].

Естественная окраска лotosа наполнялась особым смыслом, который несла в себе принятая символика цветов. Так, в древнем Египте голубой лotos обычно связыва-

ли с представлениями о воздушных сферах, о небе, и потому в погребальном ритуале он символизировал вознесение души; розовый — ассоциировался с зарождением жизни в алеющих лучах восходящего солнца; белый — олицетворял чистоту, празднество, веселье.

Не исключено, что к лотосу близок редко встречаемый в предгорных районах Алтая водяной орех гребенчатый, называемый также чилим или рогульник (*Trapa pectinata* V. Vassil, семейство — *Trapaceae*). Водяное однолетнее травянистое растение с тонким ветвистым стеблем до 1,5 м длины, прикрепленным к илистому дну. Надводные листья, плавающие на поверхности воды, собраны в розетку. Цветы белые, плоды — рогульки (шириной до 4,5 см), четырёхрогие, мякоть их съедобна и обладает лекарственными свойствами. Водяной орех до сих пор встречается в ряде озер Алтая — Манжерокском, Кольванском и др. Водяной орех так же, как и лотос, является водяным травянистым растением с белыми красивыми цветами, большими плавающими зелеными листьями, с длинным прикрепленным ко дну стеблем и съедобными лечебными плодами.

В настоящее время лотосы в горных районах Алтая не растут. Не росли они там и в скифское время. Доказательством тому служит спорово-пыльцевой анализ почв скифского времени и наличие лиственницы в срубках. Лиственницы и лотос растут в разных климатических поясах.

Образ Древа и археологические материалы

Культы Неба, Солнца, Луны, Огня, Древа и Горы были одними из самых главных в ритуальной жизни древних кочевых племен Центральной Азии в I тыс. до н. э. Дерево — Древо — деревянный Столб или каменные Стела и Изваяние являются устойчивыми постоянными опорными точками для ритуалов и астронаблюдений. Образы оленя с «древовидным» рогом и оленя, стоящего перед «древом», были широко распространены на территории Евразии в X–VII вв. до н. э., особенно на петроглифах (рис. 1.-1–3).

Долгое время рисунки на скалах были лишь «загадочными знаками», изобразительной деятельностью народов далеких времен. Определить историческое время нанесения наскальных изображений, выделить стилистические группы, соотнести их с другими видами археологических находок и памятников, сделать их полноценными источниками для характеристики различных аспектов жизни древних кочевников археологи и этнографы смогли только в XX в. Сотни учёных разных специальностей из многих стран мира на протяжении столетия внесли свой весомый вклад в научное изучение тысяч разнообразных петроглифических объектов. Во всех наскальных изображениях в большей или меньшей степени присутствует схематизм. Умение древних мастеров с помощью только одного профильного силуэта передать видовую принадлежность, форму, массу, объём изображаемых зверей придает этим наскальным рисункам особую жизненность и привлекательность.

Композиция на сосуде из Гордиона в Анатолии (рис. 1.-4) с изображением оленя и козла, стоящих перед «древом», и солярно-звёздными символами вокруг животных («круг с точкой»), помогает осознать сложность отдельных образов. Вероятно, козёл связан с зимним периодом, а олень с «древовидным» рогом — с весенним и летним, что также подтверждается при анализе круговых композиций на зеркалах из Бухтар-

мы (рис. 1.-б) и Келермеса [Марсадолов, 1982; 2015]. Образы оленя и других животных с солярными знаками на тулове имели обширные границы распространения на территории Евразии.

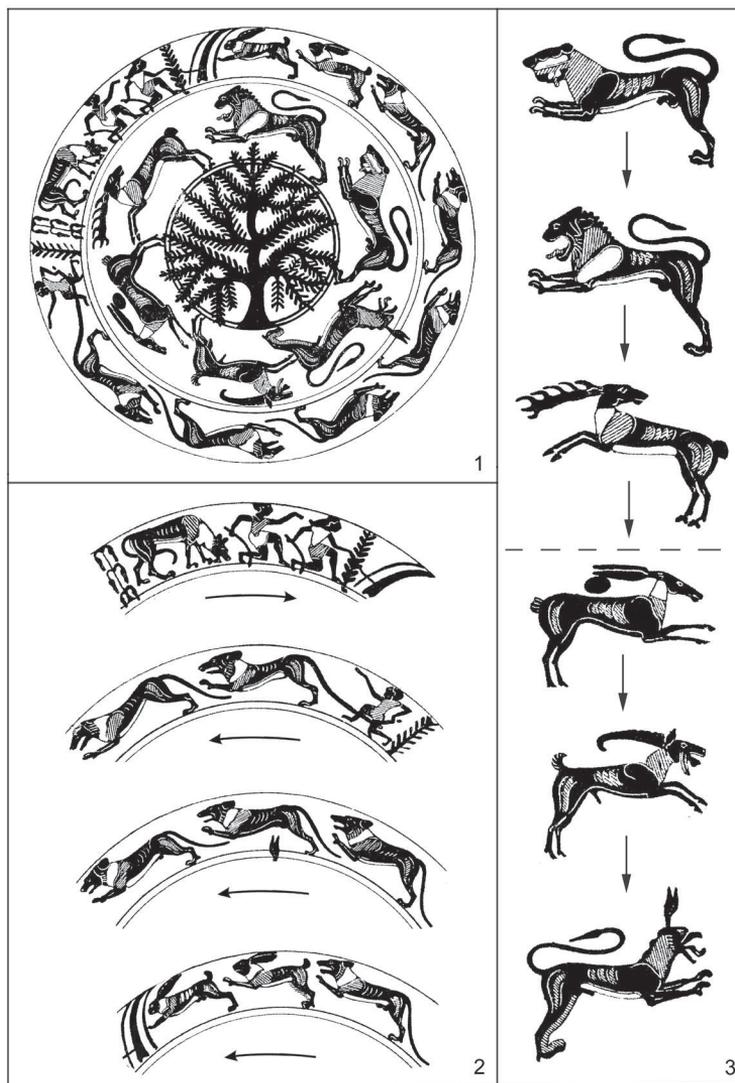

Рис. 2. Керамическое блюдо из Ионии (VII в. до н. э.): 1 – прорисовка композиции на блюде с деревом в центральной части; 2 – изображения на верхней части блюда; 3 – развёртка круговой композиции с животными на средней части блюда. По материалам М. И. Максимовой [1954] (1), составлено Л. С. Марсадоловым (2, 3)

Fig. 2. Ceramic dish from Ionia (7 century BC): 1 – drawing of a composition on a dish, with a tree in the central part; 2 – images on the top of the dish; 3 – development of a circular composition with animals on the middle part of the dish. Based on the materials of M. I. Maksimova [1954] (1), combined by L. S. Marsadolov (2, 3)

На керамическом блюде из Ионии, которое датируется VII в. до н. э., изображена сложная календарная композиция. Центральное место на этом блюде занимает рисунок дерева (рис. 2.-1) [Максимова, 1954], вероятно, образ Мирового Древа — с поднятыми вверх или опущенными вниз ветками с листьями. На внешнем фризе блюда изображены 12 образов = 12 месяцев года (?) (рис. 2.-2), разделённые на два больших сезона — *тёплый, сытый* (сбор урожая людьми, которые не обращают внимание на сытого хищника с поджатым хвостом), и *голодный, холодный* (человек прогоняет хищника, стая из 6 хищников преследует двух бегущих зайцев). На средней части блюда дана круговая композиция с 6-ю стремительно бегущими животными. В верхней части показаны два хищника и одно копытное животное — олень, а внизу, наоборот, — два копытных животных (лань/коосуля?) и козёл и один хищный грифон (рис. 2.-3). Голова Оленя = Солнца повернута назад, а у Лани ниже рогов показано небольшое солнце, которое спускается вниз к осени-зиме. В нижней части этого фриза находятся образы козла и грифона. В целом, на этом семантически интересном блюде показана круговая календарная система. В центре — Мировое Древо, над которым сверху, вероятно, находится созвездие Льва = Лето, а внизу — созвездие Козерога/Козла = Зима (рис. 2.-1).

При членении Мирового Древа по вертикали выделяют три его основные части — нижнюю (корни), среднюю (ствол) и верхнюю (ветви, крона, вершина). С верхней частью мирового древа обычно соотносят птиц (парных или одиночных, нередко орла или голубя) или небесные светила — солнце и луну; со средней частью — стоящих около ствола копытных животных — оленей, лосей, лошадей, коз или человека; а с нижней частью (корни, земля) связывают образы змей, рыб, лягушек, мышей и др.

Вероятно, один из вариантов Мирового Древа, стоящего на вершине горы, изображён на высоком головном уборе из кургана Иссык (рис. 3), который датируется V–IV вв. до н. э. и был подробно рассмотрен в работах казахских археологов — отца и сына Акишевых [Акишев К. А., 1978; Акишев А. К., 1984: 8, 23–27]. На самом верху этого головного убора находится объёмная фигурка стоящего горного барана, символа Весны и созвездия Овна (рис. 3.-2). В средней части убора расположена композиция из пяти стоящих на горах деревьев, на вершинах которых сидят птицы с поднятыми вверх крыльями, а ниже — пять фигур стоящих на вершинах гор горных козлов (рис. 3.-3), символов Зимы и созвездия Козерога.

Ниже, вероятно, находится область подземного мира с «S-образно» развернутыми фигурами пяти хищников, в том числе двух более крупных крылатых зверей. Посредниками/медиаторами между верхними и нижними мирами являются два слитых воедино образа — коня и горного козла, самые крупные по размерам на этом головном уборе (рис. 3.-4), что ранее было выявлено автором на татуировке вождя-жреца из кургана Пазырык-2 [Марсадоллов, 2021]. Семантические связи коня и козла многократно отображены на различных предметах I тыс. до н. э. — на головных масках коней из курганов в Туэкте-1, Башашаре-2, Берели, на татуировке вождя из Пазырыка-2, на сосуде из Урука и др. (рис. 8.-1). Очень часто, особенно на наскальных рисунках, кони показаны стоящими у Древа, Столба, Коновязи или их держит на поводу «Хозяин / Господин коней» (рис. 8.-1, 3) [Шер, 1993].

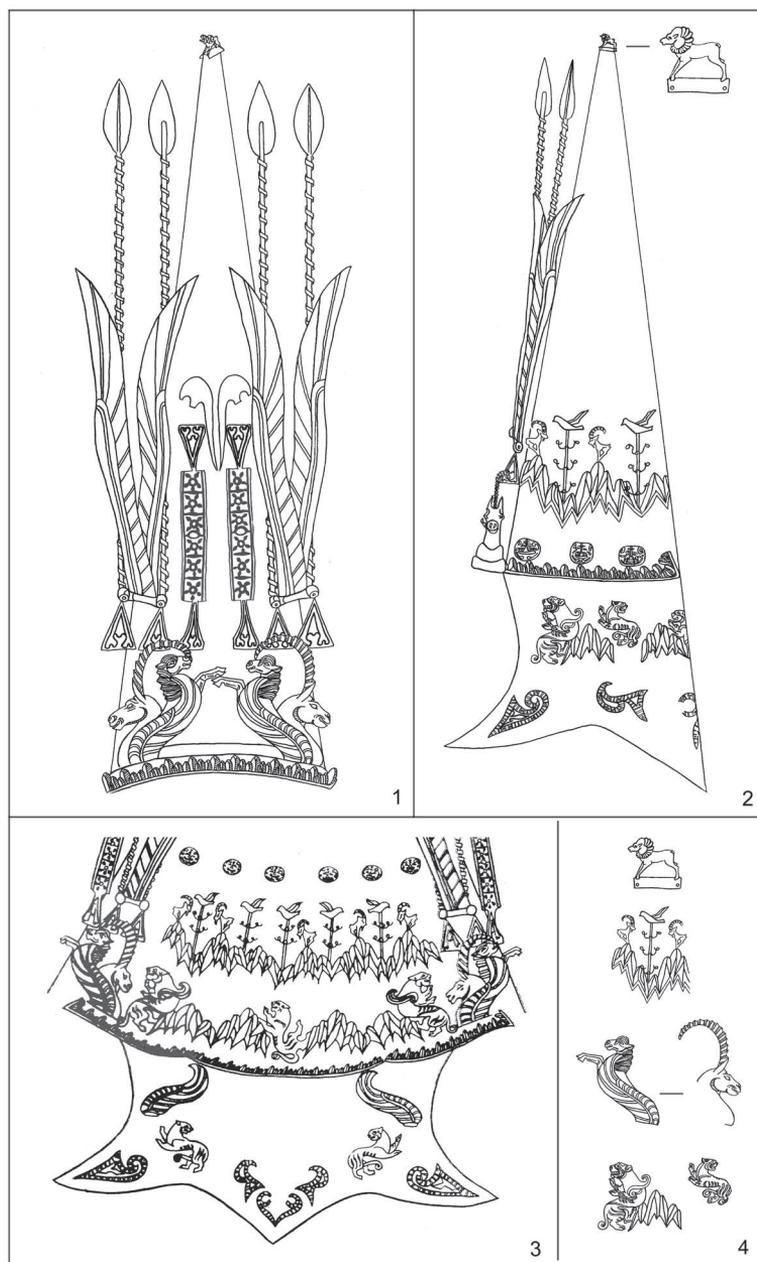

Рис. 3. Реконструкция головного убора из кургана Иссык в Казахстане (V–IV вв. до н. э.).
 По материалам из работ К. А. Акишева [1978] (1, 2, 4) и А. К. Акишева [1984] (3); дополнено
 и составлено Л. С. Марсадовым

Fig. 3. Reconstruction of a headdress from the barrow Issyk in Kazakhstan (5–4 centuries BC).
 Based on materials from the works of K. A. Akishev [1978] (1, 2, 4) and A. K. Akishev [1984] (3);
 supplemented and combined by L. S. Marsadlov

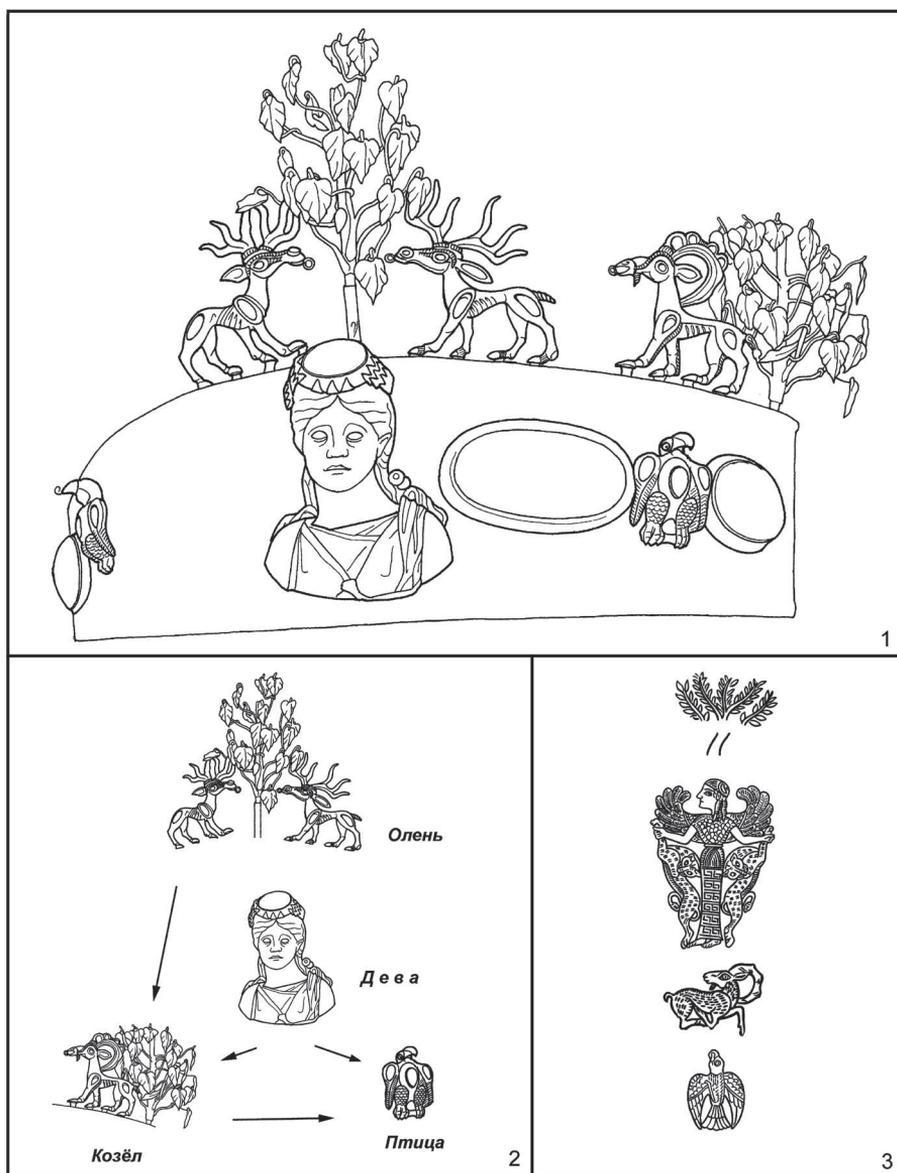

Рис. 4. Диадема сарматской царицы-жрицы из кургана Хохлач, I–II вв. н. э. и её семантические аналогии: 1 – общий вид; 2 – основные образы на диадеме; 3 – отдельные образы на зеркале из кургана в Келермесе (VII в. до н. э.).

Прорисовки Л. С. Марсадолова (1–3)

Fig. 4. Diadem of the Sarmatian queen-priestess from the barrow Khokhlach (1–2 centuries AD) and its semantic analogies: 1 – general view; 2 – the main images on the diadem; 3 – separate images on mirror from the barrow at Kelermes (7 century BC). Drawings by L. S. Marsadolov (1–3)

О тысячелетней длительности сохранения кочевниками традиции изображения образа Древа с предстоящими перед ним оленями и козлами свидетельствует самая известная диадема сарматского времени, I–II вв. н. э. из кургана Хохлач, найденная в городе Новочеркасске в 1864 г. (рис. 4.-1). Эта уникальная диадема принадлежала сарматской царице-жрице и была сделана из золота со вставками из полудрагоценных камней.

В центре верхней части этой диадемы находится Древо с золотыми листьями, справа и слева от которого расположены две фигурки стоящих оленей. За оленями с двух сторон следуют козлы, позади которых также находятся деревья меньшего размера. Ниже центрального Древа расположен бюст Девы в короне, а по бокам — фигурки орлов. По своей семантической структуре на этой диадеме передан более упрощённый вариант календарной композиции, на 500 лет ранее бытовавшей на сакральном зеркале из Келермеса (рис. 4.-3 и 7.-1). Летний сезон представлен образами Древа и Оленей; осеннее равноденствие — образом созвездия Девы с короной со вставкой; а зимний период — созвездиями Козерога/Козла и Орла.

Построение «эволюционного» ряда развития сюжета Древо — Лотос с рядом стоящими животными позволяет выдвинуть новую интерпретацию ряда пазырыкских объектов. В этом контексте находят своё объяснение многие узды и нагрудники из больших Пазырыкских курганов, которые могут быть интерпретированы как сцены с изображением животных, стоящих у древа-лотоса (рис. 1.-11). На других объектах из Пазырыка-1 у Древа / Лотоса стоят как копытные животные (олень, баран, козёл), так и грифоны, хищники [Грязнов, 1950].

Лотос расцветает во время восхода солнца и закрывается при его закате. Отсюда следует его связь с культом Солнца. Но лотос также связан и с Луной. Луна восходит — лотос закрывается, луна заходит — цветок открывается, т. е. здесь обыгрываются дуальные оппозиции: восход — заход, солнце — луна, небо — земля, реальное — сакральное, открытый — закрытый.

Созвездия Близнецов, Тельца и Льва

Это одни из самых ранних и значимых созвездий на небесном своде, астрообразы которых корнями уходят в глубокую древность и известны во многих регионах мира. Например, на протоэламской печати, которая была найдена на юго-западе современного Ирана и датируется концом IV тыс. до н. э., изображена группа созвездий и знаков (рис. 5.-1) [Емельянов, 1999].

Самыми крупными фигурами на этой печати являются образы двух быков, которые можно отождествить с созвездием Быка = Тельца (рис. 5.-5–6). Два быка противостоят друг другу, что, вероятно, имеет довольно сложную семантику. Эту сцену можно трактовать в двух аспектах — как знак весеннего равноденствия и начало года; а также как восход и заход созвездия. Если в точке восхода бык изображён в движении, с поднятой вверх головой, то у другого неподвижного быка голова опущена вниз, так как он находится в точке захода и ночи.

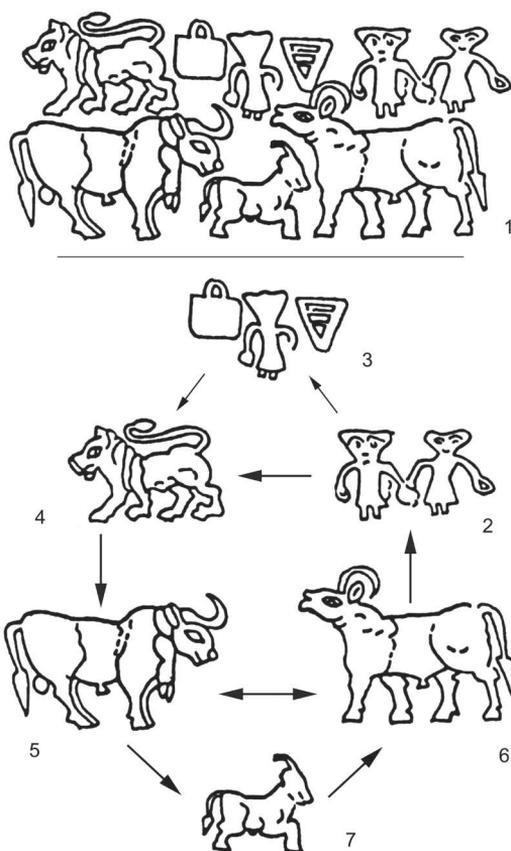

Рис. 5. Протоэламская печать с изображением созвездий и знаков (конец IV тыс. до н. э.): 1 – общий вид оттиска с печати; 2 – созвездие Близнецов; 3 – знаки перехода (треугольник с вершиной вниз и одна фигура без лица и без руки? – уход созвездия Близнецов; навесной замок? – закрыт для возврата Близнецов); 4 – созвездие Льва (Лето); 5–6 – созвездие Быка/Тельца (два быка – знак весеннего равноденствия, восход и заход, начало года); 7 – созвездие Козерога? (Зима). По материалам В. В. Емельянова [1999] (1); расшифровка Л. С. Марсадолова (2–7)

Fig. 5. Proto-Elamite seal depicting constellations and signs (late 4 millennium BC): 1 – general view of the print from the seal; 2 – the constellation Gemini; 3 – transition signs (a triangle with the apex down and one figure without a face and without a hand? – departure of the constellation Gemini; padlock? – closed for the return of Gemini); 4 – the constellation Leo (Summer); 5–6 – the constellation Bull / Taurus (two bulls – a sign of the vernal equinox, sunrise and sunset, beginning of the year); 7 – the constellation of Capricorn? (Winter). Based on materials by V. V. Emelyanov [1999] (1); transcript L. S. Marsadolov (2–7)

Выше Быка, в точке восхода, изображены две схематичные антропоморфные фигуры, которые держатся руками друг за друга, как часто изображают созвездие Близнецов. Рядом с этими Близнецами показаны два знака, а между ними в центре — антро-

поморфная фигура без лица и без кисти одной руки (рис. 5.-3). Ближе к Близнецам находится треугольник с вершиной вниз и чертой-преградой посередине, а с другой стороны — знак, похожий на навесной «замок», что, вероятно, обозначало уход созвездия Близнецов (треугольник) и закрытие пути для возврата Близнецов (замок). Рядом с «замком» изображено следующее за Близнецами созвездие Льва = Лето, а под Быками — Козёл/Козерог = Зима. В целом на этой печати схематично и кратко показан годичный календарно-зодиакальный цикл из основных созвездий: Весна=Бык — переход=Близнецы — Лето=Лев — Зима=Козёл (рис. 5).

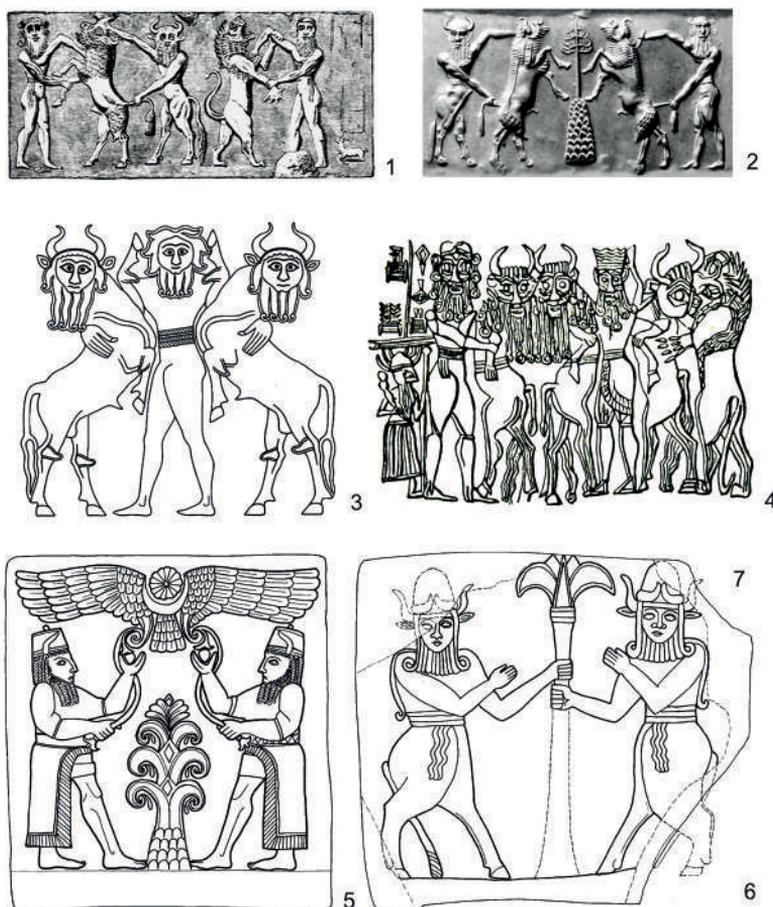

Рис. 6. Изображения созвездия Близнецов из разных регионов Передней Азии и сцен борьбы Близнецов с предшествующим знаком — Тельцом/Быком и последующим знаком — Львом (II–I тыс. до н. э.): 1–2, 4 — отпечатки печатей; 3, 5–6 — рельефы на камне. По материалам разных авторов составлено Л. С. Марсадоловым

Fig. 6. Images of the Gemini constellation from different regions of Western Asia and scenes of the Gemini struggle with the previous sign — Taurus / Bull and the subsequent sign — Leo (2–1 millennium BC): 1–2, 4 — prints of seals; 3, 5–6 — reliefs on the stone.

Based on materials from various authors, combined by L. S. Marsadolov

Особенно много вариантов изображений созвездия Близнецов известно на печатях и каменных рельефах из разных регионов Передней Азии, относящихся ко II–I тыс. до н. э. (рис. 6). На разных объектах показаны сцены борьбы Близнецов с предшествующим зодиакальным созвездием — Тельцом/Быком и последующим знаком — Львом. Иногда Близнецов изображали с символами крылатого Солнца и Лотоса (рис. 6.-5–6).

Календарные и зодиакальные композиции с Девой и Близнецами у кочевников

Календарь — это жизненно необходимая система счисления временных промежутков и один из способов освоения человеком природно-социально-духовных явлений. Представления о календаре взаимосвязаны с понятиями о модели мира, хаосе и космосе, о земле, небе, звездах, планетах, сакральной жизни богов, знаменитых людей, отдельных животных, деревьев и многих других факторах [Мифы народов мира, 1980: 612].

К календарным относят суточные, месячные, годовые, многолетние, вековые, тысячелетние промежутки, отраженные в мифах и в древних научных достижениях. Сутки представлялись не только маршрутами солнца и луны, но и их гибелью, новым рождением, уходом и возвратом божеств, их захватом или освобождением, а их уход и приход может быть перенесён с суток на недели, месяцы (лунарные мифы), сезоны, годы, столетия, тысячелетия, неопределенный срок и т. д. Упорядочение мира приводит к установлению календаря. Божества и культурные герои на основе «божественного или природного порядка» устанавливают или открывают людям календарные закономерности в виде равных или неравных временных отрезков. Кратко рассмотрим эти теоретические положения на примерах ряда реальных археологических предметов.

Календарные представления наиболее отчётливо отражены на *сакральном зеркале из Келермесского кургана в Прикубанье*, которое датируется второй половиной VII в. до н. э. Антропоморфные образы двух мужчин и одной женщины-богини в Келермесе расположены по линии весеннего и осеннего равноденствия, а дерево между ними — в точке восхода солнца в день летнего солнцестояния (рис. 7.-1–2) [Марсаолов, 2015]. В восточном секторе на линии равноденствия солнца изображена сцена борьбы Близнецов=Весны с Зимой в образе грифона (рис. 7.-2). Особенно часто в западных регионах Евразии изображали Богиню, которую учёные иногда называют Кибелой или Кибейбой — Владычицей зверей. На большом изобразительном и семантическом ряде предметов, с большой долей вероятности этот образ можно отождествить с небесным созвездием Девы, расположенным рядом с созвездием Весов. Довольно часто Деву изображали с двумя животными в руках, что символизировало слитность двух осенних созвездий — Девы и Весов (Осень), а ниже или рядом с ней располагали образ козла = созвездия Козерога (Зиму) (рис. 7.-1–4). Образ Небесной Девы, вероятно, также иногда ассоциировали с чистым цветком Лотоса, и поэтому изображали Деву стоящей или прорастающей из Лотоса (рис. 7.-2, 5) [Марсаолов, 2015: 198–211].

В ходе раскопок Пятого Пазырыкского кургана на Алтае экспедиция С. И. Руденко нашла *большой войлочный ковёр* V в. до н. э., который неоднократно рассматривался в работах археологов [Руденко, 1953: 322; Грач, 1980: 67].

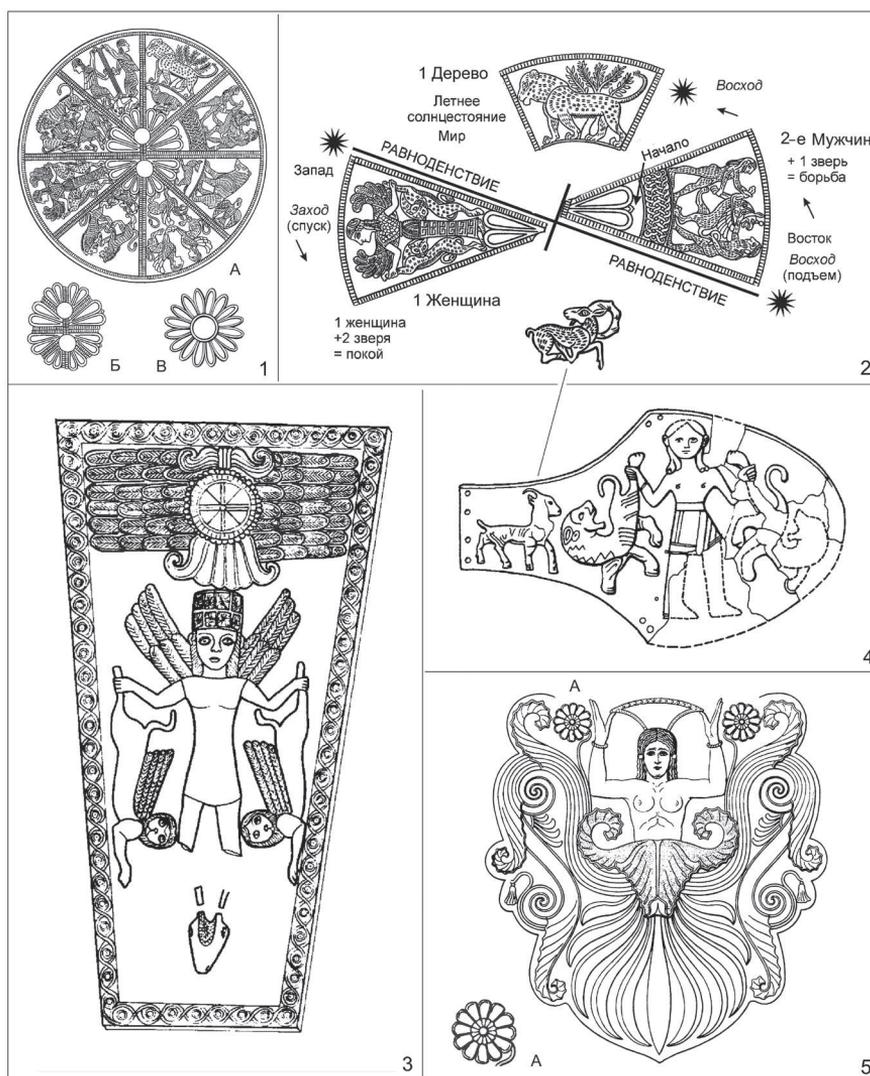

Рис. 7. Образы Девы и Лотоса на предметах первого тыс. до н. э.: 1 – зеркало из Келермеса (А) и изображения цветков лотоса (Б, В; VII в. до н. э.); 2 – изображения на обкладках разных секторов зеркала из Келермеса и их привязка к астрономическим направлениям (на этом рисунке ориентация секторов сдвинута); 3 – пластина-накладка из кости, Анатолия (VIII–VII вв. до н. э.); 4 – накладка из бронзы, Греция (VIII–VII вв. до н. э.); 5 – часть ручки таза из серебра, Чертомлыкский курган, Скифия (IV в. до н. э.). Прорисовки Л. С. Марсадолова

Fig. 7. Images of the Goddess and the Lotus on objects of the 1 millennium BC: 1 – mirror from Kelermes (A) and images of lotus flowers (B, C; 7 century BC); 2 – images on the plates of different sectors of the mirror from Kelermes and their binding to astronomical directions (in this figure, the orientation of the sectors is shifted); 3 – plate-overlay made of bone, Anatolia (8–7 centuries BC); 4 – bronze overlay, Greece (8–7 centuries BC); 5 – part of a basin handle made of silver, the barrow Chertomlyk, Scythia (4 century BC). Drawings by L. S. Marsadlov

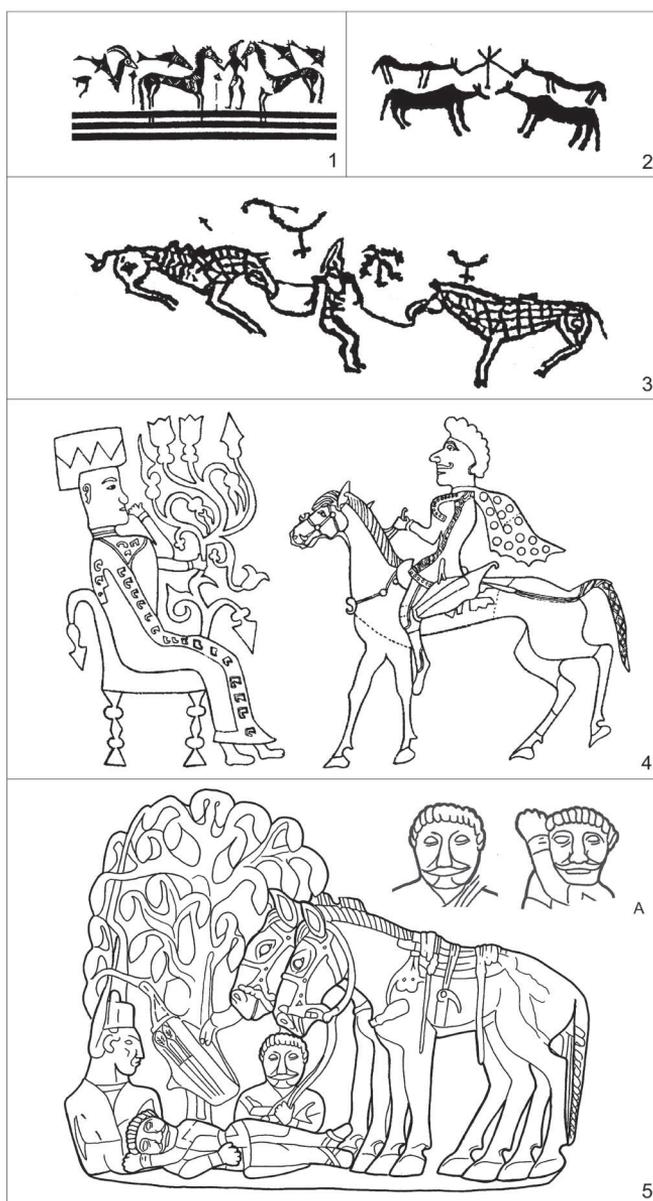

Рис. 8. Образы Древа, Богини, человека, коней, рыб, козла из разных регионов Евразии: 1 – рисунок на сосуде, Угарит (XIII в. до н. э.); 2–3 – наскальные рисунки из Хакасии, Тепсей (2), Оглахты (3) (IX–VIII вв. до н. э.); 4 – рисунок на ковре из войлока, курган Пазырык-5 на Алтае (V в. до н. э.); 5 – изображения на пластине из золота «Всадники под деревом» из Сибирской коллекции Петра I (V–IV вв. до н. э.). По материалам Я. А. Шера [1993] (1–3), С. И. Руденко [1960] (4) и Л. С. Марсадолова (5)

Fig. 8. Images of the Tree, Goddess, man, horses, fish, goat from different regions of Eurasia: 1 – drawing on a vessel, Ugarit (13 century BC); 2–3 – rock paintings from Khakassia, Tepsei (2), Oglakhty (3); 4 – drawing on a felt carpet, Pazyryk-5 kurgan in the Altai (5 century BC); 5 – images on a gold plate «Riders under the tree» from the Siberian collection of Peter I (5–4 centuries BC). According to Ya. A. Shera [1993] (1–3), S. I. Rudenko [1960] (4) and L. S. Marsadolova (5)

Oglakhty (3) (9–8 centuries BC); 4 – drawing on a felt carpet, Pazyryk-5 in Altai (5 century BC); 5 – Images on a plate of gold “Riders under a tree” from the Siberian collection of Peter I (5–4 centuries BC). Based on the materials of Ya. A. Sher [1993] (1–3), S. I. Rudenko [1960] (4) and L. S. Marsadolov (5)

Согласно нашей зодиакальной семантике, на войлочном ковре из Пазырыка-5 изображены сидящая на троне Великая богиня (созвездие Девы), вероятно, с *Древом Жизни и Смерти* в руках и предстоящий перед ней на коне всадник-воин с луком в колчане (созвездие Стрельца). Богиня в правой руке держит Древо, а левой рукой касается своих закрытых уст (рис. 8.-4). Древо показано весьма сложным по своей семантической структуре — с разнообразным окончанием ветвей с разными цветками (в том числе и лотосами), указывающих вверх — вниз, вправо — влево и др.

Губернатор Сибирской губернии князь М. П. Гагарин 12 декабря 1716 г. отправил из Тобольска в Санкт-Петербург посылку с золотыми изделиями. Две парные пластины-застёжки с изображениями кочевников особо выделялись среди других изделий и позднее для краткости были названы «*Всадниками под деревом*». Пластины поясные, парные, зеркальные по сюжету [Руденко, 1962: 41, 192–193; табл. I, 5 и VII, 1, 7], но индивидуально отлитые по восковым моделям из золота высшей пробы, самого сакрального металла в древности.

Многие учёные неоднократно уделяли большое внимание изучению, датированию и семантике изображений на золотых предметах из Сибирской коллекции (Н. К. Витзен, В. В. Радлов, А. А. Спицын, И. И. Толстой, Н. П. Кондаков, Е. Миннз, А. Сальмони, М. И. Ростовцев, Г. Е. Боровка, М. П. Грязнов, С. В. Киселёв, С. И. Руденко, М. И. Артамонов, М. П. Завитухина, В. Г. Луконин, Б. И. Маршак, Д. А. Мачинский, Э. Банкер, Е. Ф. Королькова, Л. С. Марсадолов и др.). Разными авторами были высказаны различные точки зрения и по поводу семантики этих ажурных пластин. Рассмотрим ряд семантических проблем более подробно.

На парных золотых поясных пластинах с изображением «*Всадников под деревом*». в центре показано дерево, под которым находятся двое мужчин и одна женщина. Один мужчина сидит и держит за поводья двух осёдланных коней, второй лежит, а его голова покоится на коленях женщины (рис. 8.-5).

На основе изучения алтайского эпоса, М. П. Грязнов предположил, что изображения на этих пластинах являются «*почти точной иллюстрацией*» к эпическому сюжету, в котором «**богатырь** Козын-Эркеш был коварно убит врагами под **тополем** и **изрезан на мелкие части**. Однако его **молодой жене** и **другу** удалось вернуть ему жизнь ... Две мужских фигуры, не различимые ни по возрасту, ни по физическому сложению, ни по одежде и наряду — это могут быть два побратавшихся богатыря. В современных поэмах богатыри — «**братья**» — совершенно одинаковы по своему положению в обществе и по всем своим основным качествам» [Грязнов, 1961: 22–27] (рис. 8.-4–7).

Д. А. Мачинский считал, что изображения на пластинах близки по семантике к образам на пекторали из Толстой Могилы и могут быть объяснены исходя из рассказа Геродота об энареях, с тем, что *от многолетнего пребывания в седле к старости кочевники теряют мужскую силу и им приходится обращаться к небесной Богине за помощью*.

Представляется необходимым ещё раз вернуться к антропоморфным образам на пластинах «Всадники под деревом». Прежде всего следует отметить общие черты в изображениях *двух мужчин с усами* — **они равноправные** (судя по одинаковой одежде и по убранству их коней) и, как отмечают многие учёные, **по облику они очень близки = Близнецы** (рис. 8.-5А). Двое мужчин в зрелом возрасте просят помощи у женщины-богини. На голове богини надет головной убор в виде низкой шапочки, с косой, поднятой вверх и вплетённой в листву дерева. Как правильно отметил М. П. Грязнов, реальный близкий по форме головной убор был найден в кургане Пазырык-5 [Грязнов, 1961: 27, рис. 12].

По деталям седла, уздечки и женского головного убора, в основном близким к предметам из кургана Пазырык-5 на Алтае, эти золотые пластины также можно датировать второй половиной V — первой половиной IV в. до н. э. [Марсадилов, 2000: 20–21].

На каждой из двух пластин хорошо видны нижеследующие семантические оппозиционные связи (рис. 8.-5): **одно дерево с опущенной листвой**; **одна сидящая женщина**, связанная с деревом через косу и головной убор; **двое мужчин, один сидит** и держит в руках поводья коней, **а другой лежит** под деревом (прислонившись головой к груди женщины), **два коня** (помощника) стоят перед деревом, **один горит** с луком висит на дереве, **две стрелы** находятся в горите. Все образы свидетельствуют о мирном, печальном характере сюжета, что в основном характерно для осенних настроений. Весеннее созвездие Близнецов часто изображают в виде двух молодых мужчин. На сибирской пластине они показаны в виде двух зрелых мужчин с усами, потому что *Близнецы* «стареют» к *Осени*, при приближении к осеннему созвездию *Девы*, которую также иногда называют *Богиня-Мать*. Для того, чтобы вновь возродиться *Весной*, пострадавшие Близнецы вынуждены просить помощи у *Богини=Девы=Матери*. Зимнее созвездие *Конь (Пегас)* также будет помогать новому возрождению *Близнецов*. Листья на дереве появляются весной и опадают осенью. Поэтому не случайно коса женщины (осеннего созвездия *Девы*) вплетена в ветки дерева с опущенной вниз листвой, а один из Близнецов лежит около основания дерева, у его корней — символов будущей *Жизни* и *Возрождения*.

«Корни Жизни и Смерти» также были установлены в более раннем по времени Большом Салбыкском кургане в Хакасии (первая половина VII в. до н. э.), с надеждой на будущее возрождение погребённого там престарелого вождя-правителя [Марсадилов, 2010: 24–25].

В целом на пластинах изображён переходный момент, близкий ко дню осеннего равноденствия, являющийся частью ритуального годового цикла. На одной линии показаны: **два Коня** (переход от Зимы к Весне), **двое Мужчин** (Близнецы, переход от Весны к Лету), **Дерево (Лето)** и **Женщина (Дева, переход от Лета к Осени)**.

Изображения на двух парных пластинах «Всадников под деревом» образуют замкнутый природно-сакральный круговорот — через смерть к новому Возрождению, к новой Жизни. Это лишь часть Пути, связанного с Небом – Землёй, Жизнью — смертью — Возрождением [Марсадилов, 2012: 87–115].

В процессе тщательного изучения материалов из Первого Пазырыкского кургана М. П. Грязнов реконструировал комплекты снаряжения 10 верховых коней. На узде

и нагруднике коня № 8, на деревянных бляхах, по его мнению, были изображены «антропоморфные чудовища» со «зверинными ушами» (рис. 9.-1–2) [Грязнов, 1950: 34, 36, рис. 14]. Семантически близкие образы с большими ушами, бородой и рогами быка были широко распространены в странах Передней Азии, их связывают с созвездиями Близнецов (см. рис. 6).

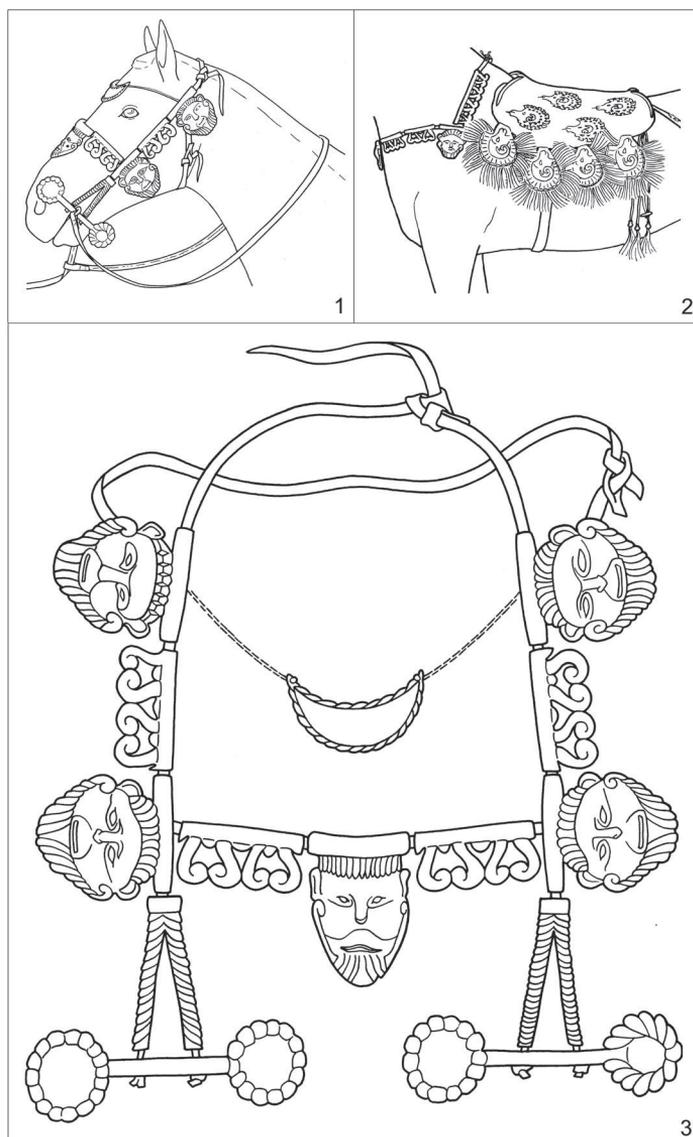

Рис. 9. Образы «Близнецов» на узде коня из кургана Пазырык-1 (середина V в. до н. э.).

Рисунки М. П. Грязнова [1950] (1–2) и Л. С. Марсадолова (3)

Fig. 9. Images of "Gemini" on a horse's bridle from the barrow Pazyryk-1, (middle of 5centule BC).

Drawings by M. P. Gryaznov [1950] (1–2) and L. S. Marsadolov (3)

Если посмотреть с правой или левой стороны на узду коня (рис. 9.-1), то видно только по две антропоморфные бляхи, которые ранее были покрыты серебристой оловянной фольгой, а на лбу этих образов были золотые пластинки. Рядом с антропоморфными находятся деревянные бляхи в виде «рогов животных» (рис. 9). На лбу коня № 8 был расположен лунообразный налобник (рис. 9.-3). Не исключено, что парные антропоморфные образы на этой узде в целом символизировали созвездие Близнецов. В отличие от Близнецов с усами на парных пластинах «Всадников под деревом», на узде из Пазырыка-1 Близнецы на бляхах изображены без усов, но с бородами и крупными ушами (как на рисунке 6). На небе созвездие Близнецов находится рядом с созвездием Овна, а головы горных баранов=овнов, также покрытых фольгой из олова, размещены на жёлтом по цвету седле этого коня (рис. 9.-2).

Сакральные календари I тыс. до н. э. представлены на зеркалах из Келермеса и Бухтармы, на которых в основе круговорота изобразительных образов лежала постоянно развиваемая и дополняемая общая евроазиатская сакральная космологическая пространственно-временная идея [Марсадолов, 1982: 30–33; 2015: 198–211].

Заключение

В I тыс. до н. э. сформировались сложные сакрально-мировоззренческие идеи, отражающие сумму знаний древних учёных-жрецов об окружающем, постоянно изменяющемся Мироздании [Марсадолов, 1982; 2000; 2021; Дашковский, 2011], которые лишь частично, но высокохудожественно были отражены на многих сакральных предметах кочевых и оседлых племён Евразии.

Сакральные образы Древа, Животных, Богини и Близнецов стилистически относятся к нескольким «изобразительным направлениям / школам», одно из которых создали древние евразийские кочевники. Художественный стиль кочевников имеет много семантических и стилистических параллелей на предметах с территории стран Передней Азии, Греции и Китая. Сакральные изображения на предметах, наряду с другими функциями (поясные застёжки, украшение, знак социального отличия и т. д.), в своей основе содержали не только мифо-эпические, но и более глубинные сакрально-календарные идеи и служили своеобразными долговечными «книгами» для представителей знати, учёных и простых кочевников.

Упорядочивающая деятельность Времени представляется человеку разумной, необратимость времени являет божественную мощь, невещественность времени обладает таинственной силой созидания и разрушения. Поэтому небесные созвездия и календарь у многих народов священны, являются небесным образцом земного порядка, находятся в ведении жрецов, священников, вождей или специально подготовленных людей [МНМ, 1980: 612–613].

Мировоззренческие, календарные и сакральные представления древних кочевников Алтая, как и других народов Евразии, не оставались неизменными, а постепенно дополнялись и усложнялись. В первой половине I тыс. до н. э. евразийские кочевники, вероятно, осознавали неразрывность своей жизни и смерти как реальной и сакральной частей окружающего их Мира и Неба. Образы хищников и копытных, их мирное

и агрессивное взаимодействие составляли основу для годового и многолетних календарных кругов-циклов древних народов Саяно-Алтая и Евразии в I тыс. до н. э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука, 1984. 176 с.
- Акишев К. А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978. 132 с.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 256 с.
- Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1950. 90 с.
- Дашковский П. К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.
- Емельянов В. В. Ниппурский календарь и ранняя история зодиака. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 272 с.
- Макимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса // Советская археология. М., 1954. № XXI. С. 281–305.
- Марсадалов Л. С. Археологические памятники IX–III вв. до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.
- Марсадалов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2010. 128 с.
- Марсадалов Л. С. Жертвоприношения на сакральных путях-направлениях у древних кочевников Саяно-Алтая // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель : сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики». СПб. : Кунсткамера, 2012. С. 87–115.
- Марсадалов Л. С. Зеркало из алтайской коллекции П. К. Фролова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1982. Вып. 47. С. 30–33.
- Марсадалов Л. С. «Зодиакальная» татуировка вождя-жреца из кургана Пазырык-2 на Алтае // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 265–273.
- Марсадалов Л. С. Исследования в Центральном Алтае (Башада, Талда) // Саяно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа. СПб. : Гос. Эрмитаж, 1997. Вып. 1. 56 с.
- Марсадалов Л. С. Сакральная семантика келермесского зеркала VII в. до н. э. // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2015. С. 198–211.
- Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. 672 с.
- Невский А. Н. Тангутская филология. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. Т. 1. 604 с.
- Померанцева Н. А. Лотос в Древнем Египте: миф и действительность // Природа. 1977. № 4. С. 157–160.
- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 403 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.

Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. Свод археологических источников (Д 3–9). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 52 с.

Топоров В. Н. Лотос // Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 71–72.

Шер Я. А. «Господин коней» на берегу Енисея // Петербургский археологический вестник. № 6. СПб. : Фарн, 1993. С. 17–22.

REFERENCES

Akischev A. K. *Iskusstvo i mifologiya sakov* [Art and mythology of the Saks]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1984, 176 p. (in Russian).

Akischev K. A. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana* [Barrow Issyk. Art of the Saks of Kazakhstan]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1978, 132 p. (in Russian).

Grach A. D. *Drevnie kochevniki v tsentre Azii* [Ancient nomads in the center of Asia]. Moscow: Nauka Publ., 1980, 256 p. (in Russian).

Gryaznov M. P. *Drevneishie pamyatniki geroicheskogo eposa narodov Yuzhnoi Sibiri* [The most ancient monuments of the heroic epic of the peoples of Southern Siberia]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage]. Leningrad, 1961, vol. 3. P. 7–31 (in Russian).

Gryaznov M. P. *Pervyi Pazyrykskii kurgan* [The First Pazyryk barrow]. Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 1950, 90 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Mirovozzrenie kochevnikov Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya)* [Worldview of the nomads of the Sayan-Altai and adjacent territories of late antiquity and the early Middle Ages (Russian historiography and modern research)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta Publ., 2011, 244 p. (in Russian).

Emel'yanov V. V. *Nippurskii kalendar' i rannyya istoriya zodiaka* [The Nippur calendar and the early history of the zodiac]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999, 272 p. (in Russian).

Maksimova M. I. *Serebryanoe zerkalo iz Kelermesa* [Silver mirror from Kelermes]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology]. Moscow, 1954, no. XXI. P. 281–305 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Arkheologicheskie pamyatniki IX–III vv. do n. e. gornykh raionov Altaia kak kul'turno-istoricheskii istochnik (fenomen pazyrykskoi kul'tury)*. Diss. d-ra kul'turologii. [Archaeological monuments of the 9–3 centuries BC mountain's regions of Altai as a cultural and historical source (a phenomenon of the Pazyryk culture). Ph. D. Thesis in Cultural]. Saint Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2000, 56 p. (in Russian).

Marsadolov L. S. *Bol'shoi Salbykskii kurgan v Khakasii* [Big Salbyk barrow in Khakasia]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe Publ., 2010, 128 p. (in Russian).

Marsadolov L. S. *Issledovaniya v Tsentral'nom Altae (Bashadar, Talda)*. *Sayano-Altayskaya ekspeditsiya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Research in the Central Altai (Bashadar, Talda). Sayano-Altai Expedition of the State Hermitage]. Saint Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 1997, vol. 1. 56 p. (in Russian).

Marsadolov L. S. *Sakral'naya semantika kelermesskogo zerkala 7 veka do n. e. Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura. Sbornik statei* [Sacred semantics of the Kelermes mirror of the 7th century BC. Jewelry art and material culture. Digest of articles]. Saint Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2015. P. 198–211 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Zerkalo iz altaiskoi kolleksii P. K. Frolova* [Mirror from the Altai collection of P. K. Frolov]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Communications of the State Hermitage Museum]. Leningrad, 1982, vol. 47. P. 30–33 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Zhertvoprinosheniya na sakral'nykh putyakh-napravleniyakh u drevnikh kochevnikov Sayano-Altaya* [Sacrifices on the sacred paths-directions of the ancient nomads of the Sayano-Altai]. *Zhertvoprinoshenie v arkhaike: atributsiya, naznachenie, tsel'. Sbornik nauchnykh trudov seminara "Teoriya i metodologiya arkhaiki"* [Sacrifice in the archaic: attribution, purpose, purpose. Collection of scientific works of the seminar "Theory and Methodology of the Archaic"]. Saint Petersburg: Kunstkamera Publ., 2012. P. 87–115 (in Russian).

Marsadolov L. S. *"Zodiakal'naya" tatuirovka vozhdya-zhretsa iz kurgana Pazyryk-2 na Altaye. Arkheologiya Severnoi i Tsentral'noi Azii: novye otkrytiya i rezul'taty mezhdistsiplinarykh issledovaniy*. ["Zodiac" tattoo of the leader-priest from the Pazyryk-2 mound in Altai. Archeology of North and Central Asia: new discoveries and results of interdisciplinary research]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta Publ., 2021. P. 265–273 (in Russian).

Mify narodov mira. Entsiklopediya [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya Publ., 1980, vol. 1. 672 p. (in Russian).

Nevskii A. N. *Tangutskaya filologiya* [Tangut philology]. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoj literatury Publ., 1960, vol. 1, 604 p. (in Russian).

Pomerantseva N. A. *Lotos v Drevnem Egipte: mif i deistvitel'nost'* [Lotus in Ancient Egypt: myth and reality]. *Priroda* [Priroda], 1977, no. 4. P. 157–160 (in Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of Gorny Altai in the Scythian time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1953, 403 p. (in Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of the Central Altai in the Scythian time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1960, 359 p. (in Russian).

Rudenko S. I. *Sibirskaya kolleksiya Petra I. Svod arkheologicheskikh istochnikov (D 3–9)*. [Siberian collection of Peter I. Collection of archaeological sources]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1962, 52 p. (in Russian).

Sher Ya. A. "Gospodin konei" na beregu Eniseya ["Master of Horses" on the shore of the Enisei]. *Peterburgskij arkheologicheskij vestnik* [Petersburg Archaeological Bulletin]. Saint Petersburg: Farn Publ., 1993, no. 6. P. 17–22 (in Russian).

Toporov V. N. *Lotos. Mify narodov mira* [Lotus. Myths of the peoples of the world]. Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya Publ., 1982, vol. 2. P. 71–72 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 07.05.2023

Принята к публикации: 17.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023

УДК 2

DOI 10.14258/nneur(2023)3–10

П. К. Дашковский, А. Н. Ожиганов*Алтайский государственный университет Барнаул (Россия)*

СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.

В статье на основе анализа архивных материалов Национального архива Республики Хакасия и нормативно-правовых документов второй половины 1970-х — начала 1980-х гг. представлены особенности правового, социально-экономического положения религиозных общин в Хакасской автономной области (Россия, Южная Сибирь). В результате изучения широкого круга исторических источников было установлено, что в изучаемый период общесоюзная тенденция изменения государственно-конфессиональных отношений нашла отражение во взаимоотношениях государства и религиозных объединений в Хакасской автономной области. Выявлено, что в период с середины 1970-х до середины 1980-х гг. в Хакасии действовали общины Русской православной церкви, старообрядцев, молокан, евангельских христиан-баптистов, сторонников Совета церквей евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, лютеран, адвентистов седьмого дня и свидетелей Иеговы. Наиболее широкое распространение в Хакасии в это время получили направления протестантизма, среди которых выделялись общины, лояльные к власти (евангельские христиане-баптисты, лютеране и др.) и религиозные объединения, которые были не готовы к конструктивному диалогу с государственными и партийными структурами (сторонники Совета церквей евангельских христиан-баптистов, Свидетели Иеговы и др.). Общины Русской православной церкви демонстрировали лояльность к власти. При этом в соответствии с политикой государства в Хакасии происходило сдерживание активной деятельности и роста православных общин. Как и в целом по СССР, приоритетной для местных властей была регистрация лояльных групп верующих. В рассматриваемый период в Хакасии были зарегистрированы четыре общины евангельских христиан-баптистов и по одной общине Русской православной церкви, пятидесятников, адвентистов седьмого дня и лютеран.

В целом, по области росло число религиозных объединений, которые регистрировались официально. Их деятельность заметно активизировалась, а численность верующих увеличивалась. Деятельность религиозных объединений (Совета церквей евангельских христиан-баптистов, пятидесятников радикальной группы, Свидетелей Иеговы), которые категорически не соблюдали законодательство о культурах, подлежала ликвидации. Негативный настрой к советской власти и законодательству о культурах в этих общинах

в Хакасии в середине 1980-х гг. сохранялся, однако их деятельность так и не была полностью прекращена. Кроме того, группа пятидесятников из Черногорска продолжала требовать эмиграции верующих, что также явилось отражением общесоюзной тенденции роста эмиграционных настроений.

Ключевые слова: религиозные общины, государственно-конфессиональная политика, СССР, Хакасия, Южная Сибирь.

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Ожиганов А. Н. Советская государственно-конфессиональная политика в отношении религиозных общин Хакасской автономной области во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 218–236. DOI: 10.14258/nreur(2023)3–10.

P. K. Dashkovskiy, A. N. Ozhiganov

Altay state university, Barnaul (Russia)

SOVIET STATE-CONFESSIONAL POLICY IN RELATION TO THE RELIGIOUS COMMUNITIES OF THE KHAKASS AUTONOMOUS REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1970S — THE FIRST HALF OF THE 1980S

Thus, the scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time, based on the analysis of archival materials of the National Archive of the Republic of Khakasia and regulatory documents of the late 1970s — early 1980s, the features of the legal and socio-economic position of the religious communities of Khakasia (Russia, Southern Siberia) have been presented. Furthermore, we considered the specifics of state-confessional policy at the regional level and its compliance with national trends in the given period. We used comparative-historical, historical-systemic, and retrospective methods. The analysis of a wide range of historical sources, including archival materials, revealed that during the period under study, the all-union trend of changing state-confessional relations was reflected in the relationship between the state and religious associations in the Khakass Autonomous Region. Besides, we determined that from the mid-1970s to the mid-1980s, communities of the Russian Orthodox Church, Old Believers, Molokans, Evangelical Christians-Baptists, supporters of the Council of Churches of Evangelical Christians-Baptists, Pentecostals, Lutherans, Seventh-day Adventists, and Jehovah's Witnesses operated in Khakasia. Protestantism trends became the most widespread in Khakasia at that time, among which communities loyal to the government and religious associations that were not ready for a constructive dialogue with state and party structures stood out. Russian Orthodox Church communities demonstrated loyalty to the

---

authorities. At the same time, in accordance with the state policy of Khakasia, the activity and growth of these communities were restrained. During the period under review, four communities of Evangelical Christians-Baptists and one community of the Russian Orthodox Church, Pentecostals, Seventh-day Adventists, and Lutherans were registered in Khakasia. In general, the number of religious associations that were officially registered was growing in the region. The activities of religious associations that categorically did not comply with the legislation on cults were subject to liquidation. The negative attitude towards the Soviet government and the legislation on cults in such communities in Khakasia in the mid — 1980s persisted. However, the activities of such communities were not completely stopped. In addition, a group of Pentecostals from Chernogorsk continued to demand emigration, which also reflected the all-union trend of increasing emigration sentiment.

Key words: religious communities, State and confessional policy, USSR, Khakasia, Southern Siberia

---

For citation:

Dashkovskiy P. K., Ozhiganov A. N. Soviet state-confessional policy in relation to the religious communities of the Khakass autonomous region in the second half of the 1970s — the first half of the 1980s. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. Т. 28, № 3. P. 218–236. DOI: 10.14258/nreur(2023)3–10.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиозных исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; ORCID ID 0000–0002–4933–8809.

Ожиганов Александр Николаевич, аспирант, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** ozhiganov@bk.ru; ORCID ID 0000–0003–2904–6734.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; ORCID ID 0000–0002–4933–8809.

Ozhiganov Alexander Nikolaevich, postgraduate student, senior lecturer of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** ozhiganov@bk.ru; ORCID ID 0000–0003–2904–6734.

Введение

В современной исторической науке особую значимость приобретает изучение истории государственно-конфессиональных отношений в СССР, которые представляют

собой совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимоотношений между государственными и религиозными институтами [Шахов, 2019]. Актуальность исследования этой темы обусловлена возможностью учесть опыт взаимодействия государства и религиозных объединений в советское время. В условиях поликонфессиональности России это позволит сформировать более эффективную модель взаимодействия государства и религиозных общин. Кроме того, на фоне пандемии коронавируса проявилась новая общественно политическая роль религиозных организаций, которая связана с их социальным служением [Лункин, 2020: 105]. В связи с этим в ситуации продолжения пандемии и сложной геополитической обстановки изучение исторического опыта изменений социального, правового статуса религиозных объединений в контексте государственно-конфессиональной политики приобретает дополнительную актуальность. Повышение значимости религии в российском обществе привело к росту внимания ученых к советскому периоду государственно-конфессиональных отношений с начала 90-х гг. XX в.

История взаимоотношений религиозных организаций и власти в СССР представлена в трудах Д. В. Поспеловского [1996], М. И. Одинцова [2002; 2010], Т. К. Никольской [2009; 2021] и других исследователей, которые рассматривали общесоюзные тенденции. Отдельные аспекты государственно-конфессиональных отношений в Сибири представлены в работах А. В. Горбатова [2008], Л. И. Сосковец [2004], Е. Е. Жеребятьевой [2009], Е. А. Серовой [2013], С. В. Беликова, Н. С. Дворянчиковой, Е. А. Шершневой [2019] и других исследователей.

Взаимодействие религиозных объединений, особенно протестантской направленности, и органов власти в Южной Сибири были частично рассмотрены в трудах Ф. Л. Сивацкого [1999], В. А. Бурнакова [2005], А. А. Бадмаева, Ч. О. Адыгбай, В. А. Бурнакова, Д. М. Маншеева [2006], П. К. Дашковского, Н. С. Дворянчиковой [2022], О. П. Островской [2018], В. П. Клюевой [2018: 438–453], А. Н. Ожиганова [Дашковский, Ожиганов, 2022] и других историков и религиоведов. При этом особенности влияния политики советского государства на религии в национальных автономиях на территории Южной Сибири, в том числе Хакасской автономной области, входившей в рассматриваемый период в состав Красноярского края, мало изучена. В частности, не исследовано, как менялось положение и деятельность различных религиозных общин в Хакасии в контексте государственной политики середины 1970-х — середины 1980-х гг.

Материалы и методы

Целью работы является выявление особенностей влияния государственной политики на положение и деятельность религиозных общин в Хакасской автономной области в середине 1970-х — середине 1980-х гг. Для достижения цели поставлен ряд задач: провести анализ положения религиозных объединений Хакасии с середины 1970-х гг. до середины 1980-х гг.; выявить особенности государственно-конфессиональной политики на региональном уровне в изучаемый период; сравнить государственно-конфессиональные отношения в Хакасии с общесоюзными тенденциями в исследуемый период.

Изучение положения религиозных общин в контексте государственно-конфессиональной политики середины 1970-х — середины 1980-х гг. проводилось на основе ана-

лиза архивных материалов и нормативно-правовых документов. Архивные источники представлены перепиской уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР (Совете Министров СССР) по Красноярскому краю с исполкомом Хакасской автономной области, материалами отдела пропаганды и агитации Хакасского областного комитета КПСС, обзорами, информацией, перепиской и отчетами исполкомов области по вопросам религиозных культов, статистическими данными; законодательными нормативно-правовыми актами государственных и партийных органов. В ходе работы над статьей использовались материалы Национального архива Республики Хакасия. Работа основывается на методологических принципах историзма, при помощи которых процесс изменения положения религиозных общин рассматривается в различных сферах жизни общества. В соответствии с системным подходом государственно-конфессиональные отношения в статье интерпретируются как система изменяющихся форм взаимодействия между государством и религиозными объединениями. С помощью сравнительно-исторического метода был проведен анализ положения религиозных объединений в системе государственно-конфессиональных отношений. Историко-системный метод помог рассмотреть общины Русской православной церкви и направления протестантизма (баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня и др.) в Южной Сибири как важные составляющие системы государственно-конфессиональных отношений СССР в изучаемый период. Ретроспективный метод дал возможность в целом показать историческую ситуацию и проанализировать тенденции во взаимоотношениях государства и религиозных объединений Хакасии.

Результаты исследования

С приходом к власти в СССР Л. И. Брежнева начинается новый период государственно-конфессиональных отношений. Относительно лояльный поворот в политике по отношению к конфессиям на этом этапе был реакцией на предшествующую антирелигиозную кампанию Н. С. Хрущева [Савин, 2016: 60]. Со второй половины 1960-х гг. активизировалась регистрация религиозных общин, которые были лояльны в отношении к государству и готовы соблюдать законодательство о религиозных культах [Никольская, 2009: 265]. Особенно этот процесс ускорился во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. в определенной степени благодаря внешнеполитическим процессам. Решение проблем безопасности между СССР и США и процесс «разрядки международной напряженности» были отражены в подписании Хельсинского Заключительного акта в 1975 г. В соответствии с положениями о взаимоотношениях государств, прописанных в этом документе, СССР присоединялся к принципу уважения прав и основных свобод человека [Чебанян, 2017]. В этом же году в СССР были внесены изменения в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [Указ Президиума..., 1975]. В новых условиях окончательное решение о регистрации общины принимал Совет по делам религий при Совете Министров СССР [Сосковец, 2003: 314]. В 1977 г. право на свободу совести было закреплено в новой Конституции СССР [Конституция, 1977: 356]. При этом в жизни это право было номинальным. Активно развивалась атеистическая пропаганда. При этом в пользу материалистического мировоззрения все активнее стали приме-

няться научные факты и доводы, а не просто отрицание значимости религии. Сказывался и предыдущий период антирелигиозной политики Н. С. Хрущева, результатом которого стала подпольная деятельность протестантских общин, получившая широкое распространение [Никольская, 2009: 216]. Нелегальное положение религиозных общин осложняло контроль за их деятельностью со стороны государства. В этой связи важным направлением государственно-конфессиональной политики СССР в этот период, наряду с контролем зарегистрированных религиозных общин, стала легализация деятельности максимального количества незарегистрированных групп верующих, а также ликвидация деятельности религиозных объединений, категорически отказывавшихся соблюдать советское законодательство о культах.

Важно обратить внимание на то, что на территории Сибири находилось большое количество религиозных объединений, которые не были зарегистрированы официально [Горбатов, 2009: 27]. Если общины Русской православной церкви, ряд протестантских направлений были лояльны к власти, то сторонники СЦЕХБ, радикальные группы пятидесятников, адвентисты-реформисты и свидетели Иеговы не были готовы к конструктивному взаимодействию с государственными и партийными структурами [Костенко, 1967: 35, 43]. Сложная религиозная обстановка из-за нелегальной деятельности этих религиозных объединений, особенно пятидесятников, в 1970–1980-е гг. была на юге Красноярского края — в Хакасской автономной области. При этом ситуация с общинами Русской православной церкви (РПЦ) в Хакасии соответствовала общей картине государственно-конфессиональных отношений в стране.

Следует отметить, что общины РПЦ в СССР из-за массового закрытия храмов в предыдущие периоды в 1970–1980-е гг. столкнулись с ситуацией, когда ближайшая для верующих церковь находилась за десятки километров, что значительно осложняло удовлетворение религиозных потребностей [Маслова, 2005: 30]. Так, в Хакасской автономной области в 1975 г. действовала всего одна официально зарегистрированная православная община в Абакане, которая проводила богослужения в Никольской церкви. Община объединяла православных верующих всей области. Ее численность составляла примерно 550 человек [НАРХ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 82. Л. 17]. К концу 1970-х гг. в Хакасии отмечался интерес к религии среди интеллигенции и увеличение численности общины до 600 человек [НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 122. Л. 15, 17]. Рост числа верующих сказался на увеличении продаж церковной утвари, показателей некоторых видов религиозной обрядности. В свою очередь это привело к увеличению поступлений средств в церковные кассы. Рост числа крещений в целом по области составлял 68,3%. Важно отметить, что в обрядах принимали участие, в том числе и неверующие, которые также приобретали церковную утварь [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. Л. 5]. Интерес к религии со стороны атеистов в этот период наблюдался по всей стране.

На окончание советского периода истории приходится важное событие для многих верующих СССР, связанное с тысячелетием крещения Руси. В этой связи важно отметить, что подготовка к празднованию 1000-летия введения христианства на Руси началась в стране заранее и выражалась, в том числе, в строительстве и ремонте храмов в регионах. Так, церковный совет Никольской церкви Абакана в ноябре 1979 г. обратился в горисполком с просьбой о капитальном ремонте и расширении здания церкви

в связи с тем, что оно не вмещало всех прихожан [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 16, 18]. Об открытии отдельного молитвенного дома просили верующие Черногорска. Однако местные власти провели с ними беседу и убедили их, что для удовлетворения своих религиозных потребностей они могут ездить в церковь Абакана [НАРХ. Ф. 4. Оп. 61. Д. 36. Л. 26–27]. В Алтайском крае православным верующим из районов для посещения церкви также предлагалось выезжать в краевую столицу [Дашковский, Зиберт, 2015: 237].

Отказ в открытии молитвенного дома в Черногорске был использован уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю В. И. Броневичем в его сопроводительном письме для своего ведомства как аргумент в пользу реконструкции и увеличения площади церкви в Абакане. Совет по делам религий при СМ СССР в июне 1980 г. разрешил православной общине Абакана провести реконструкцию и увеличение общей площади именно в соответствии с теми цифрами, которые предложил В. И. Броневич [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 57]. Кроме того, в 1984 г. в Никольской церкви был надстроен купол и построены ворота [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 75].

Во второй половине 1970-х гг. в регионах страны возобновляется регистрация общин Русской православной церкви [Одинцов, 2002: 25]. Общесоюзная тенденция наблюдалась и в Сибири, в том числе в Хакасии. Так, в октябре 1979 г. была официально зарегистрирована община в городе Абаза [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1979. Л. 55]. Совет по делам религий при СМ СССР разрешил общине покупку здания под молитвенный дом [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 95]. Региональные власти отмечали, что верующие этой общины лояльно относились к законодательству, а их исполнительный орган согласовывал свои действия с органами советской власти. Однако к 1981 г., по данным местного исполнительного комитета, спокойная обстановка в общине была нарушена из-за разногласий в решении финансово-хозяйственных вопросов [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2067. Л. 1–2].

К 1980 г. на территории области было зарегистрировано всего две православных общины. При этом православные верующие были в разных населенных пунктах Хакасской автономной области. Например, в Черногорске 170 человек, в с. Бирикчуль Аскизского района — 20 человек [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 13–14]. Верующие продолжали посещать церковь в Абакане [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2067. Л. 45]. Таким образом, несмотря на определенную либерализацию религиозной политики, тем не менее государство сдерживало активность православных общин, не давая сильно увеличиваться их количеству.

Еще одной тенденцией, характеризующей положение общин Русской православной церкви в этот период, стал рост числа священнослужителей [Маслова, 2005: 34]. При этом в Хакасии в это время их количество увеличилось незначительно. Так, в 1975 г. в Хакасии было 22 священнослужителя РПЦ, а в 1980 г. стало 25 [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 40]. Кроме того, в начале 1980-х гг. росло количество нарушений законодательства о культах со стороны православных общин. Отдельные священнослужители старались вмешаться в финансово-хозяйственную деятельность общин, пытались влиять на исполнительные органы [Маслова, 2005: 31]. Так, настоятель Русской право-

славной церкви в Абакане вмешивался в дела исполнительного органа, требовал убрать членов ревизионной комиссии. Кроме того, фиксировались и другие нарушения. Например, священник Никольской церкви Абакана совершил обряд крещения троих детей на квартире [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2219. Л. 22].

Кроме общин Русской православной церкви в рассматриваемый период на территории Хакасии находились религиозные объединения старообрядцев. Они были многочисленны и малоактивны [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 106]. Сборы общины старообрядцев на молитвенные собрания в с. Бирикчуль Таштыпском района Хакаской автономной области прекратились после предупреждения со стороны местных властей [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2284. Л. 5]. Другая старообрядческая община находилась в п. Верх-Таштып Таштыпского района [НАРХ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 84. Л. 10]. Региональные органы власти формально держали общины старообрядцев на контроле, отмечая только факт их наличия. Такая же тенденция была в отношении регулярно собиравшейся группы молокан в Бейском районе. В нее входило 6 человек от 79 до 82 лет [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1979. Л. 36]. По мнению Т. К. Никольской, молокане очень близки к конфессиям русского протестантизма [Никольская, 2009: 22].

Следует отметить, что в Хакасии получили широкое распространение протестантские направления. Еще во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. значительное количество протестантов из присоединенных республик СССР были переселены в этот регион [Бадмаев, Адыгбай, Бурнаков, Маншеев, 2006: 37]. Наиболее многочисленными в Хакасии в 1970–1980-е гг. являлись общины ЕХБ. К середине 1970-х гг. уже было зарегистрировано две общины ЕХБ — в Абакане (244 человека) и Черногорске (45 человек). Каждая община имела молитвенный дом. Незарегистрированные объединения ЕХБ функционировали в Бейском, Алтайском, Орджоникидзевском, Таштыпском и Богградском районах [НАРХ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 82. Л. 17]. Их деятельность находилась под постоянным контролем местных властей [НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 70. Л. 1].

К концу 1970-х гг. по всей стране происходила активизация религиозной жизни в общинах ЕХБ. В декабре 1979 г. на 42 съезде ВСЕХБ (Всесоюзного совета евангельских христиан баптистов) планировались изменения устава, которые касались воспитания молодежи, разрешения на проповедь для служителей евангельских христиан баптистов из других церквей [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 24–25]. Такие нововведения рассматривались как нарушение законодательства о культах [Фаст, 2009: 222]. Тенденция активизации религиозной жизни, которая была сопряжена с нарушениями законодательства о культах, была характерна и для общин ЕХБ в Хакасии. Так, в зарегистрированной 1976 г. общине ЕХБ в с. Знаменка Богградского района верующие продолжали придерживать взглядов сторонников СЦЕХБ, которые выступали за обучение детей религии, отказывались от контроля со стороны государства [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1979. Л. 1]. В самой крупной общине ЕХБ в Абакане, особенно среди молодежи, также приветствовались взгляды сторонников СЦЕХБ. Чтобы еще больше активизировать религиозную жизнь, в общине поднимался вопрос о замене руководства, причем из числа молодых последователей [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1979. Л. 15]. В общине ЕХБ Черногорска один из активных верующих не только посещал собрания общины СЦЕХБ в Абакане, но и возил туда членов черногорской зарегистрированной общины

[НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1979. Л. 41–42]. К 1979 г. в Хакасии насчитывалось уже 4 зарегистрированные общины ЕХБ [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 1]. Во второй половине 1981 г. были зарегистрированы общины ЕХБ в Копьеве, Июсе, Абазе [НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 140. Л. 90]. В Хакасии баптистские общины представляли наибольшее число среди зарегистрированных объединений. Такая же ситуация была в Новосибирской области и Алтайском крае [Дворянчикова, 2019: 38].

Попытки активизации религиозной жизни в стране обсуждались на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР в мае 1980 г. В общинах ЕХБ в Хакасии продолжались рост и омоложение состава верующих. Внимание местных властей привлекали попытки баптистов организовать работу с молодежью. Схожая ситуация была в Кемеровской области, где также наблюдалось увеличение численности общин ЕХБ за счет привлечения детей из верующих семей и проповеднической деятельности [Серова, 2013: 17].

Активное влияние на деятельность общин ЕХБ и на рост в них нарушений законодательства о культах оказывали сторонники СЦЕХБ [Никольская, 2009: 274]. В 1975 г. их небольшие группы функционировали в Абакане и Копьеве Орджоникидзевского района и насчитывали в общем 36 человек [НАРХ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 82. Л. 17]. Кроме того, в Хакасии активно действовали приезжие проповедники, служители культа СЦЕХБ из Новосибирской области [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1979. Л. 14]. В 1979 г. в Абакане действовало три группы СЦЕХБ, которые собирались на квартирах верующих. При выявлении их незаконных собраний члены комиссий содействия контролю соблюдения законодательства о культах составляли акты, на основании которых руководители групп получали штрафы от административной комиссии. В 1978 г. уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю посетил молитвенное собрание СЦЕХБ в Абакане и побеседовал с верующими [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 62]. В. И. Броневиц отмечал, что они продолжали отказываться от соблюдения законодательства о культах, от контроля со стороны региональных властей, а также настаивали на праве обучать детей религии [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 98]. В 1980-е гг. численность приверженцев СЦЕХБ сократилась по всей стране, в связи с тем, что из-за преследований общины соглашались на регистрацию [Алексеева, 2012: 86]. К 1985 г. число сторонников СЦЕХБ в Хакасии, как и в целом в СССР, уменьшилось за счет продолжения внутренних конфликтов и ухода части верующих в зарегистрированные общины ЕХБ [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2219. Л. 50]. Однако оставшиеся сторонники СЦЕХБ продолжали распространять свои взгляды в зарегистрированных общинах ЕХБ. В то же время по сравнению с деятельностью групп сторонников СЦЕХБ более серьезные сложности во взаимоотношениях власти и религиозных объединений в Хакасии наблюдались с общинами пятидесятников.

Основные группы пятидесятников в Хакасии находились в Черногорске. Наиболее крупная и лояльная община А. А. Миллера была зарегистрирована в Совете по делам религий при СМ СССР в 1976 г. [НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 50. Л. 34]. Другая группа под руководством Р. Г. Рода отказывалась от регистрации, а также была негативно настроена к государственной власти, поддерживала контакты с верующими из-за границы и требовала эмиграции [НАРХ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 134. Л. 30]. В условиях распространен-

ного мнения о том, что эмиграционные настроения среди верующих являются следствием влияния США, эти контакты обращали на себя пристальное внимание со стороны власти [Клюева, 2018: 448]. Группа пятидесятников под руководством И. П. Яшкова также действовала нелегально, но не вступала в конфликты с местными органами власти [НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 51. Л. 117, 123].

Следует отметить, что движение пятидесятников за выезд из СССР развивалось по всей стране. В 1979 г. в Советском Союзе появился руководящий центр — Совет церковей пятидесятников, а в 1980 г. была образована правозащитная группа евангельских христиан-пятидесятников РСФСР [Королев, Королева, Молькин, 2013]. В этой ситуации Совет по делам религий при СМ СССР пытался предпринять действия по упорядочению их деятельности. В 1980 г. с этой целью в исполнительный комитет краевого Совета народных депутатов Красноярск поступил запрос сведений о пятидесятниках [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 45]. В этом же году уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю В. И. Броневиц лично посетил собрание пятидесятников в Черногорске. Местным органам власти он дал рекомендацию по легализации деятельности общин пятидесятников и по ликвидации эмиграционных настроений [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 62–67]. После эмиграции семей Ващенко и Чмыхало в 1983 г. обстановка стала более напряженной. Верующие рассчитывали на помощь в эмиграции, но не получали ее [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2219. Л. 40, Л. 40: об]. Существенной поддержки с Запада пятидесятники не имели. Те, кто требовал выезда из СССР, были представлены как немногочисленная маргинальная группа [Клюева, 2018: 450].

Наряду с лояльной общиной пятидесятников А. А. Миллера в Хакасии не вступала в конфронтацию с властью и лютеранская община. Официальную регистрацию она получила в 1981 г. В ее составе было 16 пожилых верующих, которые по данным местного исполкома не оказывали влияния на население [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 19]. Лютеранская община в Хакасской автономной области была зарегистрирована одной из первых в Красноярском крае. Так, в регионе числилось еще 11 лютеранских общин, из которых было зарегистрировано только две [НАРХ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 84. Л. 8]. Местные органы власти посещали собрания лютеран, изучали их проповеди, в целом контролируя соблюдение законодательства о культах [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 8–9].

Иные отношения с властью в Хакасии были у общин адвентистов седьмого дня, первая из которых появилась в Абакане в 1977 г. Община придерживалась взглядов П. А. Мацанова и открыто отказывалась от регистрации [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1979. Л. 15]. Однако после ряда бесед в апреле 1980 г. община адвентистов седьмого дня была зарегистрирована в Совете по делам религий при СМ СССР [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980. Л. 63]. При этом верующие общины адвентистов седьмого дня по субботам не пускали детей в школу и требовали соблюдения «библейского часа» [НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 161. Л. 43]. Невозможность отменить религиозные занятия с детьми отмечали группы адвентистов седьмого дня Новосибирска и Бердска, которые тоже находились под влиянием взглядов П. А. Мацанова [Горбатов, 2008: 238–239]. В начале 1980-х гг. в абаканской общине адвентистов насчитывалось 10 верующих, а еще в одной группе на ст. Харачул Таштыпского района — 11 [НАРХ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 84. Л. 7–8].

К 1984 г. количество адвентистов в Абакане достигло 17 [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2219. Л. 50]. Руководитель общины, Э. Д. Лефтер, являлся членом пресвитерского совета Восточно-Сибирского поля, что позволяло значительно расширить контакты общины. Так, у адвентистов седьмого дня из Хакасии были налажены связи с Дальним Востоком и с Прибалтикой [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 64].

На нелегальном положении и в острой конфронтации с властью, как и по всей стране, так и в Хакасии, действовали свидетели Иеговы. В 1975 г. их группы находились в Абакане, Аскизском, Орджоникидзевском, Алтайском районе в количестве 119 верующих [НАРХ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 82. Л. 17]. В составе свидетелей Иеговы в Хакасии было 37% коренного населения, а 50% являлись уроженцами Хакасской автономной области [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1979. Л. 14]. Внимание власти привлекал быстрый рост их численности за счет вовлечения новых членов групп [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1979. Л. 7]. Кроме того, прирост в общинах происходил и за счет семей верующих. При этом в них активно вовлекались молодежь и дети, как например, это было в п. Бельтырском Аскизского района. Свидетели Иеговы не признавали законодательство о религиозных культах, отказывались от регистрации, не голосовали на выборах в Верховный Совет РСФСР и в местные Советы народных депутатов [НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 39–40]. В связи с тем, что подобное поведение со стороны свидетелей Иеговы наблюдалось по всей стране, государственными органами были приняты некоторые меры. В частности, в 1980 г. году Совет по делам религий при СМ СССР обсудил деятельность групп свидетелей Иеговы и выпустил постановление «О состоянии и мерах усиления работы по разоблачению и пресечению противозаконной деятельности свидетелей Иеговы» [Одинцов, 2002: 35]. В Хакасии, как и по стране в целом, противоправная деятельность свидетелей Иеговы пресекалась работниками отдела внутренних дел [НАРХ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 32. Л. 76]. Численность свидетелей Иеговы в Абакане постоянно, росла. Так, в 1975 г. их было 50 человек, а к 1985 г. было уже 105–120 [НАРХ. Ф. 11. Оп. 62. Д. 40. Л. 72]. Попытки советского правительства ликвидировать их деятельность не только не заставили свидетелей Иеговы отказаться от своих религиозных взглядов, но и косвенно содействовали распространению веры [Бадмаев и др., 2006: 38].

По мнению исследователей, переход религиозных общин на легальное положение осложняла сама политика советского государства, которая носила противоречивый характер [Одинцов, 1989: 67; Белякова, 2008: 124]. В результате исследования установлено, что в середине 1970-х — первой половине 1980-х гг. государственно-конфессиональная политика в Хакасской автономной области соответствовала общесоюзным тенденциям и была направлена на легализацию и контроль за деятельностью религиозных объединений при параллельном усилении атеистического воспитания через беседы с верующими. Среди полученных результатов следует отметить, что в отношении общин Русской православной церкви Хакасии проводилась политика сдерживания их активности, о чем свидетельствует регистрация всего одной православной общины в рассматриваемый период. При этом общины Русской православной церкви были лояльно настроены к государству, хотя и иногда нарушали законодательство о культах. Схожие результаты были получены исследователями по соседней территории Западной Сибири [Жеребятьева, 2012] и по стране в целом [Масло-

ва, 2005]. В ходе исследования выявлено, что особенно широко на территории Хакасии были распространены протестантские направления, взгляды которых на власть различались от лояльных до радикальных. Такая тенденция характерна и для регионов Сибири [Горбатов, 2008; Сосковец, 2003б].

Религиозные объединения в Хакасии в рассматриваемый период стали действовать более динамично. Активизация их деятельности и рост числа зарегистрированных общин наблюдались и в других регионах Сибири [Дашковский, Дворянчикова, 2022]. Важным этапом упорядочивания деятельности религиозных объединений была регистрация общин, настроенных лояльно, и ликвидация деятельности тех групп верующих, которые отказывались от соблюдения советского законодательства о культурах. При этом органам власти не удалось добиться лояльного отношения со стороны всех радикально настроенных пятидесятников, продолжавших требовать разрешения на выезд из СССР. Схожие выводы получены исследователями в отношении пятидесятников Дальнего Востока [Клюева, 2018: 438–453]. Движение за эмиграцию части последователей протестантских деноминаций также нарастало по всей стране.

Заключение

Исходя из результатов проведенного исследования можно сделать вывод, что под влиянием политики государства в целом по Хакасской автономной области наблюдался как определенный рост числа зарегистрированных религиозных общин, так и увеличение в них численности верующих. Сложившаяся ситуация в Хакасии являлась отражением общесоюзных тенденций. Новая информация по количеству официально зарегистрированных общин в регионе получена авторами на основе архивных материалов, не введенных ранее в научный оборот. В Хакасской автономной области в этот период действовали официально две общины Русской православной церкви, одна из которых была зарегистрирована в изучаемый период. Помимо двух общин евангельских христиан-баптистов, которые уже были зарегистрированы ранее, государственную регистрацию в 1975–1985 гг. в Хакасии получили еще 4 общины. Кроме того, было зарегистрировано по одной общине пятидесятников, адвентистов седьмого дня и лютеран. В области также продолжали действовать сторонники Совета церквей евангельских христиан-баптистов, активно росла численность свидетелей Иеговы, деятельность которых не удалось полностью ликвидировать, несмотря на определенные попытки государственных органов власти.

В процессе исследования фактически было определено количество зарегистрированных, а также часть незарегистрированных, религиозных объединений в Хакасии и обозначены изменения их положения в зависимости от политики советского государства в изучаемый период. Удалось также рассмотреть особенности взаимодействия общин Русской православной церкви и органов государственной власти в Хакасии. Было установлено численное преобладание протестантских общин по сравнению с другими объединениями верующих в этом регионе в середине 1970-х — середине 1980-х гг. Кроме того, были представлены данные по количеству общин и изменениям в деятельности зарегистрированных и незарегистрированных религиозных групп. Была также получена новая информация по развитию эмиграционного движения в среде пятидесятни-

ков в Хакасии. Полученные результаты существенно дополняют историю государственно-государственно конфессиональных отношений в Сибири. Материалы работы могут быть также учтены при реализации государственно-конфессиональной политики в Хакасии и при улучшении отечественной системы государственно-конфессиональных отношений на региональном уровне на современном этапе.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект № 23–18–00117).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М. : Московская Хельсинкская группа, 2012. 384 с.

Бадмаев А. А., Адыгбай Ч. О., Бурнаков В. А., Маншеев Д. М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2006. 168 с.

Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А. Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культурах в Западной Сибири во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг. // Народы и религии Евразии. 2019. № 2. С. 100–111.

Белякова Н. А. Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: проблема регистрации // Отечественная история. 2008. № 4. С. 124–130.

Бурнаков В. А. Пятидесятники в Хакасии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2005. № 15. С. 449–456.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е –1960-е гг. Томск : ТГУ, 2008. 408 с.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 51 с.

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Особенности регистрации религиозных общин на территории Алтайского края в середине 1950-х — начале 1980-х гг. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. VIII. С. 230–241.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 152 с.

Дашковский П. К., Ожиганов А. Н. Атеистическая пропаганда в Хакасии в середине 1960-х — середине 1970-х гг. // Народы и религии Евразии. 2022. № 3. С. 144–161.

Дворянчикова Н. С. Положение религиозных общин на территории Новосибирской области в 1970-е — начале 1980-х гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2019. № 3 (107). С. 35–39.

Жеребятьева Е. Е. Правовое положение протестантских организаций и атеистическая работа в Алтайском крае (1945–1980-е гг.) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4–1. С. 79–82.

Жеребятьева Е. Е. Государственно-конфессиональные отношения в Алтайском крае в 1945–1990 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012. 24 с.

Клюева В. П. Эмиграция по религиозным мотивам: советские пятидесятники в поисках «лучшей доли» // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. № 2. С. 438–453.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). М., 1977. 356 с.

Королев А. А., Королева Л. А., Молькин А. Н. Движение пятидесятников в СССР в 1950–1980 гг. // *Genesis: исторические исследования*. 2013. № 6. С. 125–131.

Костенко Н. А. Реакционная сущность идеологии и деятельности протестантских сект в Сибири : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1967. 24 с.

Лункин Р. Н. Механизмы религиозной реакции на пандемию коронавируса // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2020. № 2. С. 104–108.

Маслова И. И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской православной церкви: 1953–1991 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 46 с.

Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 2. Оп. 6. Д. 82.

НАРХ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 84.

НАРХ. Ф. 2. Оп. 13. Д. 32.

НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 122.

НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 140.

НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 161.

НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 50.

НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 51.

НАРХ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 70.

НАРХ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 134.

НАРХ. Ф. 4. Оп. 61. Д. 36.

НАРХ. Ф. 11. Оп. 62. Д. 40.

НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1979.

НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 1914. 1980.

НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2067.

НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2219.

НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2284.

НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372.

Никольская Т. К. Возрождение или кризис? Вызовы «перестройки» в конфессиях русского протестантизма // *Народы и религии Евразии*. 2021. Т. 26, № 2. С. 121–131.

Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 356 с.

О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» : Указ Президиума ВС РСФСР от 23.06.1975 // *Консультант Плюс*. Retrieved from <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=22615#024006540420579325> (дата обращения: 04.12.2020).

Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. М. : Российское объединение исследователей религии, 2010. 182 с.

Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М. : Прогресс, 1989. С. 29–71.

Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М. : ЦИНО, 2002. 310 с.

Островская О. П. Эмиграционное движение в среде дальневосточных пятидесятников в 1960–1980-е гг.: причины и формы проявления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 46–56.

Поспеловский Д. В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М. : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996. 408 с.

Савин А. И. «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком». «Брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.). // Вестник ТвГУ. 2016. № 4. 59–75.

Серова Е. А. Общины Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области в середине 1940-х — первом десятилетии 2000-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 33 с.

Сивацкий Ф. Л. Эмиграция верующих из СССР в 60–80-е годы (на примере пятидесятнических организаций Красноярского края) // Права человека в России: прошлое и настоящее : сборник докладов и материалов научно-практической конференции. Пермь: Звезда, 1999. URL: <https://memorial.krsk.ru/Articles/1999/1999Sivacky.htm> (дата обращения: 15.10.2021).

Сосковец Л. И. Правовое положение религиозных организаций в Советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА, 2003а. № 1 (20). С. 310–321.

Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск : Том. гос. ун-т, 2003б. 348 с.

Сосковец Л. И. Религиозные организации Западной Сибири в 1940–1960-е годы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2004. 46 с.

Фаст А. А. Советское государство, религия и церковь. 1917–1990. Документы и материалы. Барнаул : ИПП «Алтай», 2009. 704 с.

Чебанян Р. А. Хельсинкский заключительный акт 1975 года: причины подписания и последствия // Исторические науки и археология. Т. 9. № 3/2. 2017. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/helsinkiy-zaklyuchitelnyy-akt-1975-goda-prichiny-podpisaniya-i-posledstviya/viewer> (дата обращения: 04.12.2020).

Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 880 с.

REFERENCES

Alekseeva L. M. *Istoriya inakomyслиya v SSSR: novejsnij period* [The history of dissent in the USSR: the newest period]. Moscow: Moscow Helsinki Group, 2012. 384 p. (in Russian).

Badmaev A. A. Adygbai Ch. O., Burnakov V. A., Mansheev D. M. *Protestantizm i narody YUzhnoj Sibiri: istoriya i sovremennost'* [Protestantism and the peoples of Southern Siberia:

History and Modernity]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2006. 168 p. (in Russian).

Belikov, S. V., Dvoryanchikova, N. S., Shershneva, E. A. Deyatel'nost' komissij po kontrolyu za vypolnieniem zakonodatel'stva o kul'tah v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine 1960-h — nachale 1980-h gg. [Activity of commissions for monitoring the implementation of legislation on cults in Western Siberia in the second half of the 1960s — early 1980s.]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2019, no. 2. P. 100–111 (in Russian).

Belyakova N. A. Vlast' i religioznye ob'edineniya v “pozdnem” SSSR: problema registracii [Power and religious associations in the “late” USSR: the problem of registration]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history]. 2008, no. 4. P. 124–130 (in Russian).

Burnakov, B. A. Pyatidesyatniki v Hakasii [Pentecostals in Khakasia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture]. 2005, no. 15. P. 449–456 (in Russian).

Chebanyan R. A. Hel'sinkskij zaklyuchitel'nyj akt 1975 goda: prichiny podpisaniya i posledstviya [Helsinki Final Act of 1975: reasons for signing and consequences]. *Istoricheskie nauki i arheologiya* [Historical Sciences and Archeology]. 2017, vol. 9, no. 3/2. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/helsinkskiy-zaklyuchitelnyy-akt-1975-goda-prichiny-podpisaniya-i-posledstviya/viewer> (accessed in December 4 2020). (in Russian).

Fast A. A. *Sovetskoe gosudarstvo, religiya i cerkov'. 1917–1990. Dokumenty i materialy.* [The Soviet state, religion and the Church. 1917–1990. Documents and materials]. Barnaul: IPP “Altai”, 2009, 704 p. (in Russian).

Gorbatov A. V. *Gosudarstvo i religioznye organizacii Sibiri v 1940-e — 1960-e gg.* [The state and religious organizations of Siberia in the 1940s — 1960s]: Abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Kemerovo, 2009, 51 p. (in Russian).

Gorbatov A. V. *Gosudarstvo i religioznye organizacii Sibiri v 1940-e –1960-e gg.* [The State and religious organizations of Siberia in the 1940s –1960s]. Tomsk: TSU, 2008, 408 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. *Sovetskaya i rossijskaya gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoj Sibiri* [Soviet and Russian state-confessional politics in the south of Western Siberia]. Barnaul: Publishing house of Alt. un-ta, 2022, 152 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Ozhiganov A. N. Ateisticheskaya propaganda v Hakasii v seredine 1960-h — seredine 1970-h gg. [Atheistic propaganda in Khakasia in the mid-1960s — mid-1970s.]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2022, no. 3. P. 144–161 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Osobennosti registracii religioznyh obshchin na territorii Altajskogo kraja v seredine 1950-h — nachale 1980-h gg. [Features of registration of religious communities in the Altai Territory in the mid-1950s — early 1980s.]. *Mirovozzrenie naseleniya YUzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoy retrospektive* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul: Publishing House of Alt. un., 2015, is. VIII. P. 230–241 (in Russian).

Klyueva V. P. Emigraciya po religioznym motivam: sovetskie pyatidesyatniki v poiskah “luchshej doli” [Emigration for religious reasons: Soviet Pentecostals in search of a “better life”]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica]. 2018, vol. 6, no. 2. P. 438–453 (in Russian).

Konstituciya (Osnovnoj zakon) Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik (prinyata na vneocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 g.) [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977)]. Moscow, 1977, 356 p. (in Russian).

Korolev A. A., Koroleva L. A., Molkin A. N. Dvizhenie pyatidesyatnikov v SSSR v 1950–1980 gg. [The Pentecostal movement in the USSR in 1950–1980]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research]. 2013, no. 6. P. 125–131 (in Russian).

Kostenko N. A. *Reakcionnaya sushchnost' ideologii i deyatel'nosti protestantskikh sekt v Sibiri* [Reactionary essence of ideology and activity of Protestant sects in Siberia]: Autoref. dis. ... cand. philos. sciences'. Tomsk, 1967, 24 p. (in Russian).

Lunkin R. N. Mekhanizmy religioznoj reakcii na pandemiyu koronavirusa [Mechanisms of religious reaction to the coronavirus pandemic]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. 2020, no. 2 P. 104–108. (in Russian).

Maslova I. I. *Evolyuciya veroispovednoj politiki sovetskogo gosudarstva i deyatel'nosti Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: 1953–1991 gg.* [Evolution of the religious policy of the Soviet state and the activities of the Russian Orthodox Church: 1953–1991]: abstract of the dissertation of Dr. ist. n. Moscow, 2005, 46 p. (in Russian).

Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya (NARH) [National Archive of the Republic of Khakasia (NARH)]. Fund 2. Inventory 6. File 82. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 2. Inventory 12. File 84. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 2. Inventory 13. File 32. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 2. Inventory 14. File 122. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 2. Inventory 14. File 140. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 2. Inventory 14. File 161. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 2. Inventory 14. File 50. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 2. Inventory 14. File 51. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 2. Inventory 14. File 70. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 2. Inventory 9. File 134. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 4. Inventory 61. File 36. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund 11. Inventory 62. File 40. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund R-39. Inventory 1. File 1914. 1979. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund R-39. Inventory 1. File 1914. 1980. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund R-39. Inventory 1. File 2067. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund R-39. Inventory 1. File 2219. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund R-39. Inventory 1. File 2284. (in Russian).

NARH [NARH]. Fund R-39. Inventory 1. File 2372. (in Russian).

Nikolskaya T. K. *Russkij protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godah.* [Russian Protestantism and state power in 1905–1991]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2009, 356 p. (in Russian).

Nikol'skaya T. K. *Vozrozhdenie ili krizis? Vyzovy "perestrojki" v konfessiyah russkogo protestantizma* [Revival or crisis? Challenges of "perestroika" in the confessions of Russian

Protestantism]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2021, no. 2. P. 121–131 (in Russian).

Odintsov M. I. Put' dlinoyu v sem' desyatiletij: ot konfrontacii k sotrudnichestvu (gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v istorii sovetskogo obshchestva) [The path of seven decades: from confrontation to cooperation (state-church relations in the history of Soviet society)]. *Na puti k svobode sovesti* [On the way to freedom of conscience]. Comp. and general ed. Furman D. E. and O. Mark (Smirnova). M.: Progress, 1989. P. 29–71 (in Russian).

Odintsov M. I. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom* [The Russian Orthodox Church in the XX century: history, relations with the state and society]. Moscow: TSINO, 2002, 310 p. (in Russian).

Odintsov M. I. *Veroispovednye reformy v Sovetskom Soyuze i v Rossii. 1985–1997 gg.* [Religious reforms in the Soviet Union and in Russia. 1985–1997], Moscow: Russian Association of Religious Researchers, 2010, 182 p. (in Russian).

Ostrovskaya O. P. Emigracionnoe dvizhenie v srede dal'nevostochnyh pyatidesyatnikov v 1960–1980-e gg.: prichiny i formy proyavleniya [Emigration movement among the Far Eastern Pentecostals in the 1960s-1980s: causes and forms of manifestation]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [The Ecumene. Regional studies]. 2018, no. 2. P. 46–56 (in Russian).

Pospelovsky D. V. *Pravoslavnaya cerkov' v istorii Rusi, Rossii i SSSR* [The Orthodox Church in the history of Russia, Russia and the USSR]. Moscow: Bibl.-Bogosl. institute of St. Andrew the Apostle, 1996, 408 p. (in Russian).

Savin, A. I. “Mnogie dazhe ne dopuskayut mysli, chto sektant mozhet byt'” chestnym chelovekom'. “Brezhnevskij” povorot v antireligioznoj politike i rossijskij protestantizm (1964–1966 gg.). [“Many people do not even admit the idea that a sectarian can be an honest person.” “Brezhnev's” turn in anti-religious politics and Russian Protestantism (1964–1966)]. *Vestnik TvGU* [Bulletin of TvSU] 2016, no. 4 P. 59–75 (in Russian).

Serova E. A. *Obshchiny Evangel'skih hristian-baptistov Kemerovskoj oblasti v seredine 1940-h — pervom desyatiletii 2000-h gg.* [Communities of Evangelical Christians-Baptists of the Kemerovo region in the mid-1940s — the first decade of the 2000s]: Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Kemerovo, 2013, 33 p. (in Russian).

Shakhov M. O. *Pravovye osnovy deyatel'nosti religioznyh ob'edinenij v Rossijskoj Federacii* [Legal bases of activity of religious associations in the Russian Federation]. Moscow: Publishing house of the Sretensky Monastery, 2019, 880 p. (in Russian).

Sivatsky F. L. Emigraciya veruyushchih iz SSSR v 60–80-e gody (na primere pyatidesyatnicheskikh organizacij Krasnoyarskogo kraja) [Emigration of believers from the USSR in the 60–80s (on the example of Pentecostal organizations of the Krasnoyarsk Territory)]. *Prava cheloveka v Rossii: proshloe i nastoyashchee. Sbornik dokladov i materialov nauchno-prakticheskoy konferencii* [Human rights in Russia: past and present. Collection of reports and materials of the scientific and practical conference]. Perm: Zvezda, 1999. URL: <https://memorial.krsk.ru/Articles/1999/1999Sivacky.htm> (accessed in: October 15 2021) (in Russian).

Soskovets L. I. *Pravovoe polozhenie religioznyh organizacij v Sovetskom gosudarstve* [The legal status of religious organizations in the Soviet state]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo*

filiala RTA [Scientific notes of the St. Petersburg branch of the MOUTH]. 2003a, no. 1 (20). P. 310–321 (in Russian).

Soskovets L. I. *Religioznye organizacii Zapadnoj Sibiri v 1940–1960-e gody* [Religious organizations of Western Siberia in the 1940s–1960s]: abstract of the dissertation. ... Doctor of Historical Sciences. Tomsk, 2004, 46 p. (in Russian).

Soskovets, L. I. *Religioznye konfessii Zapadnoj Sibiri v 40–60-e gody XX veka* [Religious confessions of Western Siberia in the 40–60s of the XX century]. Tomsk: Vol. State University, 2003b, 348 p. (in Russian).

O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Postanovlenie VCIK i SNK RSFSR ot 8 aprelya 1929 goda "O religioznyh ob"edineniyah": Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 23.06.1975 [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of 23.06.1975 «On Amendments and additions to the Resolution of the Central Executive Committee and the SNK of the RSFSR of April 8, 1929 “On religious associations” (1975)]. Consultant Plus. Retrieved from <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=22615#024006540420579325> (accessed in: December 4 2020). (in Russian).

Zherebyatyeva E. E. *Pravovoe polozhenie protestantskih organizacij i ateisticheskaya rabota v Altajskom krae (1945–1980-e gg.)* [The legal status of Protestant organizations and atheistic work in the Altai Territory (1945–1980-ies.)]. *Izvestiya Altajskogo gos. un-ta* [Izvestiya Altaiskogo gos. un-ta]. 2009. No. 4–1. P. 79–82 (in Russian).

Zherebyatyeva E. E. *Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Altajskom krae v 1945–1990 gg.* [State-confessional relations in the Altai Territory in 1945–1990]. Abstract of dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 2012. 24 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 02.07.2023

Принята к публикации: 30.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIH PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
- Информация о конференциях
- Персоналии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Стандартный объем статьи — 0,5–1 авт. л. (до 40 тыс. знаков с пробелами), (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами с подписями на русском и английском языках. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать **ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов)**. Машинный (компьютерный) перевод не принимается. Аннотация к статье должна быть оригинальной, отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: введение, тематические блоки (от 1 до 5 блоков), заключение.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособ-

---

ленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i.i.ivanov@mail.ru

I. I. Ivanov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy
of Sciences, Novosibirsk (Russia)*

**MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN
PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a

---

---

living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Keywords: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I. I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 1. P.

Ivanov Ivan Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). Contact address: i.i.ivanov@mail.ru

---

Введение

Текст статьи на русском языке: Текст Текст

Тематические разделы (от 1 до 5)

Текст Текст

Заключение.

Текст Текст

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07–01–00842а)

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в алфавитном порядке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

References

Список «References» (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык.

Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте “Convert Cyrillic”: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Рус-

ский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьёй.

2) *Примеры оформление литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnyye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religioznyy fenomen. Diss. kand. filoz. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть располо-

---

жены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpm.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023. Том 28, № 3

Редактор Л. И. Базина

Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог Урал Пресс
Подписной индекс ВН 017798. Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 19.09.2023.

Выход в свет 27.09.2023.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 19,7. Тираж 300 экз. Заказ 593.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66